

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

*Научно-практический журнал
Учрежден Тюменским юридическим институтом
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Издается с декабря 2006 года
Выходит ежеквартально*

№ 2 (16) 2011

Главный редактор
А.И. Числов

Редакционная коллегия:

Аксенов Р.Г., кандидат юридических наук, доцент; **Арямов А.А.**, доктор юридических наук, доцент; **Афанасьев В.С.**, доктор юридических наук, профессор; **Бражников Д.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Бутылин В.Н.**, доктор юридических наук, профессор; **Герасименко Ю.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Григорьев О.Г.**, кандидат юридических наук, доцент; **Емельянов А.С.**, доктор юридических наук, доцент; **Киричёк Е.В.**, кандидат юридических наук, доцент; **Комиссарова Е.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Кузакбирдиев С.С.** (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; **Лавров В.П.**, доктор юридических наук, профессор; **Мазунин Я.М.**, доктор юридических наук, профессор; **Ольков С.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Отческая Т.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Петров А.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Сумачев А.В.**, доктор юридических наук, доцент; **Сергеев А.Б.**, доктор юридических наук, профессор; **Цишковский Е.А.** (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; **Числов А.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Шарапов Р.Д.**, доктор юридических наук, доцент; **Шеслер А.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Юзиханова Э.Г.**, доктор юридических наук, доцент; **Яджин Н.В.**, кандидат юридических наук, доцент

*Редакторы Е.В. Карнаухова, Е.А. Пыжова, М.А. Лихачева
Технический редактор С.Ф. Ярославцев*

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.
Тел. (3452) 59-85-16.
Тел./факс (3452) 30-68-69.
Эл. почта naukatui@mail.ru
Сайт <http://www.naukatui.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27144 от 09.02.2007 г.
ISSN 1998-6963

Подписано в печать 21.06.2011. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 14,53. Уч.-изд. л. 12,75.
Тираж 1000 экз. Заказ № 169. Цена свободная.

© ФГОУ ВПО «ТЮИ МВД России», 2011

Содержание

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

<i>Апрелева В.А.</i> Актуальность и смысл политико-правового учения Платона.....	4
<i>Киричѐк Е.В.</i> Становление и развитие прав и свобод человека и гражданина: философско-правовое измерение.....	13
<i>Барбин В.В.</i> Реализация общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России.....	23

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

<i>Юрьев В.В.</i> О необходимости закрепления компетенции Российской Федерации и ее субъектов в области внешней миграции.....	30
---	----

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

<i>Вавилин Е.В.</i> Порядок определения страховой суммы по договору страхования.....	34
<i>Ерѐменко А.С.</i> Методологические вопросы структуры нормы гражданского права.....	39

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

<i>Арямов А.А.</i> К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц.....	49
<i>Морозов В.И., Цыганков С.Л.</i> Особенности уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства в зарубежных странах.....	58
<i>Юзиханова Э.Г., Заремба Е.С.</i> Виктимологическая профилактика уличной преступности (по материалам Тюменской области).....	66

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

<i>Матвиенко Г.В.</i> Таможенная служба на защите интересов национальной безопасности: проблемы реализации контрольно-надзорных полномочий.....	75
<i>Алгазин И.И.</i> Содержание криминалистической характеристики краж сельскохозяйственных животных.....	82

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

<i>Федосеева Е.Л.</i> Процессуальный срок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.....	89
---	----

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

<i>Балуев Е.Н.</i> Механизм реализации правоохранительной функции современного государства.....	94
<i>Горяинова М.В.</i> Российские соотечественники как объект миграционной политики Российской Федерации.....	101
<i>Салимгареева А.Р.</i> Проблема законодательного регламентирования «стихийной» преступной группы (толпы) в российском уголовном праве.....	107

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

<i>Смахтин Е.В.</i> Рецензия на монографию С.Э. Либановой «Конституционно-правовые основы деятельности российской адвокатуры в механизме обеспечения прав и свобод человека».....	113
<i>Summary</i>	117
<i>К сведению авторов</i>	121

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

АКТУАЛЬНОСТЬ И СМЫСЛ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО УЧЕНИЯ ПЛАТОНА

В.А. Апрелева

(заведующий кафедрой гуманитарных и социальных наук Тюменского
государственного архитектурно-строительного университета,
доктор философских наук, профессор; 8 (3452) 43-02-38)

В статье проанализированы достижения Платона в построении концепции труда «Законы». Рассмотрены такие понятия, как добродетель, закон, высший авторитет права, его общеобязательность, справедливость, искусство законодательства.

Ключевые слова: Платон, добродетель, закон, высший авторитет права, общеобязательность, справедливость, искусство законодательства.

Современные политико-правовые взгляды невозможно постичь без обращения к истории идей, так как именно учения прошлого часто являются своего рода «точкой отсчета» для соответствующих концепций и их верной интерпретации. История идей всегда мобилизуется для решения задач сегодняшнего дня, поэтому непреходящим является практическое значение науки не только для тех, кто принимает непосредственное участие в управлении государственными делами, но и для всех граждан, делающих сознательный выбор в своих политико-правовых ориентациях. Именно таким, современным звучанием отличается политико-правовое учение Платона. И объяснение следует искать в верном выборе им целей и направлений своей созидательной работы.

Венцом философской системы Платона является его учение о государстве, учение об искусстве управлять. Как справедливо пишет в своем фундаментальном труде «История философии законодательства» выдающийся русский правовед К.А. Неволин, «...политика для Платона есть наука, имеющая предметом устройство и управление человеческого общества сообразно идее добродетели или идее правды. В этой науке надлежало подвергнуть философскому исследованию все основные понятия законодательства, все роды и виды законов как относительно частных дел в государстве, тем более должен был сделать это Платон, что

он между наукой управлять государством и наукой управлять домом, в существе вещи, не находил никакого различия, полагая, что большой дом и небольшое государство относительно управления нимало не разнятся друг от друга.

Цель идеального государства, полагает Платон, – правда, соединяющая в себе все иные добродетели: мудрость, мужество, умеренность. Государство, вполне добродетельное, праведное будет, по учению Платона, вполне блаженным и счастливым» [1, с. 123].

Многое в учении Платона о государстве остается востребованным и в наши дни. О каких бы видах и сферах деятельности государства не рассуждал античный философ, он обосновывает возможность торжества добра как общего блага над злом, правды над ложью, здравого смысла над демагогией и заблуждениями, разума и справедливости над произволом.

Принципиальные позиции о правовом устройстве государства защищаются Платоном в произведении «Законы». Удивительно современны его рассуждения о соотношении разума и закона: оптимальное законодательство не только охраняет государство, оно определяет качество государственности и выступает единственным очевидным основанием их классификации. Вопреки традиционно низким оценкам произведения Платона «Законы», мы находим в них продолжение теории

государственного устройства и обнаруживаем, что здесь провозглашены принципы построения правового государства.

Действительно, отечественная платониана содержит немало и ценных, и критических замечаний, подводящих итоги «Законам». Так, В. Асмус полагает, что в «Государстве» и в «Законах» мы встречаем одну и ту же идею: разработка государственного устройства, при котором государство было бы «счастливым во всем» и сохранялось бы «величие прекрасных деяний», т.е. целостность государства. По мнению Асмуса, «Государство» – это многогранное построение философской мысли, в котором проблеме справедливости как фундаменту государства уделено исключительное внимание. В «Законах» уже принят исторический подход к обоснованию необходимости нового законодательства. Здесь рассматривается, «какая судьба погубила» союз трех эллинских государств, и поэтому «предметом, достойным рассмотрения», называется вопрос: «как законы и государственный строй сохраняют величие прекрасных деяний или, наоборот, совсем его губят» (ЗШ 686 b-c). Оценка В. Асмуса на фоне многих интерпретаций платоновских «Законов» даже выдающимися русскими философами видится оптимистичной. Более резкими являются выводы, сделанные В.С. Соловьевым, П. Новгородцевым, Е. Трубецким.

Заключительные оценки «Законов» В. Соловьева и П. Новгородцева различаются. В. Соловьев довольно резко замечает, что из великого множества счастливо погибших плохих произведений древности Законы Платона сохранились неприкосновенными. Далее философ иронизирует по поводу значимости платоновского сочинения, которое важно, во-первых, с точки зрения «историко-эстетической, потому что увековеченное здесь отречение от Сократа дает жизненной драме Платона трагический конец»; во-вторых, как «свидетельство глубокого падения Платона» [2, с. 623-625].

Финальный аккорд П. Новгородцева иной: «Многие подробности отталкивают нас в нем, его политический план кажется

нам разнородным. Но за всем этим мы не можем не чувствовать некоторого высокого морального духа, который проходит через все сочинение как руководящий и основной мотив... Смелым полетом своего гения он... захотел свести эту высшую правду с неба на землю, сделать ее реальной действительностью. В этом последнем замысле он должен был потерпеть крушение; но самая попытка есть лишнее свидетельство глубины его стремлений» [3, с. 283].

Е. Трубецкой ждал от Платона проекта воплощения царствия Божьего на земле, а вместо этого находит затрату «богатых даров гения для подробнейшего изображения идеального общественного устройства на пять тысяч сорок граждан... Этот контраст производит невообразимо тягостное впечатление» [4, с. 53]. Непонимание истинного замысла Платона делает критику Е. Трубецкого, внутреннюю по своей интенции, критикой внешней, и он, словно под копирку, воспроизводит все обвинения внешней критики.

Опираясь на современные политико-правовые взгляды, постараемся найти рациональное зерно в произведении Платона и подвести итоги, обозначив несомненные, на наш взгляд, достижения Платона в построении концепции «Законов». Во-первых, Платон фактически первым использовал принцип, «рекомендуемый» социально-естественным отбором, который (очевидно, не без влияния Платона) повторил П. Сорокин. «Принцип, столь необходимый процветающему обществу, гласит: “Каждому, по его способностям (особенно врожденным)”... До сих пор еще ни одному обществу не удалось продемонстрировать свою способность к подобной циркуляции членов» [5, с. 291]. П. Сорокин признает, что принцип, «необходимый процветающему обществу», провозглашенный Платоном, до сих пор не стал целенаправленно осуществляемым принципом государственного строительства.

Актуальными являются и принцип «равенства неравных» – «каждому по его добродетели», и платоновское понимание мужества государства: мужество – в осуществлении принципа «разрешено все, что

не запрещено», который пресекает произвол, но оставляет свободу законным действиям.

В части научной методологии (как и в идейном содержании) Платон выступает как новатор. Во-первых, он вполне осознанно постулирует системный подход к разработке государственного устройства. Во-вторых, он последовательно применяет метод моделирования.

Поскольку добродетель понимается Платоном как вселенский закон, становится наивысшей ценностью в его учении о государстве, рассмотрим интерпретацию ее содержания в различных диалогах философа. Сам термин «добродетель» (арета), неоднократно встречающийся в древнегреческой литературе и философии, не поддается точному и однозначному переводу ни на какой современный язык. Вот что пишет А.Ф. Лосев об использовании этого слова Платоном: «...Чрезвычайно трудно перевести на какой-нибудь современный язык основной для диалога “Протагор” термин *αρετή*. Чаще всего он переводится как “добродетель”. Но в сущности это не столько добродетель, сколько “достоинство”, “добротность”, “прекрасная организованность”, “благородство”, “доблесть” и пр. Ни один из этих переводов не передает существа дела, ибо все они весьма односторонни. “Доблесть”, например, указывает скорее на бранные подвиги или гражданские заслуги, в то время как в античной философии термин *αρετή* применяется вообще ко всякой человеческой практике... начиная от физической и кончая чисто духовной; кроме того, Платон понимает ее как некое внутреннее средоточие духа, которое активно определяет и все отдельные свои проявления вплоть до физически единичного» [6]. В диалоге «Протагор» доблесть, например, отождествляется с искусством управления государством, что явно не укладывается в современное понимание этого термина.

Интересующий нас термин присутствовал в языке греков издревле и фиксируется не только поэмами Гомера, но и предшествовавшим им слоем мифологических представлений. Так, в олимпийском

пантеоне присутствует богиня Артемида, надзирающая за исполнением издревле установленных обычаев, упорядочивающих животный, растительный мир и отношения между полами человеческого рода, и жестоко карающая за их нарушение. Примечательно, что она связана с луной.

Этимология ее имени однозначно так и не установлена, однако согласно одному из мнений, бытовавших еще во времена Платона, оно связано с «аретой»: «А может быть, назвавший ее так особо подчеркнул ее испытанную добродетель или то, что она как бы этой добродетели страж» [6, с. 640].

«Арета» Платона непосредственно связана с его идеалистическими, сакральными представлениями о мироустройстве и государстве как повторении божественного образца. В сознании Платона индивидуальная человеческая «арета-добродетель» была неразрывно связана со всем устройством Вселенной и не мыслилась отдельно от него. Так, например, Платон вкладывает в уста Сократа следующее утверждение: «А коль скоро мы с тобой на протяжении всей нашей беседы хорошо искали и говорили, то получается, что нет добродетели ни от природы, ни от учения, и если она кому достается, то лишь по божественному уделу, помимо разума... Из этого нашего рассуждения стало ясно, Мелон, что если нам достается добродетель, то достается она по божественному уделу, а узнаем мы это как следует тогда, когда, прежде чем искать, каким образом достается человеку добродетель, мы попробуем выяснить, что такое добродетель сама по себе» [6, с. 612]. В «Законах» Мегилл у Платона так говорит об афинянах: «Ибо только их добродетель возникает без принуждения, сама собой; божество уделяет им ее, так что в ней поистине нет ничего искусственного» [6, с. 90]. Однако у Платона изредка проглядывают и более архаичные представления, и в одном месте он трактует «арету-добродетель» как вечное течение: «”Добродетель” (*αρετή*) означает, прежде всего, легкое передвижение, а затем и вечно свободное течение, полет доброй души, так что, видимо, “добродетель” получила имя от вечного, неудержимого и

беспрепятственного течения и полета» [6, с. 651]. Данное заявление великого греческого философа перекликается с выводом современных исследователей о происхождении индийской «риты» от глагола «приводить в движение», «двигаться», что подтверждает изначальное генетическое родство обоих терминов, включенных в ареал индоевропейских представлений.

В последний период своей философской деятельности Платон значительно сблизился с пифагорейцами, как в силу личных симпатий, так и в силу философских побуждений. Сведения об этом последнем периоде мы черпаем из работ Аристотеля, который слушал Платона в эту эпоху, и из позднейшего сочинения Платона «Законы».

В метафизике Платона произошли следующие изменения: он отождествил свои идеи с числами пифагорейцев и, подобно им, признал началом всего сущего элементы чисел – «единое» и «беспредельное». Из этих начал образуется не только все чувственное множество, но и самые идеи, которые Платон признавал идеальными числами (*αριθμοί νοητοί*). Единое (*τοέν*) отождествляется с сущим и с благом, является образующей причиной всех вещей; беспредельное – с материей (*υλη*) и получает все ее отрицательные свойства. Это – начало раздвоения, делимости (Платон называет его также неопределенной двойцей – *δυσζαοριστος*); как противоположное первому, это – начало отрицания, множества, несовершенства, зла, как у пифагорейцев.

Еще бо'льшую перемену мы находим в произведении «Законы», где Платон отказывается от прежней несбыточной мечты и стремится приблизиться к действительности. Он предлагает ряд законов, ряд мер для реформы государственной жизни, не нарушающих ее действительных условий. Платон по-прежнему видит в добродетели высшую цель государства, но он уже потерял надежду на осуществление правления философов; полагая, что идеальное государство, в котором нет ни семьи, ни частной собственности, мыслимо лишь среди богов и сынов божиих (Законы. 739 D). Законы по-прежнему должны основываться

на разуме и знании истины; но они должны сообразовываться со страной и народом. Платон теперь от правителей требует лишь мудрости и благоразумия (*φρονησις*), а не философии. Добродетель, составляющая цель государства, понимается уже в обычном смысле и должна воспитываться равномерно во всех гражданах. Место философии занимает религия, причем Платон предпринимает религиозную реформу в пифагорейском духе. Все государственное устройство закладывается на религиозных началах. Боги, демоны и герои играют самую видную роль. Ими санкционируются законы, ими стоит государство, все части которого распределяются между отдельными божествами. Жертвы и богослужение составляют одно из важнейших занятий граждан. Верования основываются на законах и предании, и всякое нарушение законов есть такое же нечестие, грех против богов, как кощунство и святотатство.

Какую же эволюцию переживает у Платона само понятие «закон»? В диалоге «Критон» социальный строй выдвигается Платоном как некое вечно-устойчивое и самостоятельно-вещное бытие. Сократ здесь персонифицирует государственные законы, и они являются и говорят ему целую речь, в которой утверждается полная неизблемость и непререкаемость социального устройства. Сократ думает, что он не имеет права не послушаться своего города, приговорившего его к смертной казни, и не имеет права бежать. Это было бы нарушением законов. По его словам, сами законы как бы говорят ему, что государство не может оставаться целым, если граждане станут нарушать законы и пользоваться ими по своему произволу (50a-c). «Отвечай же нам, – говорят они, – за какую нашу вину собираешься ты погубить нас и город? Не мы ли, во-первых, родили тебя, и не с нашего ли благословения отец твой получил себе в жены мать твою и произвел тебя на свет?» (50cd). Законы требовали от отца, чтобы он воспитывал своих детей, и вообще всегда защищали (50e). «Или же в своей мудрости не замечаешь того, что отечество драгоценнее и матери, и отца, и всех остальных предков, что оно неприкосновен-

нее и священнее и в большем почете и у богов, и у людей, – у тех, у которых есть ум, – и что если отечество сердится, то его нужно бояться, уступать и угождать ему больше, нежели отцу, и либо его вразумлять, либо делать то, что оно велит; и если оно приговорит к чему-нибудь, то нужно претерпевать это спокойно, – будут ли то розги или тюрьма, пошлет ли оно на войну, пошлет ли на раны или на смерть, – что все это нужно делать, и что это справедливо, и что отнюдь не следует сдаваться врагу, или бежать от него, или бросать свое место, но что и на войне, и на суде, и повсюду следует делать то, что велит город и отечество, или же вразумлять их, когда этого требует справедливость; учинять же насилие над матерью или над отцом, а тем паче над отечеством – есть нечестие» (51 а-с).

А.Ф. Лосев приводит эти фрагменты в «Очерках античного символизма и мифологии» и резюмирует, что, по-видимому, социальная действительность и государственные законы – это «братья законам Аида», и нарушение их есть также нарушение и вечных законов бытия [7, с. 301-302].

Платон постулирует непреложность государственного порядка, не объясняя причин неукоснительного подчинения законам: законы и отечество существует, и больше ничего. Как они существуют и почему существуют, каков их смысл и место в сознании человека – об этом вопросы не ставятся. Диалог «Апология Сократа» продолжает эту тему – тему утверждения непреклонности морально направленной воли и устройства жизни по законам добра и истины. Общеизвестно это знаменитое бесстрашие Сократа перед лицом смерти. «Нехорошо ты это говоришь, мой милый, будто человеку, который приносит хотя бы малую пользу, следует принимать в расчет смерть, а не смотреть во всяком деле только на то, делает ли он дела справедливые или несправедливые, дела доброго человека или злого» (28b). «Хочу вас уверить, что так велит бог; и я думаю, что во всем городе нет у вас большего блага, чем это мое служение богу» (30a). А.Ф. Лосев полагает, что позиция философа перед смертью очевидна: «Наивно-натуралистически утверждается

земной мир, с его неправдой и злом, загробный мир, с его правдой и истиной, твердая и неподкупная совесть, ведущая человека из этого мира в тот мир» [7, с. 304].

По Платону, законы не продукт прихоти законодателя: «Неправильны те законы, что установлены не ради общего блага всего государства в целом. Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних распрях? и то, что считается там справедливостью, носит вообще это имя. Мы говорим так потому, что ведь в твоём государстве мы будем предоставлять государственные должности не тем, кто богат, силен, велик ростом, знатен... но тем, кто будет всего более послушен установленным законам... Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги» (715b-d).

То же относится и к законодательству. Платону удается дать характеристику законодательства, сравнив его с искусством врачевания: «Издавая законы, можно пользоваться двумя средствами – убеждением и силой, насколько это возможно при невежественности и невоспитанности толпы; обычно законодатели пользуются только вторым средством... Издавая свои законы, они не примешивают увещаний и убеждений к необходимости, но употребляют лишь чистое насилие». Закон должен состоять «из двух частей; собственно закона и вступления к нему... Увещательное рассуждение законодатель приводит ради того, чтобы те, кому он дает законы, благосклонно приняли его предписания (а это и есть закон) и вследствие этой своей благосклонности стали бы восприимчивее» (720a-723a).

В рассмотрении государственных законов, предлагаемых Платоном, нас по-прежнему более всего привлекает аспект сакрального. Платон подчеркивает: «Есть два вида государственного устройства: один – где над всем стоят правители, другой – где и правителям предписаны зако-

ны». Но прежде всего законодатель должен озаботиться «очищением государства». При радикальном способе «правосудие влечет за собой справедливое возмездие» – смерть или изгнание. «Так обыкновенно отделяются от величайших, к тому же неисцелимых, преступников, чрезвычайно вредных для государства». Более мягкий способ применяют к неимущим людям, если они «выкажут из-за недостатка воспитания склонность выступить против имущих». Их надо «выслать прочь, делая это, однако, в высшей степени дружелюбно и смягчая их удаление названием “переселение”» (735a-736a).

О том, как именно государство очищается от скверны порока и преступлений, повествуется в девятой книге «Законов». Здесь Платон предлагает учение о преступлениях и наказаниях.

Первым называется закон о святотатстве. Как и все законы, он начинается с предупреждения. Ослушнику закон скажет: «Кто будет уличен в святотатстве, тому, если он раб или чужеземец, отметя лицо и руки клеймом его благополучия, подвергнут его стольким ударам, сколько решат судьи, и в нагом виде выгонят за пределы страны. Возможно, что такое наказание исправит и образумит его. Дело в том, что по закону ни одно наказание не имеет в виду причинить зло. Нет, наказание... делает наказываемого либо лучшим, либо менее испорченным». Если подобный поступок совершен гражданином, который нанес великое, несказанное оскорбление богам, родителям или государству, то наказание такому человеку – смерть. И это еще наименьшее из зол.

После преступлений против богов идут преступления, касающиеся ниспровержения существующего государственного строя: «Кто стремится сделать законы рабами людей и заставляет государство подчиняться партиям, того, раз он при этом прибегает к насилию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отвязленным врагом всего государства в целом» (853b-856b).

В заключение приводятся установления о наказаниях за различные виды нечес-

тия. Среди них есть закон, который «...должен касаться всех: пусть никто не сооружает святилищ в частных домах... Учреждать святилища и богослужения нелегко; правильно это можно делать только во зрелом размышлении... Ведь таким образом они навлекут осуждение богов как на себя, так и на тех, кто лучше их, но допускает, чтобы они все это делали, да и все государство по справедливости подвергнется участи нечестивых людей» (909d-910b).

В книге двенадцатой устанавливается порядок формирования собрания, охраняющего законы. Подобно тому, как военачальник и врач знают свою цель и поэтому добиваются успеха, охранители законов должны знать цель государства и «знать, каким образом следует приняться за дело». Все законы должны иметь в виду единую цель. Цель эта – добродетель (961e-963d).

Рассмотрение текстов «Законов» позволяет признать, что в качестве системообразующего принципа Платон избирает «добродетель в целом», тогда как «теперь каждый... устанавливает то, в чем у него в данное время нужда: один – законы о наследовании... другой – об оскорблениях действием... и так до бесконечности... Правильно начать именно с добродетели и утверждать, что ради нее-то и установил устроитель свои законы» (с38). Системно мыслящий законодатель должен иметь ясно сформулированную цель и постоянно сверять с ней конкретные законы: «Законодатель должен часто задавать себе вопрос: “К чему, собственно, я стремлюсь? Достигну ли я своей цели или потерплю неудачу?”» (3V 744a). Именно принцип системности заставляет Платона обсуждать множество деталей психологического, экономического, педагогического и просто житейского характера, которые не подлежат законодательному регулированию, но которые системно мыслящий законодатель должен принимать во внимание, устанавливая законы. Платон неоднократно подчеркивает, что в случаях, касающихся частной жизни граждан, речь идет не о законах, а о деталях, важных для дальновидного законодателя. «Было бы неблагоприятно и вместе с тем непристойно давать тут законы и ус-

танавливать наказания, тем не менее промолчать невозможно» (3 VII 788b).

Применяя метод моделирования, Платон первым делом выстраивает совершенное государство как систему законов, нравов, обычаев, традиций и т.д., руководствуясь при этом принципом соответствия всех этих элементов «добродетели в целом». Только по завершении этой теоретической конструкции (модели) он изучает, в какой мере реальность может приближаться к этому идеалу. Этот метод он обосновывает следующим образом. Когда установлено, что такое справедливость, не следует требовать, чтобы справедливый человек «во всех отношениях был таким, какова справедливость», а надо удовольствоваться «тем, что человек по возможности приблизится к ней». Так же и с государством: сначала надо дать словесный «образец совершенного государства», а потом рассматривать возможность его устройства. Следовательно, Платон использует модель государства в качестве вспомогательного средства при изучении реальности таким же образом, как модели используются в современной науке.

Другой вариант использования метода моделирования дан при обсуждении структуры совершенного государства. Сначала Сократ дает описание государства-модели – «здорового государства», где люди обходятся без предметов роскоши, «радостно общаясь друг с другом; при этом остерегаясь бедности и войны» (Г II 372b). В ответ на возражение собеседников, что такой простой образ жизни уже не удовлетворяет людей, которым нужны «картины и украшения, золото и слоновая кость», Сократ начинает рассматривать государство, которое может удовлетворить изысканные запросы. Но в таком государстве неизбежен дух стяжательства, его «лихорадит», и в нем могут возникнуть междоусобия и необходимость воевать с соседями. Для сохранения целостности такого государства необходим институт стражей, и Сократ углубляется в рассмотрение организации этого института. Таким образом, здесь он рассматривает «богатое государство», совершенное насколько это возможно, на

фоне тоже совершенного, но здорового государства.

Если кратко сформулировать теоретические положения «Законов», восходящих к современности, то их перечень может быть следующим.

1. Разработана концепция правового государства:

А. Обязательность соблюдения закона всеми, включая правителей.

Б. Поставлен вопрос о необходимости разделения властей. Суд – одна из ветвей власти.

В. Система управления государством должна сочетать черты единовластия и демократии.

2. Выдвинуты и обоснованы принципы построения законодательства:

А. Принцип системности: законодательство должно исходить из всей добродетели в целом. Писанные законы должны составлять единое целое с обычаями, традициями, привычками людей.

Б. Принцип воспитывающей роли законодательства: законы должны не только повелевать, но и разъяснять, воспитывать добродетель. Наказание должно перевоспитывать преступника.

В. Принцип индивидуального подхода: закон, не имея возможности учесть все нюансы частных случаев, не должен делать гражданина несчастным.

3. Разработаны принципы воспитания и обучения граждан.

А. Воспитание и обучение в государстве – дело первостепенной важности.

Б. Обучение должно быть всеобщим и обязательным.

В. Воспитание должно быть слито с повседневной жизнью (социальная педагогика).

Г. Формирование мотивации к деятельности – приоритет и основа обучения (индивидуально-личностный подход к воспитанию и обучению).

Д. Формирование готовности к деятельности осуществляется через выполнение самой этой деятельности в упрощенных вариантах (принцип деятельности).

4. Предложена шкала жизненных ценностей, в которой на первом месте забота о

душе (добродетель), на втором – забота о теле, и на третьем – забота о приобретении имущества.

5. Поставлена логико-философская проблема теодицеи – оправдания бога за существование зла.

Для того чтобы правильно судить об идейном наследии Платона, необходимо осознать и постоянно держать в поле зрения основную проблему его социальной философии – «как лучше всего устроить государство и каким образом частному человеку лучше всего прожить свою жизнь» (3 II 702a).

Платон определяет высший авторитет права и его общеобязательность необходимостью утверждения им торжества добра над злом и справедливости. Он основательно разбирает соотношение справедливости и несправедливости, постоянное их столкновение в поступках людей, социальную опасность несправедливости, подрывающей устои государства. Платон учит, что единственно в четких рамках правового пространства только и возможна справедливость, обеспечивающая мирное сожительство, эффективные совместные действия и достижение социально значимых целей.

Греческий философ располагает научным аппаратом своего времени, он использует термин «закон» (νόμος) для выведения основных правовых понятий, уточнения исходных положений, анализа правовой материи в целом. По Платону, право выступает формально определенным ориентиром нравственного поведения людей и универсальным регулятором межличностных отношений, который дает возможность упорядочивать их в интересах человеческого сообщества как целого, объединенного в государство. Право одновременно предоставляет необходимую свободу каждому с учетом индивидуальных различий природного, морального и социального характера, разрешая по справедливости постоянно проявляющиеся между людьми противоречия. По справедливости же право карает за преступления в силу необходимости охраны правопорядка и укрепления законности. Но главную зада-

чу права, его важнейшую социальную ценность философ подчеркивает неоднократно во всех трех указанных произведениях. Она сводится к тому, чтобы обеспечить *распределительную справедливость* по принципу «каждому свое по достоинству и от содеянного, без претензий на чужое и без вмешательства в чужие дела».

Даже не занимаясь поисками формулировки понятия права в узком смысле слова, Платон тем не менее результативно трудится над философским обоснованием отдельных отраслей и правовых институтов. Так, в сфере государственного права он подчеркивает подчиненную позицию законодателя земного, хотя и располагающего властью, по отношению к законодателю божественному. Пресекая возможные злоупотребления, он предписывает осуществлять власть разумно, только в рамках закона и только государством. Платон, по существу, формулирует принцип нерушимости и общеобязательности закона: законность (εὐνομία), по Платону, есть «повиновение правильным законам», а правовой порядок – это не только «единообразие в устройстве всех взаимосвязанных вещей», но и «соразмерность во взаимоотношениях».

Афинский мудрец считает необходимым сначала выяснить политическую необходимость власти, ее социальную ценность, реальные основания, на которых она возникает и осуществляется, а потом заняться выяснением того, что есть политическое искусство. Глубокое проникновение в сущность политической власти, классификация и характеристика различных ее государственных форм, как совершенных и предпочтительных, так и отрицательных или дурных, – отнюдь не простые, умозрительные конструкции «идеалиста» Платона. В основе его теоретически выверенных положений лежат пристальные исследования политических режимов многочисленных полисов Великой Эллады и сопредельных государств. Только выдающаяся политическая наблюдательность и немалая осведомленность, приобретенная во время пребывания в разных странах, прошедшие сквозь призму философского анализа, мог-

ли дать Платону возможность заинтересовать кого-то своими «политическими» диалогами спустя сотни и тысячи лет.

Платон подчеркивает диалектическую сложность взаимосвязи закона и искусства власти. Мудрые законы, выражающие идею общего блага и справедливости, должны гарантировать разумность государственной политики, а политика должна «отличаться упорядоченностью», давать людям «жить мирно, занимаясь собственными делами и не вмешиваясь в чужие». Соотношение «политика – закон» становится особенно важным в периоды политической нестабильности, когда в государствах происходит борьба за власть. В этом случае, по Платону, спасение государства состоит в том, чтобы политические и госу-

дарственные деятели стали воистину служителями мудрого, справедливого закона.

1. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. История философии законодательства. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

2. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.

3. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995.

4. Трубецкой Е.Н. Социальная утопия Платона. М., 1908.

5. Перуанский С.В. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

6. Платон. Апология Сократа; Критон; Ион; Протагор. М., 1999.

7. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Е.В. Киричѐк

(заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин
Тюменского юридического института МВД России, кандидат юридических наук,
доцент; 8 (3452) 59-85-21)

Статья посвящена проблемам становления и развития прав и свобод человека и гражданина. В ней представлен анализ взглядов, идей, теорий, концепций, воззрений и выводов специалистов в области философии, общей теории права, конституционного права. Отмечается, что, прежде чем овладеть общественным сознанием и стать предметом законодательного регулирования, идея прав человека должна была возникнуть на уровне теории. А для этого необходимы соответствующие социальные, экономические и политические предпосылки.

Ключевые слова: права человека, гражданин, личность, государство, свобода, обеспечение, реализация, развитие.

Становление прав и свобод человека и гражданина является результатом длительного исторического развития. Как ни парадоксально, но одной из главных причин возникновения прав человека являются различные угрозы его нормальной жизнедеятельности и стремление эффективно им противостоять. Жизнь человека на протяжении тысячелетий подвергалась опасности. В ответ рождались и утверждались гуманистические идеи равенства людей, защиты от дискриминации, насилия и т.д. Нравственные, философские, христианские начала прав человека формировались параллельно с правовыми воззрениями на него как на участника социальной жизни. В теории и практическом воплощении каждая исторически данная система права в той или иной степени включала в себя юридическую концепцию личности как субъекта права и соответствующие представления о ее правах и обязанностях, их гарантиях: от примитивных и ограниченных до высоко развитых. Права человека есть необходимый, неотъемлемый и неизбежный компонент всякого права вообще, субъективно-исторический аспект выражения сущности права как особого типа и специфической формы социальной регуляции. Право без прав человека так же невозможно, как и права человека без и вне его [1, с. 22].

Прежде чем овладеть общественным сознанием и стать предметом законодательного регулирования, идея прав человека

должна была возникнуть на уровне теории. А для этого необходимы соответствующие социальные, экономические и политические предпосылки. Теоретически эту идею подготавливали представления о человеке как о существе, обладающем свободой воли, представления о равенстве людей (эгалитаризм) и единстве человечества (универсализм). Зарождение и развитие данной идеи определялось генезисом такой общественной системы, функционирование которой обеспечивается наличием у индивидов гарантированной возможности выбора и социального пространства свободы; системы, в которой выгоднее взаимное соблюдение, чем нарушение того, что называется правами человека. Ее формирование связано с появлением демонополизированного (плюралистического) механизма распределения благ, при котором существует множественность независимых от государства источников доходов. Наличие такого механизма связано с возникновением эквивалентного обмена, производящей экономики, с индивидуализацией имущества, разделением труда. Права человека, таким образом, являются продуктом определенного типа социальных отношений [2, с. 8].

Культурный прогресс общества невозможен, если он не вносит принципиально нового в положение личности, если человек не получает с каждой новой ступенью развития дополнительных свобод, хотя бы классово ограниченных, но все же расширя-

ющихся от одной общественно-исторической формации к другой. Этот важнейший аспект культурного прогресса можно проследить по возрастанию гуманного начала в морали, праве, религии, философии по мере естественно-исторического развития общества. Античный раб свободнее первобытного дикаря. Средневековый крепостной свободнее античного раба. Буржуазное общество создало условия для формальной свободы всех членов общества. И хотя развитие человечества по пути свободы не было поступательным наращиванием только прогрессивных начал, исторический прогресс пробивает себе дорогу через все случайности и хаотические нагромождения социального развития [3, с. 14].

Права человека, их генезис – одна из «вечных» проблем социально-культурного развития человечества, прошедшая через тысячелетия. В различные эпохи эта проблема, неизменно оставаясь политико-правовой, приобретала то религиозное, то этическое, то философское звучание в зависимости от социальной позиции находившихся у власти классов, заинтересованных в обосновании и оправдании существующего классового распределения прав и обязанностей в обществе, от исторического этапа социального развития. Права человека – сложное многомерное явление; их становление связано с генезисом правовых норм, в которых сформулированы права человека.

Вопрос о том, что лежит в основе прав человека, никогда не решался однозначно. Так, согласно доминирующим христианско-религиозным взглядам, «эти права были предначертаны Создателем при сотворении мира», и неверно говорить, что их «даруют» какие-либо институты – государства или международные организации. Эти структуры лишь осуществляют предначертание Господне – написанный в сердцах закон [4, с. 5]. Данте в конце XIII в. писал, что Бог вложил в природу человека свободу, которая заключается в жизни для самих себя [5, с. 68]. В светской же мысли передовую, прогрессивную роль сыграла и во многом ее сохраняет естественно-правовая концепция, многие из родоначальников и виднейших представителей которой

жили и работали в странах, где начинались буржуазные революции (Б. Спиноза – в Голландии, Д. Локк – в Англии, Вольтер и Ж.-Ж. Руссо – во Франции, Б. Франклин и Т. Джефферсон – в США). Они не только критиковали феодализм, но и обосновывали необходимость господства права в отношениях между индивидом и государством, настоятельно утверждали идею общественного договора как фундамента происхождения и легальности функционирования институтов власти. Согласно концепции естественного права первоочередным источником прав человека служит сама его биосоциальная природа, а они, соответственно, выступают в качестве прирожденных и неотчуждаемых, а не дарованных (октроированных) правителями [6, с. 144-152]. В свою очередь, выраженные в фундаментальных правах человека идеи свободы, равенства (равноправия), социальные возможности служат утверждению его достоинства, позволяют обеспечивать полноценную жизнь, обоснованно притязая на необходимый для этого объем благ.

Исследователи проблемы подчеркивают, что признание прав человека есть признание достоинства, которое является его абсолютным свойством, воплощающим постоянство человеческой сущности, сохраняемой благодаря передаче по наследству строго определенных и сущностно неизменных физиологических, психологических и душевных качеств человека [7, с. 22]. В любом государственно-организованном обществе утверждение и непрекаемость названного свойства достигается посредством практического осуществления прав человека, которые по мере общественного прогресса, так или иначе, неизменно распространялись на весь более широкий круг субъектов. Исторический процесс никогда не проходил гладко, сопровождался острыми социальными битвами за права и свободы. Он показывает, что каждому поколению, как справедливо отмечено, нужно вновь и вновь защищать права человека, что человечество еще не оказалось в ситуации, когда не требуется усилий для охраны и защиты прав человека. Всякое поколение соответствующим

образом отвечает на неизменный вызов истории, связанный с отстаиванием такой великой ценности, как свобода и права человека [8, с. 3].

Зарождение идеи прав человека в V-VI вв. до н. э. в древних полисах (Афинах, Риме), появление принципа гражданства были крупным шагом на пути движения к прогрессу и свободе. Неравномерность распределения прав человека между различными классовыми и сословными структурами, а то и полное их лишение (если говорить о рабах) было неизбежным для тех этапов общественного развития. Каждая новая его ступень добавляла новые качества правам человека, распространяла их на более широкий круг субъектов. И происходило это в борьбе классов и сословий за свои права, за свободу, ее расширение и обогащение. Само же употребление слова «свобода», как утверждают, появилось в XXIV в. до н. э., когда правитель государства Шумер установил «свободу» для своих подданных путем применения санкций к сборщикам налогов, защиты вдов и сирот от несправедливых действий людей, обладавших властью, и запрета закабаления храмовых услуг первосвященниками [9, с. 271].

Первые же представления о равенстве возникли очень рано: принцип талиона, жребий как равенство перед судьбой [1, с. 23].

К изучаемой идее более осознанно стали подходить древнегреческие мыслители (Платон, Сократ, Аристотель и др.), что объясняется определяющей ролью торговли в древних средиземноморских культурах. Первым шагом было преодоление замкнутости и трайбализма (жесткого деления на своих и чужаков), характерных для ранних обществ. Купец был первым чужаком, чья имущественная и личная безопасность стала защищаться местными нормами, чаще всего через институт гостеприимства. Племенная автаркия разрушалась через предоставление прав отдельным личностям. Торговля снижала значение архаичного коллектива для жизни и самообеспечения индивида. Этот процесс наиболее интенсивно стал проходить во II тыс. до н. э. [10, с. 72].

Объективная ценность человека для других обусловлена его отличиями и способностью предоставлять блага, которые другие люди либо не могут предоставить, либо могут это сделать в весьма ограниченных размерах. Как писал Ф. Хайек, «...людям нужно было стать разными, прежде чем они могли стать свободными» [10, с. 141].

В связи с этим права появляются в первую очередь у «непохожих» индивидов. Следовательно, становление всеобщих прав человека связано с развитием такой социальной системы, которая обеспечила бы максимальную дифференциацию труда и максимальное разнообразие общественно необходимых благ, производственный и потребительский плюрализм.

Идею и практику свободы и прав гражданина дала наиболее открытая из всех известных древних цивилизаций – Афины, которые изначально возникли и существовали в форме взаимодействия различных культур, государств, этносов. Заметим, есть основания полагать, что нечто подобное имело место и ранее в некоторых районах Древнего Египта (третья династия, XXVIII в. до н. э.), Китая, Финикии, там, где существовали сильные частные хозяйства, развивалась коммерция, и в ряде случаев сильное купечество могло противостоять при помощи сохранившихся общинно-демократических институтов деспотическим наклонностям монархов [2, с. 11]. Попытка античного сознания идентифицировать человека со всем человечеством, прорваться за рамки узкосоциальной, узкогосударственной антропологии отразилась во взглядах Протагора (ок. 490-420 гг. до н. э.), Диогена Синопского (ок. 412-323 гг. до н. э.) и особенно в естественно-правовых концепциях стоиков с IV в. до н. э. Стоицизм, в свою очередь, повлиял на христианство, сыгравшее важнейшую роль в формировании идеи прав человека [2, с. 11].

В целом античное сознание не знало идеи прав человека (только права гражданина). Это выразилось в том, что а) индивид не мыслился вне социума и пользовался социальными возможностями исключительно как член государства, б) конфликт между общественно-государственным и

индивидуальным интересами всегда решался в пользу первого, власть большинства (народного собрания) не была ограничена (хотя в Древнем Риме и Греции появились зачатки разделения властей на практике и в теории «смешанных властей»), в) римский мир не наделил индивида правами человека, так как до конца и не признал за ним свободы воли, человеческие поступки были детерминированы фатумом (судьбой), г) люди не признавались равными в расовом отношении и, следовательно, политически, юридически, религиозно [2, с. 11].

В период Средневековья свобода была крайне ограничена, поскольку феодальное общество – общество всеобщей зависимости. Система внеэкономического принуждения, сословная иерархия, бесправие большинства порождали произвол, культ силы, систематическое насилие. Однако уже в этот период в Англии возникают попытки ограничить права монархии, соединить ее с сословным представительством, определить для монарха правила, которым он должен следовать. Противостояние монарха, баронов, рыцарства, горожан и свободных крестьян завершилось принятием Великой хартии вольностей 1215 г. В ней содержатся статьи, направленные на обуздание произвола королевских чиновников, требования не назначать на должности судей, шерифов и констеблей лиц, не знающих законов или не желающих их выполнять. Она провозгласила неприкосновенность имущества, назначение наказания только по приговору суда, право покидать страну и свободно возвращаться обратно и др. [11, с. 3-5].

В период становления буржуазного строя в Англии принимается «Хабеас корпус акт» (1679), который вводит процедуру освобождения арестованных из тюрьмы в тех случаях, когда по закону они могут быть взяты на поруки, устанавливает гарантии неприкосновенности личности, принцип презумпции невиновности, сроки давности и другие гарантии защиты прав личности [11, с. 5-13].

Значительное развитие права человека получают в Билле о правах, принятом Англией в 1689 г. [11, с. 14-18]. Этот документ установил свободу слова, свободу

выборов в парламент, право обращения подданных с петицией к королю, запретил жестокие наказания, установил ряд правил участия присяжных в судебном заседании.

Все эти документы сыграли выдающуюся роль в истории прав человека. Они заложили основы концепции процессуальных гарантий, «надлежащей процедуры» и связанности государственной власти по отношению к личности.

Однако не следует забывать и о неравнозначной роли разных религий и идеологий в упомянутых процессах. В протестантизме деятельное отношение к мирской жизни объявлялось обязанностью перед Богом, из которой и выводились права человека. Прожить жизнь – это не только право, которому корреспондируют обязанности государства и третьих лиц, но и долг перед Богом. От всего, что препятствует исполнению этого долга, человек должен быть огражден. Мнение о том, что социальным инструментом такого ограждения от чьих-либо произвольных действий должен стать закон, одними из первых высказали английские протестанты. В Англии уже в XIII–XV вв. создавались политические теории монархии, ограниченной законом [12, с. 76].

Следует особо обратить внимание, что к такому мнению приводит выведение права из обязанностей перед Богом. Если же видеть источник прав в обязанности перед светской или духовной властью, что часто делается клерикалами и монархистами, то получается своеобразная опекунская модель «естественных прав»: ответственность человека перед некоторыми социальными силами (монархом и церковью) теоретически безгранична, и по определению данные социальные силы имеют божественно санкционированное право на установление, определение, отмену и нарушение прав человека, которые вторичны, поскольку проистекают не прямо от Бога, а опосредованно через личность монарха или института церкви.

Не только идейно, но и практически категория обязанности сыграла важную роль в становлении прав человека и гражданина. Часто крестьяне и городские жи-

тели требовали от сеньоров издания актов, четко устанавливавших размеры и виды повинностей. С одной стороны, фиксированная повинность есть обязанность платить и выполнять определенные работы, а с другой – эта обязанность содержала в себе право не исполнять сверхнормативные требования. К тому же четкие установления ограничивали произвол и позволяли, действительно, проявиться свободе воли как важнейшей психологической предпосылке прав человека и гражданина. Ведь свобода воли возможна только в мире причинности и основана на возможности предвидеть результаты своей деятельности [2, с. 15-16].

Огромное значение в тот момент времени имели концепции Страшного суда и чистилища, широко распространившиеся с XII в. Идея Страшного суда демонстрировала уважение к достоинству личности. Бог обращает внимание на человека, он достоин быть судим. В чистилище каждый независимо от социального положения претерпевает наказание (равенство ответственности) в соответствии со своими грехами. Эти доктрины Г. Дж. Берман назвал «великой вселенской демократией» [13, с. 170].

Прежде чем перейти к анализу непосредственно прав человека, следует указать на черты западноевропейского общества, которые оказали существенное влияние на формирование рассматриваемой идеи: отсутствие государств, централизованных настолько, чтобы полностью подчинить себе все категории населения, – так называемая феодальная анархия; противостояние светской власти и духовной в лице католической церкви, отразившееся в концепции «двух мечей»; индивидуалистические трактовки христианства; теория и практика, разделявшие политическую и экономическую власть; традиции городских вольностей, заложившие основы самоуправления, политических и личных прав; договорные вассально-сеньориальные отношения, закреплявшие представления о взаимосвязанности прав и обязанностей; рыцарская культура с ее элементами самосознания личности; и, что особенно важно, плюрализм юрисдикции, возможность обраще-

ния за защитой к параллельным правовым системам (церковной, королевской, сеньориальной, коммунальной), ограниченность власти каждой правовой системы [2, с. 18].

Отсутствие каких-либо из указанных факторов не говорит о невозможности проявления идеи прав человека. Так, например, подчинение церкви государству в Англии не уничтожило эту идею.

Об ограничении власти и свободе граждан говорили Марсилиус Падуанский (1280–1343), Б. Спиноза (1632–1677), Ч. Чонси (1705–1787). Свой вклад в создание теоретических основ идеи прав человека внесли Дж. Хэмпдэн, Дж. Лильберн (1618–1657), Р. Вильямс (1603–1683), Дж. Мильтон (1608–1674), Дж. Мэйхью (1720–1766), С. Пуффендорф (1632–1694), Дж. Уайз (1652–1725), левеллеры, индепенденты и другие [2, с. 18; 14; 15].

Одним из первых в конце XVII века заговорил о правах человека английский мыслитель Джон Локк (1632–1704) [16, с. 8, 16, 34, 50, 116] в работах «О гражданском правительстве», «Два трактата о правлении», считавший, что всем с рождения принадлежит право на жизнь, на собственность и свободу. Гарантами этих прав являются твердые законы и разделение властей. Сторонники Джона Локка по школе естественного права обосновывали свои теории ссылками на природу или Бога. Но в данном случае важна не безупречность обоснования прав человека, а то, что этот вопрос был понят как социально значимый, человечество поднялось до уровня самосознания, которое признает ценность каждого «Я» и равноценность интересов людей.

Европейская традиция апелляции к правам и привилегиям свободных людей была воспринята и развита в Новом свете. Это отразилось в принятии таких документов, как колониальная Хартия Вирджинии 1606 г.; «Свод свобод» Массачусетса, автором которого был Н. Уорд (1578–1652); «Законы и свободы Массачусетса» 1648 г., многие положения которого вошли впоследствии в Билль о правах (1791); Хартия Пенсильвании и другие хартии; Закон о веротерпимости штата Мэриленд (1649); Декларация прав Вирджинии 1776 г., со-

ставленная Дж. Мэдисоном*; особые билли о правах, принятые в период с 1776 по 1783 гг. в штатах Мэриленд, Пенсильвания, Северная Каролина, Вермонт, Массачусетс, Делавер, Нью-Гэмпшир; Закон Вирджинии о религиозных свободах (1786). Приговоры судов присяжных создавали прецедентную базу для защиты прав. Так, вердикт 1735 г., вынесенный судом присяжных Нью-Йорка, лег в основу процесса становления свободы печати [9, с. 273]. Вышесказанное свидетельствует о наличии в добуржуазном периоде глубоких корней идеи прав человека.

Первым юридическим документом в истории, который провозгласил всеобщие права человека, считается Билль о правах (июнь 1776 г.), принятый конгрессом народных представителей штата Вирджиния в Северной Америке. Следующим документом стала Декларация независимости (июль 1776 г.), принятая Континентальным конгрессом тринадцати североамериканских колоний. Затем Конституция США (1787) и знаменитые десять поправок, известные как Билль о правах (1791). То, что идея прав человека в эпоху американского Просвещения сосуществовала с рабством и дискриминацией женщин, еще не говорит о том, что ее нельзя считать идеей всеобщих прав. Здесь следует отличать идею от практики. К тому же для международной идеи прав человека характерен так называемый «двойной стандарт», внутри государства права человека урезаются на практике и могут отрицаться даже в теории, а на внешнеполитической арене к собственной выгоде провозглашаются неограниченными и общечеловеческими. Важным новшеством являлось включение

* Эта Декларация была первым государственным определением прав человека. К. Маркс, оценивая данный исторический документ, писал, что Америка – это страна, «где возникла впервые... идея великой демократической республики, где была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII в.» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 17).

права каждого человека на стремление к счастью, поскольку счастье воспринимается каждым субъективно, и, следовательно, стремиться к нему можно лишь на основе индивидуального выбора.

Эти документы закрепляли ряд традиционных английских прав и свобод, процессуальные гарантии, использовали теоретические достижения школы естественного права, такие как неотъемлемые права, автономия, изначально присущая человеку, разделение властей, принцип государства с ограниченной властью, народный суверенитет, принцип реализации свободы через экономическую самостоятельность. Истоки американской концепции прав человека исследователи находят и в религиозно-этических нормах, и в принципах римского права.

Среди теоретиков прав человека следует отметить Т. Пейна (1737–1809). Благодаря его работам, особенно труду «Права человека», широкие слои общества ознакомились с идеями Французской революции.

В конце 80-х гг. XVIII в. во Франции избиратели Немурского и Парижского генералитетов высказывали мысль о необходимости принятия декларации прав человека. Образец перечня прав содержался в одном из наказов Учредительному собранию [17, с. 18].

В 1789 г. в ходе Великой французской революции была провозглашена «Декларация прав человека и гражданина». В ней абсолютизировались права человека. Им приписывались атрибуты, до этого принадлежавшие Богу: вечность и священность. «Неотчуждаемыми» и «неотделимыми» правами человек наделялся не от природы или Бога, как предпочитали писать в американских документах, а перед лицом и под покровительством Верховного Существа. Несмотря на религиозные тонкости, объединяло все первые документы определение прав человека в качестве «самоочевидных» и «бесспорных», а также априорность. Однако нельзя представлять дело так, будто высшая ценность была волюнтаристски приписана правам человека деятелями Просвещения. Это качество идея прав человека унаследовала от идей и

практики предшествующих поколений. Западная традиция права, особенно с XII в., «основывалась на вере в существование закона, стоящего даже превыше права высшей политической власти» [13, с. 37].

Благодаря Французской революции закрепилась традиция внесения прав человека в публичное законодательство. В XIX в. положения о правах личности были включены в швейцарскую, бельгийскую, итальянскую, датскую, австро-венгерскую, испанскую конституции.

Реализация модели общества, предложенной классическим либерализмом, породила проблемы, которые требовали пересмотра взглядов на взаимоотношения личности и государства. Последнее начало мыслиться в качестве более активного субъекта обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Политика строгого невмешательства привела к известному «парадоксу свободы»: чем больше свободы предоставлено, тем меньше ее становится. Бесконтрольная хозяйственная деятельность, неограниченная свобода договора, запрет профессиональных объединений (в том числе и предпринимательских) вели к экономическому подавлению многих. Общественная мысль и практика повернулись к государству, которое должно было принимать участие в создании системы социальной защиты.

Общество с древних времен при помощи родоплеменных, территориально-производственных, церковных, муниципальных, государственных институтов пыталось решить проблему социальной защищенности лиц, которые по тем или иным причинам не могли себя обеспечить. Но почти до XIX в. эта помощь в лучшем случае предполагала лишь косвенное право индивида на материальную поддержку в форме обязанности какого-либо из указанных институтов перед публичными институтами.

С середины XIX в. по Европе прокатилась волна социального законодательства: пенсии по старости и инвалидности, страхование от несчастных случаев, страхование на случай болезни. Все это явилось началом формирования второго поколения прав человека, без которых изменившаяся

социальная система становилась неэффективной. Зарождалась позитивная концепция прав человека.

В XX в. начался новый этап в истории прав человека, который характеризовался коллективными международными действиями. По-настоящему новая фаза наступила после Второй мировой войны. 10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила и провозгласила Всеобщую декларацию прав человека [18, с. 39-44], которая стала первым в истории универсальным документом. Она ознаменовала новую эру в развитии межгосударственных отношений. Этот документ содержит перечень как гражданских и политических, так и экономических, социальных и культурных прав человека, обеспечение которых – задача, «к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства». Всеобщая декларация была принята в виде резолюции Генеральной Ассамблеи, которая, согласно Уставу ООН, имеет рекомендательный характер. Однако при оценке юридической силы ее положений нужно учитывать, что в международном праве наряду с договорами в нормотворческом процессе значительную роль играет обычай, который формируется в результате международной практики государств и постепенно признается ими в качестве обязательной правовой нормы. За годы, прошедшие после принятия Всеобщей декларации, были приняты многие международные документы по правам человека, развивающие содержащиеся в Декларации принципы и нормы, которые получили всеобщее признание. Таким образом, провозглашенные во Всеобщей декларации права и свободы в настоящее время признаются участниками международных отношений в качестве системы выработанных и согласованных на высшем уровне правил и ориентиров человеческого общежития, как своего рода кодекс взаимоприемлемого, цивилизованного поведения различных стран, народов, корпоративных образований, а также отдельных граждан. Универсальное значение этого документа, в котором выражена консолидированная воля свыше 200 государств планеты, убедительно продемонстрировано полувек-

вой практикой его действия в качестве обязательных обычных или договорных юридических норм.

Последние нашли свое подтверждение и развитие в международных Пактах о правах человека (Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Международном пакте о гражданских и политических правах, включая соответствующие факультативные протоколы к нему и др.) [18, с. 44-77] и в других универсальных и региональных соглашениях, которые в совокупности представляют собой международный Билль о правах человека. В них закреплены естественные права и свободы, которые должны быть предоставлены каждому, независимо от того, где и в каком государстве он проживает. Они не могут определяться исключительно государством, а должны базироваться на основе Всеобщей декларации, Пактов о правах человека и других международных документов. В результате обычной и договорной практики зафиксированный в этих документах перечень прав и свобод стал обязательным для всех стран мира, и каждое государство – участник международных отношений обязано закрепить эти права в своем законодательстве и осуществлять их на практике [19, с. 5]. Многие из этих документов были направлены также против практики тоталитарного социализма с ее массовыми нарушениями прав человека.

Во время распада колониальной системы к этим международным актам стали примыкать региональные хартии о правах человека (например, африканская). С 50-х гг. XX столетия в связи с процессами интеграции государств, созданием разного рода межгосударственных объединений, сообществ, союзов этими объединениями стали приниматься свои декларации и хартии о правах человека (например, Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г.) [20, с. 95].

Западногерманский ученый К. Штерн пишет: «Основные права, закрепленные в конституциях государств, базируются на правах человека: они вбирают в себя содержащиеся в них личностное и естественно-

правовое начало. В качестве существенно нового элемента выступает позитивно-правовая институализация. Государственно-правовое признание и гарантированность означают большой прорыв в идее прав человека... Заимствованные из постулатов и деклараций как права естественные, они становятся правами в юридическом смысле» [21, с. 168].

Ряд демократических государств не только регламентирует на конституционном уровне значительный комплекс прав и свобод человека и гражданина, подчеркивает их незыблемый характер, но и официально провозглашает принцип приоритета международных норм-стандартов о правах человека над национальным законодательством. Так, Основной Закон ФРГ (1949), называя уважение и защиту человеческого достоинства обязанностью всякой власти, признавая неприкосновенные и неотчуждаемые права человека (ст. 1), гласит: «Общие нормы международного права являются составной частью права Федерации. Они имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории» (ст. 25) [22, с. 68, 76].

По Конституции Испании (1978) достоинство личности, неотчуждаемость ее прав, ее свободное развитие, уважение закона и прав других людей есть основа политического порядка и социального мира. Со всей определенностью указывается, что «входящие в Конституцию положения об основных правах и свободах должны толковаться в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека и международными договорами и соглашениями по этим вопросам, которые ратифицированы Испанией» (ст. 10), что международные договоры Испании «составляют часть ее внутреннего законодательства» (ст. 96) [22, с. 174-175, 193].

В соответствии со ст. 10 Конституции Итальянской Республики (1947), «правопорядок Италии согласуется с общепризнанными нормами международного права. Правовое положение иностранцев регулируется законом в соответствии с международными обычаями и договорами» [22,

с. 133]. В связи с этим нельзя обойти вниманием знаменательный факт. В аналогичном ракурсе стала строиться политико-правовая практика, начиная с России, целого ряда стран СНГ, а также Балтии, Восточной Европы, имевших коммунистическую ориентацию [18, с. 711-719; 23]. Их основные внутригосударственные законы, как правило, подробно формулируют права и свободы человека и гражданина. Эти законы, утверждая политический плюрализм, духовную свободу, частную собственность, в немалой степени воспринимают лучшие достижения стран с развитой системой народовластия, рыночной экономикой, обеспеченной социальной сферой. Всестороннее сближение государств с демократическим устройством последовательно влечет унификацию фундаментальных положений о правах человека и гражданина.

Дальнейшая история прав человека связана с конкретизацией положений, их углублением и расширением, приданием им статуса юридически обязательных, реализацией на государственном уровне, с организацией международного контроля, включая региональный, за их соблюдением и защитой.

Глобализация общественных процессов, унификация мира, прогресс в области коммуникаций и средств массовой информации создают условия не только для освобождения личности, но и для возникновения гипертрофированного государственного контроля и неоправданной концентрации власти. Происходит экономическое подавление слабых государств сильными. Научно-технический прогресс породил глобальные экологические проблемы [24, с. 40-76]. Вышеуказанные процессы обусловили появление третьего поколения прав человека. Это подтвердило, что соблюдение прав человека – не только нравственная проблема, но и проблема самосохранения мировой социальной системы.

История прав человека свидетельствует о том, что сформировавшиеся в русле естественно-правовых идей представления о прирожденных и неотчуждаемых правах человека лежат в основе современных положений о правах человека и гражданина,

современных концепций о правовом статусе человека и гражданина, о господстве права и верховенстве закона, о гражданском обществе и правовом государстве. Этот естественно-правовой подход (в современной модификации) нашел свое признание в новой Конституции Российской Федерации, согласно которой именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Богатый опыт прошлого позволяет лучше понять как логику формирования и развития идей прав и свобод человека и гражданина, так и наши собственные сложности и проблемы на пути к практическому воплощению этих общечеловеческих ценностей в современных условиях.

Сегодня российская наука пытается строить суждения на фундаменте общечеловеческих ценностей. Соответственно, права человека как социальная категория приобретают, образно говоря, второе дыхание.

1. Нерсесянц В.С. Права человека в истории политической и правовой мысли (от древности до Декларации 1789 г.) // Права человека в истории человечества и в современном мире. М., 1989.

2. Багдасаров В.Ю. Права человека в Российской империи: Вопросы истории отечественной мысли. Ставрополь, 1996.

3. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2001.

4. Папа Иоанн – Павел II. Права человека // Российский бюллетень по правам человека. Вып. 7. М., 1995.

5. Доброхотов А.Л. Данте Алигьери. М., 1990.

6. Козулин А.И. Об источниках прав человека // Государство и право. 1994. № 2. С. 144-152.

7. Ковалев М.И. Генетика человека и его права // Государство и право. 1994. № 1.

8. Общая теория прав человека. М., 1996.

9. Дорсен Н. Природа и пределы гражданских свобод в США // Права человека накануне XXI века. Российско-американский диалог. М., 1994.

10. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
11. Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М., 1998. С. 3-18.
12. Пугачев В.В. От прав гражданина к правам человека // Российский бюллетень по правам человека. М., 1991.
13. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994.
14. История политических учений / под ред. О.В. Мартышина. М., 1996. Вып. 2.
15. Саидов А.Х. Международное право прав человека: учеб. пособие / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2002.
16. Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. М., 1960. Т. 2.
17. Ковалевский М.М. Учение о личных правах. М., 1906.
18. Международные акты о правах человека: сб. док. М., 2000.
19. Права человека и вооруженные конфликты: учебник для высших военных учеб. заведений / отв. ред. В.А. Карташкин. М., 2001.
20. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1998.
21. Государственное право Германии: в 2 т. М., 1994. Т. 2.
22. Конституции зарубежных государств. учеб. пособие / сост. В.В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
23. О правах и основных свободах человека: Конвенция Содружества Независимых Государств // Рос. газ. 1995. 23 июня.
24. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. Е.А. Лукашевой. М., 2002.

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

В.В. Барбин

(доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления
МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва; barbinv@mail.ru)

В статье проводится анализ, направленный на установление источников общепризнанных принципов и норм международного права, которые в соответствии с Конституцией РФ являются составной частью правовой системы России. На основе исследования делаются выводы о том, что нет необходимости вносить изменения в Конституцию РФ по мере установления новых общепризнанных принципов и норм международного права, а также что Конституция содержит механизм, позволяющий вводить в отечественную правовую систему новые принципы и нормы международного права по мере их возникновения и развития.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, права человека, Декларация о принципах международного права, стандарты прав человека, общепризнанные принципы и нормы международного права, международный договор.

С момента принятия Конституции РФ вопросы о том, насколько российская Конституция близка к конституционному идеалу, насколько она отвечает требованиям современной доктрины конституционализма, насколько она жизнеспособна, не потеряли своей актуальности.

Оценка Конституции РФ 1993 г. как в отечественной, так и в зарубежной науке неоднозначна. На проводившейся в 2000 г. международной конференции, посвященной десятилетию демократического конституционализма в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы, было отмечено, что постсоциалистические конституции (в том числе российская) внесли незначительный вклад в интеллектуальные достижения мирового конституционализма [1, р. 18]. Новые конституции являются заимствованием или подражанием конституционному регулированию развитых стран [1, р. 365]. В России уже пятилетний юбилей Конституции был встречен массовой критикой ее положений. Ни одна научная конференция или семинар, не говоря уже о политических форумах, не обходились без предложений о внесении конституционных поправок или пересмотре Конституции РФ. Высказывались мнения и о том, что «окончательная» реализация целого ряда конституционных норм не сулит стране ничего хорошего. Более того, имен-

но то обстоятельство, что некоторые положения Конституции пока не воплощены в полном объеме, заставляет настаивать на ее скорейшем пересмотре [2, с. 52]. И все же в целом исследователи и политические деятели оценивали российскую Конституцию как первую конституцию, претендующую на роль реально действующего основного закона [3, с. 86], как конституцию, лучше которой в обозримом будущем ничего не предвидится [4, с. 10-11], как основу стабильности и динамизма России [5, с. 31], как математику свободы [6, с. 38].

Сегодня процесс конституционных преобразований в мире имеет общую направленность. Новые конституции отражают лучшие достижения конституционной мысли и практики, и следует признать, что основы конституционного строя, закрепленные в Конституции РФ, вобрали в себя ценности мирового конституционализма.

Так, Конституция РФ иначе, чем это было в ранее действовавшем законодательстве, решает проблему соотношения правовой системы России и общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: они являются составной частью правовой системы России (ч. 4 ст. 15). Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом,

то применяются правила международного договора. Словосочетание «общеизвестные принципы и нормы международного права» содержатся также в ст.ст. 17, 63, 69 Конституции РФ.

Отсюда, однако, не следует, что Конституция РФ воспроизвела так называемую монистическую теорию соотношения отечественного правопорядка и международного права, согласно которой они образуют единую систему. Напротив, в самом тексте ч. 4 ст. 15 Конституции РФ отчетливо просматривается признание международного и внутригосударственного права двумя различными правовыми системами, что имеет под собой глубокие основания. В частности, международное право отличается от внутригосударственного права по объему регулирования, субъектам, процессам создания и источникам, гарантиям соблюдения и продолжает оставаться в основном межгосударственным правом. Что же касается Конституции РФ, то она устанавливает механизм их согласования и взаимодействия. Такое согласование и взаимодействие осуществляется в структуре национального правопорядка, в конституционных и отраслевых правоотношениях, а также в правоприменении, следовательно, функционально возложено не только на законодательную и исполнительную власть, но и на правосудие.

Таким образом, нормативное содержание положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ значительно богаче и не столь линейно, как это нередко интерпретируется. Так, например, некоторыми авторами отмечается отсутствие: ясности по поводу того, «какие “различные международные договоры” следует отнести к документам, содержащим общеизвестные (универсальные) стандарты», а также «какое “большинство из этих стандартов” необходимо рассматривать в качестве обязательных общеизвестных принципов и норм международного права» [7, с. 93]; «единого перечня общеизвестных принципов и норм» [8, с. 205]; единого акта, где они были бы перечислены [9, с. 29].

Действительно, Конституция РФ, различая общеизвестные принципы и обще-

известные нормы международного права, не содержит определения понятия этих принципов и норм, как не называет и их источников. В ней нет также прямых указаний на методы их выявления и способы установления содержания, что само по себе предполагает широкую дискрецию федерального законодателя, главы государства, правительства, других органов исполнительной власти Российской Федерации. В связи с этим существенно возрастает и роль судов Российской Федерации, особенно высших.

В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общеизвестных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» впервые в отечественной юридической практике дано легальное определение понятия общеизвестных принципов международного права как основополагающих императивных норм международного права, принимаемых и признаваемых международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо [10].

Несмотря на огромное количество международных договоров и обычаев, число действительно универсальных международно-правовых принципов и норм, получивших всеобщее признание, относительно невелико. Сосредоточенным главным образом в Уставе ООН [11], они занимают главенствующее в иерархии норм международного права положение.

Указанные принципы нормативно раскрываются в Декларации о принципах международного права [12]. Содержание указанных принципов может раскрываться также в иных документах ООН и ее специализированных учреждений. Пленум Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. определил, что общеизвестные принципы и нормы международного права закреплены в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, Всеобщей декларации прав человека [13], Международном пакте о гражданских и политических правах [14], Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах [15]) [16], а не только в Уставе ООН, Декларации

о принципах международного права и Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [17].

Вызывает возражение и оторванное от реалий современного этапа развития международного права или прямо игнорирующее их и не столь безобидное, каким оно кажется на первый взгляд (поскольку адресовано в качестве ориентира юридической практике), утверждение ряда авторов, что «рассредоточение общепризнанных принципов международного права по различным источникам делает неочевидным признак их взаимосвязанности», вследствие чего необходимо «в случае введения таких принципов во внутригосударственное законодательство специально закреплять их системный характер» [7, с. 94]. Результатом такого утверждения является эклектическое соединение воедино действительно общепризнанных принципов международного права и принципов, составляющих основу национального правопорядка или правосознания. Юридический романтизм столь же опасен, как и юридический нигилизм. Кроме того, процесс развития этих принципов нельзя считать завершенным. Они являются тем фундаментом, на котором формируется следующий, более конкретный и формально определенный, с точки зрения прав и обязательств участников международного общения, слой международного правопорядка. В этом последнем случае, однако, также нельзя забывать, что развитие международного права следует рассматривать как результат отношений именно между государствами, которые и ныне продолжают оставаться основными субъектами международного права; оно, в свою очередь, создается путем согласования воли участников межгосударственных отношений, которые участвуют в этих отношениях на основе юридического равенства и по собственному волеизъявлению становятся субъектами международно-правовых отношений.

Существенное значение для составления адекватной картины конституционно-правового механизма реализации международных обязательств в правовой системе России имеет конституционное разграниче-

ние действия и применения международных договоров Российской Федерации. Прямое действие договора еще не означает возможности его непосредственного применения. В частности, согласно п. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие для применения издания внутригосударственных актов, действуют в Российской Федерации непосредственно [18]. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты.

Этим предопределяются пределы судебного применения международного договора Российской Федерации: если он был ратифицирован, вступил в силу, официально опубликован и не требует издания дополнительных внутригосударственных нормативных актов, то положения такого договора действуют непосредственно и имеют приоритет в применении по отношению к противоречащим им правилам, содержащимся в законе. Данный вывод Пленума Верховного Суда РФ, сделанный ранее в постановлении от 31 октября 1995 г. № 8, получил подтверждение в постановлении от 10 октября 2003 г. № 5.

Значительный практический интерес представляет вопрос о том, как должна разрешаться коллизия между международным договором Российской Федерации и Конституцией РФ, если таковая возникает. Представляется, что в этом случае действует правило о высшей юридической силе Конституции, ибо международные договоры являются составной частью правовой системы государства, а в рамках этой системы нет актов, которые по своей юридической силе стояли бы выше ее. В связи с этим в ст. 22 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» предусмотрено, что в случае, если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерально-

го закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию или пересмотра ее положений в установленном порядке. А согласно ст. 15 этого Закона к числу договоров, подлежащих обязательной ратификации, отнесены международные договоры Российской Федерации, исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающих иные правила, чем предусмотренные законом.

В связи с последним положением возможны следующие выводы: органы государства и должностные лица не вправе заключать договоры, противоречащие Конституции РФ (если такой договор тем не менее заключен, то действуют конституционные нормы, ибо иное противоречило бы принципам народовластия и государственного суверенитета); в случае противоречия международного договора федеральному закону такой договор вступает в силу только после его ратификации федеральным парламентом в форме закона; противоречие между международным договором и внутренним законодательным актом не влечет автоматического признания ничтожности последнего. Этот акт лишь не применяется в целом или в части, противоречащей договору, хотя и продолжает действовать. Следовательно, для юридической дисквалификации этого акта или его части необходимо соблюдение обычной конституционной процедуры: нужно отменить этот акт уполномоченным на то органом или признать его неконституционным решением Конституционного Суда РФ, что влечет утрату этим актом юридической силы. Как заметил Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, «по данному вопросу Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях выработал соответствующие правовые позиции и будет неуклонно придерживаться их в своей деятельности» [19, с. 335].

Иными словами, из Конституции РФ не следует надконституционность общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, которые в основном покрывают сферу

межгосударственных отношений. Но эти принципы и нормы, выражающие общечеловеческие ценности и соответствующие интересам всех народов, не являются чем-то внешним по отношению к Конституции РФ, а в силу волеизъявления конституционного законодателя выступают частью российской конституционной системы. Данные принципы «вмонтированы» в ткань Конституции РФ и составляют ее содержательную характеристику, а ее нормы, ориентирующие внешнюю политику государства или закрепляющие конкретные права и свободы человека и гражданина, должны толковаться и применяться согласно этим принципам, нормам и конкретизирующим их актам и не могут вступать с ними в коллизии. Речь идет о принципиальном согласии Российского государства со сложившимися международными стандартами и о конституционном восприятии их в качестве масштабов правотворчества и правоприменения. Что же касается международных договоров Российской Федерации, то они, будучи равными по статусу федеральному закону, обладают приоритетом в применении. При этом Конституция РФ содержит механизм интеграции в правовую систему России новых принципов и норм (а это не статичная, но развивающаяся система), а также международных договоров Российской Федерации, тем самым опосредуя основные тенденции мирового развития.

Таким образом, утверждения о необходимости трансформации общепризнанных принципов и норм международного права в правовую систему Российской Федерации, о том, что «основной закон России не содержит в полном объеме объективной возможности для правоприменителя внутри страны по гарантированию прав и свобод человека, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права», а также о «декларативном характере ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, заключающем в себе опасность невыполнения государством своих международно-правовых обязательств в сфере реализации прав человека» [7, с. 95], являются весьма неубедительными или, в лучшем случае, спорными.

Очевидно, что международное сотрудничество в области развития уважения к правам человека не завершается приведением внутригосударственного законодательства в соответствие с международными стандартами прав человека. Профессор, член-корреспондент Международной академии сравнительного права Ю.А. Тихомиров справедливо отмечает: «Механизм реализации Конституции является комплексным и не сводится только к изданию или изменению правовых актов» [20, с. 14]. Международное сотрудничество в области развития уважения к правам человека осуществляется и в дальнейшем в целях успешного выполнения государствами взятых на себя гуманитарных обязательств. Видимо, понимание этого очевидного факта послужило основанием для отказа разработчиков Конституции Молдовы от первоначальной редакции ст. 8, в которой была дана попытка перечислить принципы и нормы международного права, накладывающие обязательства на Республику Молдова [21, с. 301]. В соответствии с действующей редакцией Конституции Молдовы, Республика Молдова обязуется соблюдать Устав Организации Объединенных Наций и договоры, одной из сторон которых она является, строить свои отношения с другими государствами на общепризнанных принципах и нормах международного права (ст. 8) [22, с. 301].

Картина конституционно-правового механизма реализации международных обязательств в правовой системе России будет неполной, если не сказать, что в настоящее время принято называть все международные нормы в области прав и свобод личности международными стандартами. Этим термином охватываются весьма разнородные нормы, такие как правила международных договоров, резолюции международных организаций, политических договоренностей типа Хельсинкского заключительного акта, документов Венской и Копенгагенской встреч, международные обычаи [23, с. 31].

Хотя, на наш взгляд, термин «стандарты» применительно к обязательствам в сфере прав человека не вполне коррек-

тен. Под стандартом обычно понимается типовой «образец, эталон, модель, принимаемые за исходные для сопоставления с ними других подобных объектов», в этом смысле нормы по правам человека едва ли можно считать эталоном, поскольку в них положения, относящиеся к тому или иному правомочию человека, регулируются, как правило, в самом общем виде. Это обусловлено неизбежностью конфликта между исчерпывающей государственной регламентацией положений по правам человека с теми положениями, которые уже существуют в законодательстве других государств. Возможность достижения согласия при создании норм по правам человека, собственно, и базируется на регламентации правового статуса личности самым общим образом, оставляя за национальным законодателем право уточнять и детализировать данные положения [24, с. 6].

Оценивая тенденции в развитии прав человека, выявленные к концу XX в., член-корреспондент РАН Е.А. Лукашева предупреждает о необходимости взвешенно подходить к соотношению европейских, и тем более мировых, «универсальных» стандартов и традиционализма, культуры, религии иных цивилизаций, поскольку прямолинейный путь к утверждению европейских норм и принципов в различных культурах и цивилизациях зачастую невозможен [25, с. 8].

Академик Н.Н. Моисеев резко выражает против теории «универсализации» прав человека, якобы одинаково пригодных для населения всей планеты. Это такая же иллюзия, как и представление о возможности однозначной интерпретации представлений о добре. Попытка унифицировать понятие прав человека говорит лишь о незрелости нашей планетарной цивилизации или, лучше сказать, цивилизаций, непонимании того общего процесса самоорганизации, которым определяется развитие общества [26, с. 104-109].

Принципиально важным является то, что нарушение прав человека в любой стране рассматривается как деликт надгосударственного порядка и получает отрицательную оценку со стороны мирового со-

общества. Это свидетельствует о том, что права человека обладают универсальной юрисдикцией, становятся действующим правом в глобальном отношении. Универсальность прав человека состоит в равной для всех возможности и равной юридической защите.

Развитие международного сотрудничества осуществляется и в области поощрения и развития уважения всех прав человека. Исходя из уровня эволюции человеческой цивилизации, прогрессивная мировая общественность определила общечеловеческий минимум прав, которые обеспечиваются любому человеку в любой стране. Международно-правовые документы в области поощрения и развития уважения всех прав человека обязательны для исполнения государствами, добровольно признавшими их юридическую, моральную и политическую силу. И в этом смысле законодательство России предполагает сходство определенных стандартов в международной среде.

Однако, суммируя вышеизложенное, важно сделать и другие выводы:

– признание общепризнанных принципов и норм международного права частью правовой системы России не превращает их в масштаб оценки законов и иных правовых актов, принимаемых в Российской Федерации. Таким масштабом всегда остается Конституция РФ;

– Конституция РФ (ст.ст. 15, 17, 125) содержит в себе механизм, позволяющий вводить в отечественную правовую систему новые принципы и нормы, равно как и международные договоры, по мере их возникновения, а также обновлять существующие по мере их развития.

1. Ten years of democratic constitutionalism in central and Eastern Europe. Edited by Kazimerz Dzialocha, Ryszard Mojak, Krzysztof Wojtowich. Lublin, 2001. 424 p.

2. Захаров А. К проблеме совершенствования российской Конституции 1993 года // Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования. / Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда; редкол.: Г.А. Гаджиев [и др.]. М., 1998.

3. Страшун Б.А. Не спешить с конституционной реформой // Конституция как фактор социальных изменений: сб. докл. М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1999.

4. Кабышев В.Т. Конституционализм в современной России // Государство и право на рубеже веков: материалы всерос. конф. «Конституционное и административное право» / под ред. Ю.Л. Шульженко, Н.Ю. Хаманевой, Н.Г. Салищевой. М.: Ин-т государства и права РАН, 2000.

5. Зорькин В.Д. Конституция – правовой вектор новой России // Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007.

6. Зорькин В.Д. Конституция – это математика свободы // Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007.

7. Егоров С.Е. О необходимости изменения порядка закрепления общепризнанных принципов и норм о правах человека в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 1. С. 92-96.

8. Марочкин С.Ю. Международное право и практика судов общей юрисдикции в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 окт. 2003 г. // Российский ежегодник международного права. 2004. Спец. вып. / редкол. Ю.Я. Баскин [и др.]. СПб.: Россия: Нева, 2005.

9. Юрова Н.М. Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации. М.: Волтерс Клувер, 2008. 352 с.

10. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 10 окт. 2003 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2003. № 12. С. 3-8.

11. Устав Организации Объединенных Наций. Сан-Франциско, 24 окт. 1945 г. // Действующее международное право. Документы: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1 / сост.

Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения: Юрайт-Издат, 2007.

12. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 24 окт. 1970 г. // Действующее международное право: в 3 т. Т. 1 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова; МГИМО. М.: Изд-во МНИМП, 1996.

13. Всеобщая декларация прав человека, 10 декабря 1948 г. // Действующее международное право. Документы: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения: Юрайт-Издат, 2007.

14. Международный пакт о гражданских и политических правах, 16 дек. 1966 г. // Действующее международное право. Документы: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения: Юрайт-Издат, 2007.

15. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 16 ноября 1966 г. // Действующее международное право. Документы: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения: Юрайт-Издат, 2007.

16. О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 1996. № 1. С. 1.

17. Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заклю-

тельного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания, 15 янв. 1989 г. // Действующее международное право: в 3 т. Т. 1 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова; МГИМО. М.: Изд-во МНИМП, 1996.

18. О международных договорах Российской Федерации: федер. закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ: ред. от 1 дек. 2007 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757; 2007. № 49. Ст. 6079.

19. Зорькин В.Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007.

20. Конституционное законодательство России / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Городец, 1999. 382 с.

21. Новые конституции стран СНГ и Балтии: сб. док. / сост. Ю.А. Дмитриев; сост. и отв. ред. Н.А. Михалева. М.: Манускрипт, 1994. 654 с.

22. Конституция Молдовы // Конституции стран СНГ и Балтии: учеб. пособие / сост. Г.Н. Андреева. М.: Юрист, 1999.

23. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М.: Юрид. лит., 1991. 159 с.

24. Бахин С.В. Всеобщая декларация прав 1948 года: от каталога прав человека к унификации правового статуса личности // Правоведение. 1998. № 4. С. 3-11.

25. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. чл.-корр. РАН Е.А. Лукашевой. М.: Норма, 2002. 448 с.

26. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки рус. культуры, 2000. 224 с.

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ СУБЪЕКТОВ В ОБЛАСТИ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ

В.В. Юрьев

(преподаватель кафедры административного права и административной деятельности
ОВД Тюменского юридического института МВД России; 8 (3452) 59-84-33)

Статья посвящена проблеме устранения пробела в действующем законодательстве, связанного с разграничением и закреплением полномочий публичной власти Российской Федерации и ее субъектов в области внешней миграции.

Ключевые слова: органы государственной власти, субъекты Российской Федерации, полномочия, компетенция, миграционная политика, миграционные процессы.

Участие России в процессах глобализации, ее вовлечение в международный рынок труда требуют формирования надежной системы правового регулирования миграционных процессов. Каждый субъект Российской Федерации должен получить соответствующие полномочия, дабы вести регулирование миграционных потоков самостоятельно, адекватно потребностям, масштабам самой миграции и прежде всего не в ущерб интересам российских граждан.

Между тем, несмотря на позитивные моменты регулирования миграционных отношений субъектами Российской Федерации на их территории, анализ миграционных процессов в России за последнее десятилетие показывает, что проблемы с внешней незаконной миграцией продолжают оставаться острыми, а отдельные из них могут представлять угрозу национальной безопасности государства. Уровень ее остается высоким, а численность мигрантов постоянно растет.

Следует отметить, что миграционная политика как самостоятельное направление деятельности государственных органов в Конституции Российской Федерации не выделяется. Данная сфера рассматривается как составной элемент иных функций государства: обеспечения безопасности, защиты прав человека и основных свобод, регулирования социальных вопросов и других сфер. В большинстве конституций зарубежных государств ситуация аналогична российской. Лишь некоторые страны (в ос-

новном постсоциалистические) закрепили в своих конституционных актах миграционную политику как одно из направлений деятельности той или иной ветви власти (Болгария, Армения).

Вместе с тем очевидно, что регулирование миграционных процессов должно осуществляться на всех уровнях публичной власти. Органы государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, имеющие полномочия в области регулирования миграционных процессов, весьма обширны. Специфика возникающих вопросов, их масштабы, многогранность и тесная взаимосвязь обуславливают то, что в данную сферу регулирования прямо или косвенно вовлечены все три ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная [1, с. 160]. Однако масштабы их непосредственного участия в решении миграционных проблем неодинаковы. Основную нагрузку в данной сфере государственного управления несут органы исполнительной власти.

Возможность наделения органов государственной власти субъектов Российской Федерации федеральными полномочиями с передачей соответствующих субвенций на их осуществление из федерального бюджета предусмотрена в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [2]. Анализируя вышесказанное, следует констатировать,

что в качестве «делегированных» полномочий могут быть предусмотрены полномочия и в сфере миграции населения.

Согласно федеральному законодательству в сфере миграции населения, к ведению органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в настоящее время относится незначительное число полномочий в указанной сфере. Наиболее регламентированы эти вопросы в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [3], который к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации относит:

– подготовку предложений по определению квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание с учетом демографической ситуации в соответствующем субъекте Российской Федерации и возможностей данного субъекта по обустройству иностранных граждан (п. 2 ст. 6);

– подготовку предложений по определению квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности с учетом демографической ситуации в соответствующем субъекте Российской Федерации и возможностей данного субъекта по обустройству иностранных граждан (п. 1 ст. 18);

– выдачу заключений о привлечении и использовании иностранных работников в субъекте Российской Федерации для представления их в федеральный орган исполнительной власти в сфере миграции или его территориальный орган для обоснования выдачи разрешения на привлечение и использование иностранных работников (п. 3 ст. 18);

– ежегодное определение потребности субъекта Российской Федерации в привлечении иностранных работников, оценку эффективности использования иностранной рабочей силы, вклада иностранных работников в социально-экономическое развитие субъекта Федерации (п. 2 ст. 18.1);

– осуществление контроля за трудовой деятельностью иностранных работников (п. 1 ст. 32);

– установление законом субъекта Российской Федерации порядка создания специальных учреждений, в которых по решению суда могут содержаться иностранные граждане, подлежащие депортации или выдворению, до исполнения решения о депортации или выдворении (п. 9 ст. 31, п. 5 ст. 34).

В отличие от вышеупомянутого закона, Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» [4] в отдельной статье определяет только полномочия федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов по реализации данного закона (ст. 17). Полномочия же органов государственной власти субъектов Российской Федерации касаются в основном только вопросов социальной защиты, в том числе социального обеспечения беженцев. Следует согласиться с тем, что такой подход в большей степени соответствует принципам разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, установленным и в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», о которых говорилось выше [5].

В то же время остается дискуссионной принадлежность перечисленных полномочий к конкретному уровню власти, т.к. указанный закон не относит их к полномочиям, осуществляемым за счет средств бюджетов субъектов Федерации (п. 2 ст. 26.3). Вместе с тем Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», закрепляя осуществление указанных полномочий за органами государственной власти субъектов Российской Федерации, не определяет их в качестве «делегированных» Российской Федерацией и ее субъектами.

Что касается Федерального закона от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» [6], то в нем вообще нет

разграничения полномочий федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления в отношении вынужденных переселенцев.

В связи с имеющимся пробелом органы власти субъектов Российской Федерации вынуждены регулировать на своей территории общественные отношения, возникающие в миграционной сфере, заполняя пробелы федерального законодательства.

В этих случаях неизбежно дублирование ряда положений федеральных законов, что не делает чести законодательным органам субъектов Российской Федерации.

С принятием Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [3] была утрачена возможность опережающего регулирования субъектами Российской Федерации миграционных отношений. Вместе с тем, в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», «... субъекты Российской Федерации вправе осуществлять собственное правовое регулирование по предметам совместного ведения до принятия федеральных законов, а после принятия соответствующего федерального закона законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации подлежат приведению в соответствие с данным федеральным законом в течение трех месяцев» [2].

В отдельных случаях федеральный законодатель определяет субъектам Российской Федерации (в федеральных законах) конкретные рамки нормотворчества. В социальной сфере это, как правило, предоставление субъектам Российской Федерации права законодательно определять размеры финансовой помощи – так называемое «рамочное регулирование» [7, с. 89] субъектов Российской Федерации.

Более общим определением предмета регулирования регионального законодательства является остаточный способ

регулирования общественных отношений. Конституционной основой этого являются положения п.п. «б» и «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, согласно которым защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности, общественной безопасности, правопорядка, а также административное законодательство находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации.

По нашему мнению, необходимо принятие федерального закона, который включил бы в себя общие принципы миграционной политики, основные понятия, права и обязанности мигрантов (вынужденных, добровольных, трудовых). Такой Федеральный закон (например, «О государственной миграционной политике в Российской Федерации») мог бы стать основой для проведения единой миграционной политики в Российской Федерации. Он должен учитывать принципы и нормы международного права, мнения субъектов Российской Федерации, интересы муниципальных образований и должен быть подготовлен с участием специалистов в области конституционного, административного, трудового права, демографии, экономики.

Кроме того, полагаем, что в проекте федерального закона необходимо отразить возможность наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями по осуществлению контроля (совместно с органами государственной власти) за реализацией государственной миграционной политики на их территории и по обеспечению интересов местного населения, особенно на приграничных территориях, с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых ресурсов.

Федеративное устройство России предопределило необходимость участия ее субъектов в регулировании миграционных отношений. Однако предусмотренная действующим российским законодательством роль субъектов Российской Федерации в этих процессах, как представляется, не позволяет в полной мере учесть специфику экономического развития каждого из субъектов России в целях наиболее эффек-

тивного привлечения и использования на их территории иностранной рабочей силы.

На наш взгляд, делегирование полномочий в области законодательства о трудовой миграции с федерального уровня на уровень субъекта Федерации могло бы способствовать более гибкому и своевременному реагированию на происходящие миграционные процессы, в том числе и на трудовую миграцию. Однако построение эффективной модели миграционной политики только на федеральном уровне – без подключения органов власти субъектов Российской Федерации – представляется нереальным.

1. Чеботарев Г.Н., Мишунина А.А. Система правового регулирования внешней миграции населения России: вопросы теории и практики: монография. Тюмень: Тюменский гос. ун-т: Вектор-Бук, 2010.

2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ: ред. от 27 июля 2010 г. // Собр. законо-

дательства Рос. Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005; Рос. газ. 2010. 30 июля.

3. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ: ред. от 27 июля 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032; Рос. газ. 2010. 2 авг.

4. О беженцах: федер. закон от 19 февр. 1993 г. № 4528-1: ред. от 23 июля 2008 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12. Ст. 425; Рос. газ. 2008. № 158.

5. Хабриева Т.Я. О совершенствовании федеративных основ миграционного регулирования // Журнал российского права. 2008. № 4.

6. О вынужденных переселенцах: федер. закон от 19 февр. 1993 г. № 4530-1: ред. от 23 июля 2008 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12. Ст. 427; Рос. газ. 2008. № 158.

7. Маров И.П., Сунцов А.П. Областное законодательство: практика и перспективы // Практика взаимодействия властных структур и вузов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Тюменский междунар. ин-т экономики и права, 1999.

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

ПОРЯДОК ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТРАХОВОЙ СУММЫ ПО ДОГОВОРУ СТРАХОВАНИЯ

Е.В. Вавилин

(профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной академии права, заведующий сектором отраслевых проблем Саратовского филиала Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, доктор юридических наук, доцент; evavilin@yandex.ru)

Статья посвящена исследованию страховой суммы и страховой стоимости как важных элементов страховых правоотношений. В статье анализируются пути определения страховой суммы в различных видах страхования, а также недостатки правового регулирования, которые приводят к нарушениям прав страхователей.

Ключевые слова: *страховая стоимость, страховая сумма, страхователь, страховщик, личное страхование, имущественное страхование, обязательное страхование.*

Страховая сумма и страховая стоимость – основные элементы страховых отношений, в договоре страхования они являются величинами, определяющими размер страховой выплаты. Связь этих категорий императивно определена законодателем, а потому, исследуя проблемы в сфере страхования, целесообразно рассматривать их в единстве.

Статья 947 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) дифференцирует размер страховой суммы в зависимости от вида страхования. По договору имущественного страхования страховая сумма представляет собой денежную сумму, в пределах которой страховщик обязуется выплатить страховое возмещение. В данном случае ее размер определяет предел ответственности по договору страхования. Следовательно, страховое возмещение может быть меньше страховой суммы. По договору личного страхования страховая сумма представляет собой сумму, которую страховщик обязан выплатить при наступлении страхового случая.

Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4051-I (с изм. от 29 ноября 2010 г.) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [1] следующим образом конкретизирует понятие «страховая сумма»: это денежная сумма, которая установлена федеральным законом и (или) определена

договором страхования и исходя из которой устанавливаются размер страховой премии (страховых взносов) и размер страховой выплаты при наступлении страхового случая (п. 1 ст. 10). ГК РФ не указывает на страховую сумму как на единственный критерий для установления размера страховой премии, поскольку на размер последней также влияют объект страхования и характер страхового риска (п. 2 ст. 954 ГК РФ). При этом Закон не дает определения «страховой стоимости», а следуя терминологии ГК РФ, употребляет его как синоним понятия «действительная стоимость».

Таким образом, законодательство устанавливает предел страховой суммы, ограниченный величиной страховой стоимости имущества или предпринимательского риска. Подобным образом реализуется основной принцип страхования – бесприбыльность страхования, социально-экономической сутью которого является обеспечение защиты имущественных интересов страхователя (выгодоприобретателя), но отнюдь не получение прибыли в результате страхования.

Этот принцип законодатель последовательно реализует в нормах ст.ст. 947-952 ГК РФ. Так, договором страхования может быть установлена сумма ниже страховой стоимости, т.е. возможно неполное имущественное страхование, регулируемое

нормами ст.ст. 947, 949, 951 ГК РФ. В подобной ситуации осуществляется частичное возмещение убытков застрахованному лицу. Риск оставшейся суммы имущественного ущерба лежит в данном случае на страхователе. Неполное страхование целесообразно, если вероятность полного уничтожения имущества мала, а также в случае страхования предпринимательского риска, размер которого определить весьма затруднительно.

При неполном страховании оставшаяся страховая сумма может возмещаться другим страховщиком с помощью дополнительного страхования (ст. 950 ГК РФ).

Превышение величины страховой суммы над размером страховой стоимости влечет последствия, предусмотренные ст. 951 ГК РФ. Страхование сверх действительной стоимости возможно только на основаниях, определенных в ст. 952 ГК РФ. Это исключение связано с безусловным соблюдением правила о страховании имущества (предпринимательского риска) от разных страховых рисков как по одному, так и по отдельным договорам. Иными словами, речь идет о комбинированном страховании, основным отличием которого является страхование от разных рисков.

Страховое законодательство не содержит норм, связанных с порядком возмещения морального вреда, его оценки. Из этого следует вывод, что компенсация морального вреда не входит в страховую сумму. Следовательно, наряду с требованиями о взыскании страхового возмещения при наступлении страхового случая страхователь (выгодоприобретатель) вправе при наличии оснований предъявить в судебном порядке требование о компенсации морального вреда (п. 3 ст. 1099 ГК РФ). В качестве ответчика в этом случае привлекается причинитель вреда (ст. 151 ГК РФ, п. 3 ст. 8 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ (в ред. от 9 декабря 2010 г.) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [2]). Размер компенсации морального вреда по общему правилу определяется

судом с учетом обстоятельств конкретного дела (п. 2 ст. 1101 ГК РФ).

Правовая природа личного страхования нивелирует понятие «страховая стоимость». Страховая сумма в этом случае определяется соглашением сторон. Применительно к добровольному страхованию имущества и предпринимательского риска действуют иные правила.

Для страхования имущества и предпринимательского риска актуально императивное правило ограничения страховой суммы, которая не должна превышать действительной (страховой) стоимости имущества.

Страховая стоимость имущества определяется, исходя из его действительной стоимости в месте его нахождения в день заключения договора страхования. Согласно п. 2 ст. 947 ГК РФ, для определения страховой стоимости за основу берется среднерыночная стоимость данного имущества. В большинстве случаев основанием для определения действительной стоимости являются сведения, предоставленные страхователем. Государственные организации, как правило, представляют документы, содержащие сведения о балансовой стоимости имущества. Но учитывая, что стоимость имущества с течением времени может в значительной мере варьироваться, страховщику следует обратить внимание на соотношение балансовой стоимости имущества и его рыночной стоимости на момент заключения договора страхования. Это обстоятельство приобретает особое значение при неполном страховании, поскольку в этом случае применяется система пропорционального возмещения, предполагающая при наступлении страхового случая возмещение ущерба в размере, пропорциональном отношению страховой суммы к страховой стоимости (ст. 949 ГК РФ).

Таким образом, если повышается страховая стоимость имущества, соответственно, меньшей становится сумма страхового возмещения. В качестве примера можно привести решение Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ от 30 октября 2001 г. по делу № 12/2001 [3]. Балтийская государственная

академия рыбопромыслового флота обратилась в Морскую арбитражную комиссию при Торгово-промышленной палате РФ с требованием о выплате страхового возмещения по договору страхования судна в установленном размере. Страховщик после наступления страхового случая настаивал на уменьшении размера страхового возмещения по договору страхования судна, ссылаясь на то, что до заключения договора страхователь был обязан установить реальную (рыночную) стоимость судна, для чего было необходимо привлечь профессионального эксперта. Страхователь данных действий не совершил. В связи с этим страховщик заявил, что страхователь намеренно сообщил страховщику заведомо ложные сведения в части реальной стоимости судна с целью снизить размер страховой премии. Истец заявил, что, являясь государственной организацией, он добросовестно указал страховую стоимость судна, равную его балансовой стоимости. Рыночную стоимость судна он не знал и не мог знать. О несоответствии балансовой стоимости судна его рыночной стоимости должно было быть известно, по мнению истца, страховщику, а следовательно, он был избавлен от обязанности сообщать страховщику данную информацию. Поскольку страховщик при заключении договора не воспользовался своим правом на производство осмотра и оценки страхуемого судна, по мнению истца, в соответствии с п. 1 ст. 947 ГК РФ, страховщик утратил право на оспаривание страховой стоимости и обязан выплатить страховое возмещение в пределах установленной страховой стоимости судна.

Арбитры признали, что судно, находящееся в оперативном управлении государственного образовательного учреждения, оценивалось по его балансовой стоимости, на момент заключения договора страхования истцу была известна лишь его балансовая стоимость, которую он и мог сообщить страховщику. Подписав договор страхования, страховщик подтвердил достаточность сообщенных ему страхователем сведений о страховой стоимости судна. Ответчик довольствовался этими сведениями, страхуя судно на протяжении нескольких лет; об-

ладая правом на оценку страхового риска, страховщик ни разу им не воспользовался. Поэтому арбитры сочли, что страховщик был не в праве впоследствии (при наступлении страхового случая) ссылаться на предоставление ему неверных сведений о стоимости объекта страхования как на основание для отказа в выплате страхового возмещения. Арбитры установили, что страховщик в данном случае не вправе уменьшить размер страховой выплаты.

Таким образом, при заключении договора страхования целесообразно учитывать реальную рыночную стоимость имущества на момент заключения договора. Рыночная стоимость имущества может определяться способами, установленными ст. 40 Налогового кодекса РФ от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 7 марта 2011 г.) [4]. Кроме того, при определении страховой стоимости за основу могут быть взяты документы, содержащие сведения о покупной цене имущества (накладные, счета-фактуры и т.д.).

ГК РФ предоставляет страховщику право определить страховую стоимость имущества путем осмотра или экспертизы (п. 1 ст. 945). В соответствии со ст. 945 ГК РФ, указанные действия могут не производиться, а страховая стоимость имущества может определяться соглашением сторон. В этом случае действует правило ст. 948 ГК РФ: если в договоре определена страховая стоимость, она не может быть оспорена после заключения договора субъектами страхования. Этот императив направлен на стабилизацию страховых отношений, поскольку позволяет предупредить споры относительно выплаты страхового возмещения. Такое ограничение оправдано с той точки зрения, что страховщик, согласно п. 1 ст. 945 ГК РФ, обладает правом самостоятельно оценить страховой риск путем осмотра имущества или проведения экспертизы, не полагаясь на сведения, предоставленные страхователем.

Изъятие из указанного правила связано с наличием двух фактов:

а) страховщик не произвел до заключения договора оценку страхового риска, предусмотренную п. 1 ст. 945 ГК РФ;

б) страховщик был умышленно введен в заблуждение относительно этой стоимости. При этом страховщик несет бремя доказывания вины страхователя (выгодоприобретателя) (см., например, определение Верховного Суда РФ от 13 марта 1995 г.: «Стороны могут оспаривать страховую стоимость имущества, определенную в договоре страхования, в том случае, если страховщик докажет, что он был намеренно введен в заблуждение страхователем» [5]).

Если страховая стоимость имущества в договоре не указана, то страховая выплата осуществляется в размере реального ущерба, т.е., согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ, в размере утраты или повреждения имущества (см., например, определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 27 апреля 2010 г. № ВАС-4557/10 по делу № А20-1681/2009 «В передаче дела по иску о взыскании страхового возмещения для пересмотра в порядке надзора судебных актов отказано, т.к. суд, удовлетворяя иск, обоснованно исходил из доказанности факта наступления страхового случая, предусмотренного договором страхования, и размера ущерба»).

Действительная стоимость предпринимательского риска рассчитывается исходя из возможных убытков от предпринимательской деятельности. Учитывая условность данной величины, для оценки страхового риска во внимание должны приниматься вид деятельности предпринимателя, объем его коммерческого оборота, средняя норма прибыли, особенности гражданско-правовых договоров с контрагентами и т.д.

Иначе дело обстоит в отношении обязательного страхования. Согласно п. 3 ст. 936 ГК РФ, при обязательном страховании минимальные размеры страховых сумм определяются законом или в порядке, предусмотренном законом.

Так, Постановлением Правительства РФ от 27 октября 2008 г. № 797 «Об утверждении типовых правил обязательного страхования гражданской ответственности перевозчика перед пассажиром воздушного судна» [6] установлен минимальный размер страховой суммы при выполнении внутренних воздушных перевозок – не менее чем

2 025 тыс. рублей на каждого пассажира за вред, причиненный жизни пассажира, не менее чем 2 000 тыс. рублей за вред, причиненный здоровью пассажира (п. 8).

Размер единовременной страховой выплаты в случае утраты профессиональной трудоспособности определяется в соответствии со степенью утраты застрахованным профессиональной трудоспособности исходя из максимальной суммы, установленной федеральным законом о бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на очередной финансовый год. В случае смерти застрахованного единовременная страховая выплата устанавливается в размере, равном указанной максимальной сумме (п. 1 ст. 11 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ (в ред. от 9 декабря 2010 г.) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»). В частности, Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ (с изм. от 11 июня 2008 г.) «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» [7] определяет порядок исчисления страховой суммы в зависимости от оклада, установленного на день выплаты страховой суммы (п. 1 ст. 8). В случае гибели (смерти) застрахованного лица при определенных законом обстоятельствах размер страховой суммы должен составлять 25 окладов каждому выгодоприобретателю, в случае установления застрахованному лицу инвалидности при определенных законом обстоятельствах размер страховой суммы должен составлять инвалиду I группы – 75 окладов, инвалиду II группы – 50 окладов, инвалиду III группы – 25 окладов, в случае получения застрахованным лицом тяжелого увечья – 10 окладов, легкого увечья – 5 окладов (п. 2 ст. 8).

Следует отметить, что в сфере страхования гражданской ответственности, как и при личном страховании, в силу правовой природы объекта отсутствует понятие «страховая стоимость». По договору страхования гражданской ответственности закон может определять как конкретный размер страховой суммы (например, п. 1 ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии» [8]), так и порядок ее исчисления.

Закон определяет верхний предел ответственности по договору обязательного страхования гражданской ответственности. В частности, согласно ст. 7 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (в ред. от 7 февраля 2011 г.) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [9], страховая сумма составляет:

- а) в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, – не более 160 тысяч рублей;
- б) в части возмещения вреда, причиненного имуществу нескольких потерпевших, – не более 160 тысяч рублей;
- в) в части возмещения вреда, причиненного имуществу одного потерпевшего, – не более 120 тысяч рублей.

Таким образом, законодатель устанавливает общие правила расчета страховой суммы в различных видах страхования. Вместе с тем практика показывает, что существует очевидная недостаточность правового регулирования этого вопроса. Так, в большинстве случаев остается открытым вопрос о так называемом «лимите ответственности» страховщика по договору, поскольку правоотношения по договору страхования прекращаются в момент прекращения договора, независимо от количества наступивших страховых случаев. Стороны могут оговорить условие о «лимите ответственности» в договоре, указав на ограничение общего размера страховых выплат страховой суммой. На наш взгляд, для предупреждения спорных ситуаций, связанных с упомянутыми обстоятельствами,

целесообразно ограничивать срок действия договоров добровольного страхования имущества, например, моментом наступления первого (второго и т.д.) страхового случая.

Иначе этот вопрос решается Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»: страховщик при наступлении каждого страхового случая (независимо от их числа в течение срока действия договора обязательного страхования) обязуется возместить потерпевшим причиненный вред (п. 7). Аналогичную норму содержит ст. 276 Кодекса торгового мореплавания РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (с изм. от 22 ноября 2010 г.) [10]: за убытки, причиненные несколькими следующими друг за другом страховыми случаями, страховщик несет ответственность, если даже общая сумма таких убытков превышает страховую сумму.

1. Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.
2. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3803.
3. Дедиков С.В. Оспаривание страховой стоимости [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 3. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10 марта 2011 г.).
4. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.
5. Определение Верховного Суда РФ от 13 марта 1995 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15 марта 2011 г.).
6. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 44. Ст. 5099.
7. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 13. Ст. 1474.
8. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4194.
9. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 18. Ст. 1720.
10. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 18. Ст. 2207.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СТРУКТУРЫ НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

А.С. Ерёменко

(доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва; 8 (495) 436-90 88)

В статье исследуется проблема структуры нормы гражданского права и рассматриваются понятия гипотезы, диспозиции и санкции. Подчеркивается взаимосвязь между гипотезой нормы гражданского права и юридическим основанием реализации гражданско-правовых последствий, с одной стороны, и между диспозицией нормы гражданского права и гражданско-правовым последствием, наступающим при наличии юридических оснований, предусмотренных в гипотезе нормы гражданского права, – с другой.

Ключевые слова: теория права, гражданское право, правоприменение, норма права, гипотеза, диспозиция, санкция, юридическое основание, юридическое последствие.

Норма гражданского права является собой базовую структурную единицу системы гражданского законодательства. Праворегулятивный и правоприменительный потенциал нормы гражданского права выражается через ее логическую структуру, соединяющую в себе юридические основания и последствия возникновения, течения, изменения и прекращения гражданских отношений [1, с. 87].

Проблема логической структуры норм права является достаточно изученной в юридической науке, представляя собой традиционную предметную область исследования общей теории права и теории отраслевых юридических наук.

Структурный анализ правовых явлений как один из эффективных методов познания права на теоретическом уровне возник сравнительно недавно. Сама проблема элементарно-структурного соотношения частей нормы права и ее логического построения как микросистемы уходит своими корнями в исторический период античности.

В Древнем Риме республиканской эпохи существовала сложная система форм права, к одной из которых относились законы – «leges». В основу понимания статуса римского закона, указывавшего на его источники, силу, характер предписаний и последствия их нарушения, был положен такой классификационный критерий, как санкция – «sanctio». Римский законодатель различал законы по их санкции, которая

служила принципом образования системы закона, имевшего строго очерченную, формальную структуру. Римскому праву в целом были свойственны в высшей степени прагматизм и формализм, которые не могли не отразиться на частных, исключительных феноменах, бытовавших в этой правовой системе. Законодательный механизм Рима был достаточно эффективным и производил формальные законы, состоявшие: а) из надписи – «praescriptio», которая содержала сведения об обстоятельствах издания закона, а также об инициаторах и принявшем его народном собрании («populus»); б) контекста – «rogatio», который непосредственно состоял из формулировок закона; в) санкции – «sanctio»*, выступавшей в качестве определенной формулы, которая защищала закон от нарушений и иных злоупотреблений как со стороны граждан Рима, так и со стороны судей [2, с. 801, 884, 897].

Данная трехзвенная структура римского закона была порождением законо-

* «Sanctio» – нерушимый закон, незыблемое узаконение, строжайшее постановление, закон с указанием кары за его нарушение; договорная статья, оговорка (лат.); «Rogatio» – вопрос, запрос; внесение предложения, законопроект; просьба (лат.); «Praescriptio» – надпись, заголовок, заглавие; предписание, установление, определение, веление; возражение, отвод; оговорка; предлог (лат.).

дательной техники, изобретенной юристами Рима, и его имманентной логики, исходившей из фундаментальных начал древнеримского общества. Природа принципа тройственности, сопровождающего множество предметов и процессов объективной действительности и их связей друг с другом, имеет весьма объемное содержание, которое без достаточных к тому оснований, по тем или иным формальным признакам нельзя автоматически переносить на явления, хотя и связанные с ней генетически, однако не подчиняющие свою сущность этому сложнейшему принципу, вскрывающему глубинные уровни в структуре вещей. На наш взгляд, могла сложиться ситуация, когда эмпирический опыт, приобретенный исследователем в результате опосредованного восприятия юридической информации через материальные носители римских законов без проникновения в их логическую и юридическую сущность, пропитанную конкретно-историческими реалиями жизни людей, не был подвергнут адекватной теоретической обработке. Это могло стать причиной механистической экстраполяции внешних атрибутов древнеримских законов (которые в Средние века и в Новое время принимались за совершенную модель источника права практически безапелляционно) на релятивные правовые явления перспективных исторических периодов. Отмеченный фактор оказал колоссальное влияние на формирование юридического мировоззрения последующих эпох.

Из классической римской юридикотехнической триады «прескрипция – рогация – санкция» сложилась, в частности, вековая парадигма нормы права как первичного элемента закона, имеющего тройственную структуру.

Научную основу такого понимания строения нормы права заложили немецкие цивилисты и исследователи римского права, которые, заметим, толковали трехкомпонентную структуру римского закона в системе, не допуская ее дробления и дифференциации ее элементов, что могло бы привести к автономизации внутренних компонентов структуры и нарушить ло-

гику, издревле органично проводимую в формальном тексте римского закона. Вероятно, развитие научной мысли привело к тому, что в результате структурного понимания нормы права и вычленения из нее гипотезы, диспозиции и санкции большая по численности когорты ученых признала трехзвенную структуру нормы права как некую абстрактную модель, а не историческую основу юридической нормы в понятиях римского права.

На протяжении всего XX столетия отечественные правоведы аксиоматично принимали третичный догмат структуры нормы права, ведя оживленные диспуты о соотношении понятий гипотезы, диспозиции и санкции и механизме конструирования и применения норм при отсутствии какого-либо из названных элементов нормы права.

Скорее всего, аксиоматизация трехчленного строения нормы права является историческим стереотипом, не имеющим под собой твердой логической базы. Основной вопрос, проводящий демаркационную линию между спорящими кругами, до сих пор лежит в плоскости определения всех трех понятий и соединения их в один понятийный комплекс в рамках категории «норма права».

Общеизвестными в науке теории государства и права определениями понятий гипотезы, диспозиции и санкции нормы права, принимаемыми на вооружение отраслевыми юридическими науками, являются следующие. Гипотеза – это часть нормы права, закрепляющая условия, при которых возникают, изменяются и прекращаются права и обязанности субъектов права. Диспозицию определяют как часть нормы права, непосредственно закрепляющую права или обязанности субъектов права. Под санкцией нормы права понимают ее часть, в которой закреплены предписания о мерах принуждения за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей в отношении лица, нарушившего права и охраняемые законом интересы иных лиц [3, с. 392-393; 4, с. 562-564].

Бросающимся в глаза изъяном приведенных дефиниций является характер логи-

ческого строя определяемых в них понятий, который сконцентрирован в точке конструкции прав и обязанностей субъектов, что низводит теоретический статус этих дефиниций на уровень частных понятий. Очевидно, что всего лишь одна часть норм права закрепляет права и обязанности субъектов, тогда как другие нормы права формализуют принципы правового регулирования, действия и применения права, немалое число третьей группы норм устанавливает остальные организационные правила. Дефиниции структурных элементов нормы права как правовой универсалии должны опираться на обобщения родового порядка, обладающие свойством всеобщности.

Основной вопрос, поднимаемый в настоящей статье, заключается в характере и функциях взаимосвязи гипотезы, диспозиции и санкции норм гражданского права между собой, с одной стороны, и взаимосвязи гипотезы и диспозиции с юридическими основаниями и гражданско-правовыми последствиями, с другой [5, с. 50-51, 128].

Наиболее ярко характер взаимосвязи гипотезы и диспозиции отражает бинарная логическая связка, именуемая импликацией. По своей смысловой конструкции импликация приближена к структуре двойного подчинительного союза «если... то», с помощью которого грамматически образуются сложноподчиненные предложения [6, с. 486].

Для демонстрации логико-функциональной зависимости понятий гипотезы и диспозиции нормы права используется прием, сводящийся к приведению конструкции, представляющей собой законодательный текст нормы, в имплицативную форму, то есть приданию ей вида сложноподчиненного предложения условия, главное (антецедент) и придаточное (логическое следствие) предложения в котором соединены двойным подчинительным союзом «если... то».

В абзаце 2 п. 1 ст. 4 Гражданского кодекса РФ от 30 ноября 1994 г. (далее – Гражданский кодекс) [7] содержится норма, согласно которой действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в

случаях, когда это прямо предусмотрено законом.

Данную норму гражданского права можно представить в таком имплицативном виде: «Если в законе прямо предусмотрено, что он распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, то закон применяется к таким отношениям». Из перефразированного контекста нормы абз. 2 п. 1 ст. 4 Гражданского кодекса можно увидеть, что смысловой центр данной нормы, который помещен законодателем в диспозицию, перенесен в гипотезу нормы, сконструированную в имплицативном виде. Это продиктовано морфологическими и грамматическими закономерностями функционирования сложноподчиненного предложения, смысловое ядро которого несет в себе главное предложение, а придаточное предложение является развитием, продолжением смысла, запечатленного в главном предложении. В таком порядке отражается и взаимосвязь между причиной и следствием, в силу которой причина обосновывает собой процесс наступления следствия и его логический результат.

Необходимо отметить, что в текстах нормативных правовых актов достаточно редко встречаются «чистые» конструкции норм, полностью удовлетворяющие имплицативным требованиям. Примеры «чистых» норм гражданского права, сконструированных по правилам имплицативных связок, образуют немногочисленный ряд статей общей и специальной частей Гражданского кодекса (в частности, абз. 2 п. 3 ст. 157, ст. 204, абз. 1 п. 1 ст. 394, абз. 2 п. 2 ст. 408, абз. 1 п. 4 ст. 469, п. 2 ст. 474).

Если обобщить логический контекст приведенных выше определений гипотезы и диспозиции, устоявшихся в науке, то можно заключить, что гипотеза соотносится с такими философскими понятиями, как основание и причина, в категорических парах «основание – следствие» и «причина – действие (следствие)». Гипотеза выступает основанием и причиной возникновения следствий (действий), предусмотренных в диспозиции нормы гражданского права.

Диспозиция представляет собой логическое последствие основания, сформули-

рованного в гипотезе нормы. В данном случае гипотеза обосновывает собой то следствие, которое закреплено в виде той или иной нормативной формулы в диспозиции нормы права. Связь между диспозицией и гипотезой является связью генетической, поднимающей на поверхность причинное отношение между одним явлением – гипотезой и другим явлением – диспозицией.

В п. 2 ст. 481 Гражданского кодекса предусмотрено, что если договором купли-продажи не определены требования к таре и упаковке, то товар должен быть затарен и (или) упакован обычным для такого товара способом, а при отсутствии такого способа, обеспечивающим сохранность товаров такого рода при обычных условиях хранения и транспортирования.

Формула «если договором купли-продажи не определены требования к таре и упаковке» является гипотезой приведенной нормы, тогда как конструкция «то товар должен быть затарен и (или) упакован обычным для такого товара способом, а при отсутствии такого способом, обеспечивающим сохранность товаров такого рода при обычных условиях хранения и транспортирования» – ее диспозицией. Диспозиция данной нормы гражданского права применяется только при наличии условия, сформулированного в ее гипотезе. Так, если в договоре купли-продажи стороны предусмотрели специальные правила об упаковке, то, очевидно, условие, предусмотренное в гипотезе нормы п. 2 ст. 481 Гражданского кодекса, будет заведомо невыполнимо, что исключает применение диспозиции данной нормы: отсутствующая причина отрицает действие; отсутствующее основание исключает следствие.

Принципиальным является вопрос о соотношении понятий диспозиции и санкции. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить функциональную природу этих структурных единиц нормы права и их организационное место в нормативной системе единичного правила, обеспечиваемого общеобязательной силой закона.

Диспозиция предусматривает правило, определяющее поведение лица, устанав-

ливая состав прав и обязанностей субъекта права, которые возникают, продолжают, изменяются и прекращаются при одновременном фактическом наличии оснований, предусмотренных в гипотезе нормы.

Обязанности, описанные в диспозиции нормы, могут носить как добровольный, так принудительный характер. Принудительность юридической обязанности обеспечивается императивностью закона, которая означает, что для эффективного исполнения обязанности может быть задействован аппарат государственного принуждения, а неисполнение либо ненадлежащее исполнение такой обязанности при достаточных к тому юридических основаниях может повлечь для лица определенные неблагоприятные правовые последствия, выражающиеся в имущественных (например, изъятие вещи, уплата штрафа) либо неимущественных лишениях (например, публично-правовое ограничение права передвижения, запрещение распоряжаться имуществом, на которое наложен арест), что не освобождает нарушителя от исполнения обязанности (например, в натуре).

Добровольность обязанности понимается как принцип организации отношений гражданского оборота. Лицо, участвующее в гражданских отношениях, приобретает и осуществляет гражданские права своей волей и в своем интересе и действует на началах равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности, добровольно принимая на себя гражданские обязанности (абз. 1 п. 2 ст. 1, абз. 1 п. 1 ст. 2, абз. 2 п. 1 ст. 421 Гражданского кодекса).

Таким образом, диспозиция нормы гражданского права представляет собой правовое последствие, которое возникает из юридического основания, формулируемого в гипотезе этой нормы.

Санкция нормы так же, как и диспозиция, включает в себе формулы правовых последствий, выражающихся в обязанности претерпеть установленные в данной санкции «privatio» – лишения. Предусмотренные санкцией нормы последствия возникают при наличии определенных оснований, их порождающих, на уровне причинной зависимости. Очевидно, что таким основа-

нием является нарушение обязанности совершить действие либо воздержаться от его совершения, которая установлена в законе, обычае или договоре. Но если санкция предусматривает не что иное, как состав правовых последствий, то не совпадает ли она, по крайней мере по смыслу, с диспозицией?

Известная лексико-грамматическая формула «если – то – иначе», придающая лаконичный вид нормативным конструкциям гипотезы, диспозиции и санкции, позволяет отыскать приоритетный критерий дифференциации пар взаимосвязи «гипотеза – диспозиция» и «гипотеза – санкция».

Гипотеза определяет правило, служащее основанием правового последствия. Сама гипотеза состава правовых последствий установить не может, будучи иницирующим элементом нормы – ее основанием, фундаментом. Облекаемое в грамматическую форму первой части двойного подчинительного союза «если... то», смысловое наполнение гипотезы осуществляется через определение гипотетической модели поведения лица – юридической возможности действовать или бездействовать, которая возникает у субъекта права только при данных конкретных условиях.

Диспозиция нормы права, содержательный контекст которой согласуется с грамматическими свойствами второй части двойного условного подчинительного союза «если... то», определяет состав правовых последствий наступления обстоятельств, условие о наличии которых раскрывается в главном предложении, открывающемся первой частью данного двойного подчинительного союза («если»).

Благодаря своей сложной логико-нормативной структуре норма права принимает лексико-грамматический вид сложноподчиненного предложения. Грамматически и морфологически подчинительные союзы в условных сложноподчиненных предложениях являются двойными и неотделимыми друг от друга. Эта лингвистическая сущность предложения как лексической формы нормы права детерминирует генетическую и логическую связь одной части нормы – гипотезы, выступающей главным предложением, с другой ее частью – диспозицией

или санкцией, структурированными в виде придаточного предложения.

Решающее отличие диспозиции от санкции нормы права заключается, с одной стороны, в характере правовых последствий, состав которых фиксируется, соответственно, в диспозиции или санкции, и в лексическом и грамматическом порядке передачи нормативной информации, которая приобретает форму общеобязательного правила, облекаемого в структуру диспозиции или санкции нормы, с другой стороны.

В диспозиции нормы гражданского права законодатель конструирует правило, форма (юридическая фразеология) и содержание (юридический контекст) которого предопределяются правомерностью самой сущности и механизма поведения субъектов правоотношений. Посредством объективации данного правила в диспозиции нормы проводится политика правового воздействия на лиц через механизм юридического дозволения.

В санкции нормы права конституируется правило, выводимое из самой противоправной природы и правомерности механизма действия либо бездействия субъекта права, которые законодательно смоделированы в виде основания применения данного правила, отраженного в гипотезе нормы права. Состав правовых последствий наступления определенных в гипотезе оснований, который формализован в санкции нормы, носит запретительный либо ограничительный характер. Санкция – определено неблагоприятное для субъекта права правовое последствие, которое состоит в реализации в отношении его предусмотренных в законе репрессий.

Справедливым представляется мнение о том, что санкция и диспозиция нормы права суть одно и то же правовое явление, видоизменяемое в зависимости от конкретных условий и целей правового регулирования. Норма права в единстве ее структурных элементов как основной инструмент правового воздействия на общественные отношения должна приводиться в функциональную зависимость от типа социального поведения субъектов права, в том числе

от детерминизма правомерного и противоправного [8, с. 186; 9, с. 203; 10; 11].

Юридический запрет, лежащий в основе понятия санкции нормы права, моделируется в виде конкретного обстоятельства, сам факт наступления которого и связанные с ним последствия носят прогнаторный либо нежелательный характер. Запрет – это предписание, сформулированное в виде действия либо бездействия, которых следует устраняться при обычных условиях поддерживаемого правом порядка. Поведенческая формула юридического запрета выражается в противоположном ему юридически значимом акте воли и сознания лица. Именно на основании запрета, подчиняясь его логике, законодатель конструирует охранительную норму, адресуя ее правоприменителю.

Очевидно, что санкция представляет собой состав неблагоприятных правовых последствий, возникающих либо могущих возникнуть только при одновременном фактическом наличии всех предусмотренных в гипотезе нормы обстоятельств, то есть при одновременном фактическом наличии состава юридических оснований, предусмотренного в гипотезе нормы. Санкция, таким образом, является специальной разновидностью диспозиции нормы, в которой формализуется состав неблагоприятных правовых последствий. Логика права заключается в том, что нормальный порядок, обычные условия гражданского оборота образуют систему общих норм и универсального режима правового регулирования, обуславливая действие и применение общих правил, тогда как исключительные, экстраординарные условия правовой действительности вызывают необходимость сингуляризации, выявления в положительном и отрицательном смысле единичного в среде, воспроизводящей регулируемые гражданским правом отношения. Общее правило, общий порядок универсализируют режим действия и применения норм права и механизм правового регулирования в целом, а специальное правило и исключительный порядок, наоборот, сингуляризируют этот режим. Таким образом, диспозиция и санкция являются

либо соподчиненными понятиями, либо зависимыми понятиями, которые соотносятся друг с другом как общее (диспозиция) и особенное (санкция). Именно такая последовательность данного соотношения продиктована всеобщим принципом действия и применения права, нацеленным на создание, укрепление и развитие обычного, нормального порядка в обществе людей, основанного на презумпции правомерности поведения участников регулируемых правом отношений. Однако, отметим, что природа и логика соотношения диспозиции и санкции делают целесообразным введение в научный оборот некоего объединяющего оба этих понятия термина, обеспечивающего терминологическую аккуратность.

На наш взгляд, вывод о том, что санкция – это такая часть нормы, которая содержит состав негативных правовых последствий наступления либо возможности наступления юридически значимых оснований, предусмотренных в ее гипотезе, в методологическом плане снимает исторически сложившееся противоречие, во-первых, между тезисами о трехчленном либо двухчленном строении нормы в пользу бинарности структуры нормы и, во-вторых, между понятийными контекстами категорий «диспозиция» и «санкция» норм права в пользу их денотационного сближения.

Первый аспект имеет важное значение для логического обоснования юридической и лингвистической взаимосвязи между гипотезой и диспозицией (санкцией). Второй пункт играет главную роль в смещении идеологических акцентов с таких семантических узлов понятий диспозиции нормы и санкции нормы, как «правило поведения» (для диспозиций) и «государственное принуждение» (для санкций), и актуализации их на интегрирующем спорную семантику понятии «правовое последствие», которое прочно сцепляется с понятием «юридическое основание», заключаемым в гипотезе нормы.

Кардинальное различие между санкцией и диспозицией нормы обнаруживается в ценностной ориентации правовых последствий действия и применения нормы права в отношении конкретного субъек-

екта, которая выражается в их благоприятности либо неблагоприятности. Вопрос же о государственном принуждении целиком поглощается проблемой реализации предусмотренных в диспозиции или санкции последствий и механизма данной реализации, осуществляемого на началах добровольности или принудительности.

Дискуссионным является вопрос о существовании санкций в нормах гражданского права.

Если рассматривать проблему санкции нормы гражданского права в разрезе правовых последствий наступления либо возможности наступления юридически значимых оснований, которые предусмотрены в гипотезе данной нормы, и их статуса, связанного с неблагоприятным эффектом реализации этих последствий, то можно предварительно заключить, что санкции определенно имеют место в логической структуре нормы гражданского права.

Выше говорилось о том, что зависимость между гипотезой и санкцией нормы проявляется в механизме взаимодействия юридического запрета и неправомерного поведения субъекта права. Если арсенал средств гражданско-правового регулирования дополняется элементами юридических запретов и ограничений, то вполне обоснованным является утверждение о том, что норма гражданского права может содержать состав правовых последствий, возникающих либо могущих возникнуть в результате нарушения лицом запретов и ограничений как оснований движения гражданских прав и обязанностей, которые устанавливаются в гипотезе данной нормы.

В ст. 588 Гражданского кодекса предусмотрено, что за просрочку выплаты ренты плательщик ренты уплачивает получателю ренты проценты, предусмотренные ст. 395 указанного Кодекса, если иной размер процентов не установлен договором ренты. Данная статья устанавливает принципы ответственности плательщика ренты как стороны договора ренты или пожизненного содержания с иждивением.

Гипотезу данной статьи образует конструкция «если иной размер процентов не установлен договором ренты», которая

понимается как юридическое основание гражданских прав и обязанностей сторон договора. При этом не следует одномерно трактовать состав предусмотренных в данной гипотезе юридических оснований как отсутствие в договоре ренты иного предусмотренного размера процентов, и только. В состав юридических оснований, которые предусмотрены в гипотезе нормы, помимо обстоятельств, связанных с уплатой процентов и порядком определения их размера, включаются также обстоятельства, свидетельствующие, в частности, о наличии вины и убытков как начал имущественной ответственности. Таким образом, гипотеза данной нормы априорно исходит из факта ответственности должника, допуская условие об определении размера процентов по договору ренты как основание данных конкретных гражданско-правовых последствий.

Согласно п. 1 ст. 395 Гражданского кодекса за пользование чужими денежными средствами вследствие их *неправомерного* удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица подлежат уплате проценты на сумму этих средств. Следовательно, проценты за пользование чужими денежными средствами – это гражданско-правовая форма древнеримской *privatio*, то есть лишения как неблагоприятного правового последствия совершения имеющих юридическое значение неправомерных действий либо бездействия, обладающая общей с уголовно-правовым институтом наказания природой. Кроме того, на момент неправомерности действий и неблагоприятности правовых последствий указывает, во-первых, то, что нормы об ответственности за неисполнение денежного обязательства помещены в главу 25 Гражданского кодекса, называющуюся «Ответственность за нарушение обязательства», и подчинены правовой логике этой главы, и, во-вторых, то, что диспозиция рассматриваемой нормы сконструирована с использованием гражданско-правового понятия «просрочка», которое входит в тезаурус института имущественной ответственности и харак-

теризует понятийный комплекс «гражданское правонарушение».

В качестве диспозиции данной нормы ст. 588 Гражданского кодекса использована формула «за просрочку выплаты ренты плательщик ренты уплачивает получателю ренты проценты, предусмотренные статьей 395 настоящего Кодекса». При наличии оснований, предусмотренных в гипотезе данной нормы, а именно: если должник просрочил исполнение по договору ренты и в данном договоре не предусмотрен иной размер процентов за пользование чужими денежными средствами, наступают гражданско-правовые последствия, неблагоприятные для лица, которое не исполнило обязательство, и состоящие в уплате предусмотренных ст. 395 Кодекса процентов как своеобразной частноправовой репрессии, характерной для санкций норм.

Ряд примеров норм гражданского права, содержащих санкции, можно продолжить (п.п. 2, 3 ст. 73, абз. 2 п. 2 ст. 147, п. 5 ст. 152, ст.ст. 795, 796, 1022 и т.д. Гражданского кодекса). Очевидно, что нормы, построенные на схеме «гипотеза – санкция», могут располагаться и в общей, и в особенной частях гражданского права.

Из сказанного выше следует, что нормы гражданского права являются бинарными, то есть двучленными, нормами права и в качестве структурных единиц могут иметь как диспозиции, понимаемые как состав гражданско-правовых последствий в позитивном для должника смысле, так и санкции, интерпретируемые как состав гражданско-правовых последствий с позиций отрицательного значения их характера для должника [12, р. 470-471].

Стержневым является вопрос об определении вектора благоприятности гражданско-правовых последствий. По-видимому, одни и те же правовые последствия, предусмотренные в диспозиции (санкции) нормы гражданского права, могут быть одновременно благоприятными для одних лиц (например, кредиторов) и неблагоприятными для других лиц (в частности, для должников) при сопоставимых условиях времени, места и способа исполнения обязательства. При таких обстоятельствах логически

обоснованным и целесообразным является ориентация на римскую максиму, возведенную в ранг принципа гражданского законодательства Российской Федерации, которая облечена в формулу: «*in dubio pro geo*». Эта формула может быть истолкована с материально-правовой (при наличии оснований сомневаться в осуществлении должником принадлежащих ему прав и обязанностей добросовестно и разумно его добросовестность и разумность предполагаются) и процессуально-правовой (при наличии оснований сомневаться в доказанности либо недоказанности требуемых фактов дело должно разрешаться в пользу отвечающей стороны, то есть должника – «*teus*») точек зрения. В основе обеих точек зрения лежит презумпция добросовестности и разумности должника (п. 3 ст. 10 Гражданского кодекса), ставшая важнейшим обобщением практического опыта римских юристов и служащая нам сегодня ценностной правоприменительной установкой.

Таким образом, при определении благоприятного статуса гражданско-правового последствия, влияющего на дифференциацию диспозиции и санкции нормы гражданского права, мы должны исходить из правового положения должника как стороны в гражданском отношении.

Для оптимизации нормативного контекста норм при их конструировании законодатель может прибегать к использованию только отдельных частей – гипотез либо диспозиций – норм гражданского права, а не всего их информационно-структурного массива, в частности, при построении норм-дефиниций и норм-принципов. Так, в абз. 1 п. 1 ст. 4 Гражданского кодекса содержится норма, состоящая только из диспозиции: «Акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие». Гипотеза данной нормы, которая может быть воссоздана в виде: «Если нормативные правовые акты составляют гражданское законодательство...», «уведена» в ее подтекст – бланкирована, то есть гипотеза сформулирована в какой-то иной норме гражданского права, прямая отсылка к которой отсутствует. В

силу принципа системности гражданского законодательства искомая гипотеза может быть извлечена из той статьи, которая посвящена понятию гражданского законодательства и его актов (ст. 3 Гражданского кодекса). Этот имплицитный метод оправдан, главным образом, юридико-техническими целью и задачами, будучи основан на принципе лексической открытости и полнотности текста нормативного правового акта, и обращен против громоздких законодательных формулировок.

Теоретизация описываемых явлений может вызвать затруднения в установлении того, из какой именно структурной единицы – гипотезы или диспозиции состоит данная конкретная норма гражданского права. По всей видимости, в этом случае вопрос должен однозначно решаться в пользу диспозиции по правилу конкуренции общего и специального (конкурентному принципу), направленному на создание условий эффективного применения норм гражданского права. В практической плоскости возникновение данного вопроса является маловероятным.

Гипотеза нормы гражданского права тесно связана с понятием юридической квалификации. Суд, применяя к спорным отношениям норму гражданского права, устанавливает состав юридически значимых оснований реализации гражданско-правовых последствий, зафиксированных в диспозиции этой нормы. Результатом установления всех необходимых и достаточных элементов состава юридически значимых оснований (фактических обстоятельств), смоделированных в гипотезе нормы гражданского права, является квалификация гражданского отношения. Реализация *de facto* и *de jure* правовых последствий, закрепленных в диспозиции нормы гражданского права, наступление либо возможность наступления которых связывается с наличием данных конкретных юридических оснований, осуществляется в форме применения данной конкретной нормы гражданского права как социально положительный (то есть полезный в общесоциальном смысле, общественно значимый) результат

правомерной деятельности правомочного субъекта – правоприменителя.

Гипотеза нормы гражданского права – это ее структурная единица, определяющая состав юридических оснований наступления либо возможности наступления данных конкретных гражданско-правовых последствий.

Диспозиция нормы гражданского права – это ее структурная единица, определяющая состав гражданско-правовых последствий, которые неизбежно возникают при одновременном фактическом наличии данных конкретных юридических оснований.

Санкция нормы гражданского права – это специальная диспозиция, определяющая состав неблагоприятных для субъекта гражданских прав правовых последствий, которые неизбежно возникают при одновременном фактическом наличии данных конкретных юридических оснований (неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства; причинение вреда; наличие либо отсутствие вины; обстоятельства, освобождающие от ответственности; злоупотребление гражданскими правами и т.д.).

Составление имплицитивной формулы нормы, извлекаемой из текста закона, должно предварять обнаружение логического ядра конструкции нормы, упорядочивающего отношения зависимости между главным и придаточным предложениями в ряду импликации. Иными словами, принципиально важно идентифицировать одну часть нормы с юридическим основанием, а другую – с правовым последствием возникновения либо возможности возникновения этого юридического основания, устанавливая причинную связь между гипотезой и диспозицией нормы гражданского права.

Понимание закономерностей логической структуры нормы права, раскрывающих механизм соотношения гипотезы и диспозиции нормы, соотношения юридического основания и возникающего из него правового последствия, позволяет решать на качественном методологическом уровне важные практические задачи юридической квалификации гражданских отношений,

толкования и применения норм гражданского права.

Механизм соотношения структурных элементов норм гражданского права и их формализации в юридических основаниях и гражданско-правовых последствиях выступает в качестве одного из инструментов обеспечения эффективности гражданского правоприменения, нацеленного на установление и поддержание правопорядка в системе гражданского оборота.

1. Ерёменко А.С. Применение гражданского закона. Пропедевтический очерк: монография. М.: Ваш полиграфический партнер, 2010. 218 с.

2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь: Около 50 000 слов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

3. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма – Инфра-М, 1999. 832 с.

4. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 816 с.

5. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. 494 с.

6. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров; редкол. А.А. Гусев [и др.]. Изд. 4-е. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 1600 с.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья, четвертая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ; ред. от 27 дек. 2009 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 1999. № 28. Ст. 3471; 2009. № 1. Ст. 20.

8. Курылев С.В. О структуре юридической нормы // Труды Иркутск. ун-та. Иркутск, 1958. Т. 27. Вып. 4. С. 172-189 (Серия «Юридические науки»).

9. Флейшиц Е.А. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории права. М.: Госюриздат, 1960. С. 194-254.

10. Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. № 1. С. 41-49.

11. Братусь С.Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности // Советское государство и право. 1973. № 4. С. 27-35.

12. The great legal philosophers: Selected readings in jurisprudence / Edited by Clarence Morris. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997. 577 p.

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

А.А. Арямов

(профессор кафедры уголовного права Российской академии правосудия,
доктор юридических наук, профессор, г. Москва; Aryamov65@mail.ru)

В настоящей работе автор предпринял попытку разрешить актуальную проблему привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. При этом был использован ресурс зарубежного уголовного законодательства, зарубежной уголовно-правовой доктрины и отечественные юридические традиции.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридическое лицо, наказание, преступление, субъект преступления, субъект наказания, эффективность уголовного запрета.

Вопрос об уголовной ответственности юридических лиц в отечественной правовой науке стоит достаточно давно [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Высказывались мнения и «за», и «против». Но, как справедливо отмечал Б.В. Волженкин, «следует различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Преступление как общественно опасное, противоправное и виновное деяние может совершать только физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Именно такое деяние, содержащее все признаки соответствующего состава преступления, является основанием уголовной ответственности. А нести уголовную ответственность за такие деяния могли бы не только физические лица, но и при определенных условиях юридические лица. Следовательно, задача состоит в том, чтобы определить условия, при которых юридическое лицо будет нести уголовную ответственность за преступление, совершенное физическим лицом. Такими условиями могли бы быть следующие положения: действие (бездействие) совершено: 1) с ведома юридического лица (его органа управления) или было им санкционировано; 2) в пользу (в интересах) юридического лица (при умышленной преступной деятельности); 3) субъектом, уполномоченным юридическим лицом» [7, с. 109].

Несомненно, при конструировании уголовной ответственности таких корпоративных субъектов следует учитывать, что понятие юридического лица было сформулировано в цивилистике как фикция, ус-

ловно предполагающее волю, поведение, интересы корпорации, которая, как материальная субстанция, таковыми обладать не может. Но если уголовное право как охранительная отрасль охраняет отношения, урегулированные правом гражданским как регулятивной отраслью, то эти отношения должны охраняться в том виде, в котором они урегулированы; следовательно, если гражданское право оперирует фикционным понятием юридического лица, то уголовное право должно учитывать эту особенность.

Следует принять во внимание то, что на уровне международного права проблема уголовной ответственности юридических лиц давно и детально разрешена. Заключая и ратифицируя международные соглашения, Российская Федерация обременила себя комплексом обязательств по адаптации национального права в соответствии с нормами и общепризнанными принципами международного права.

Статья 26 Конвенции ООН «Против коррупции» гласит: «Каждое государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией. При условии соблюдения правовых принципов государств-участников ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной. Возложение такой ответственности не наносит ущерба

уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступления. Каждое государство-участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьей, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции» [8].

Согласно ст. 18 Конвенции Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию»:

«1. Каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных преступлений, заключающихся в активном подкупе, использовании служебного положения в корыстных целях и отмывании денег, квалифицированных в качестве таковых в соответствии с настоящей Конвенцией и совершенных в интересах любого физического лица, действующего в своем личном качестве или в составе органа юридического лица, которое занимает ведущую должность в юридическом лице, путем:

– выполнения представительских функций от имени юридического лица;

или

– осуществления права на принятие решений от имени юридического лица;

или

– осуществления контрольных функций в рамках юридического лица;

а также за участие такого физического лица в вышеупомянутых преступлениях в качестве соучастника или подстрекателя.

2. Помимо случаев, уже предусмотренных пунктом 1, каждая Сторона принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы юридическое лицо могло быть привлечено к ответственности тогда, когда вследствие отсутствия надзора или контроля со стороны физического лица, упомянутого в пункте 1, появляется возможность совершения уголовных преступлений, упомянутых в пункте 1, в интересах этого юридического лица физическим ли-

цом, осуществляющим свои полномочия от его имени.

3. Ответственность юридического лица в соответствии с пунктами 1 и 2 не исключает возможности уголовного преследования физических лиц, совершивших, подстрекавших к совершению или участвовавших в уголовных преступлениях, упомянутых в пункте 1» [9].

В пояснительной записке к законопроекту (25 июля 2006 г.) о ратификации данной Конвенции от 1 июля 2006 г. отмечалось, что Конвенция содержит иные правила, чем законодательство Российской Федерации, соответственно, это требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов. Правовое управление аппарата Государственной Думы 6 июля 2006 г. дало положительное заключение по рассматриваемому законопроекту № 2.2-1/2374 при условии законодательной регламентации уголовной ответственности юридических лиц. Однако эти обязательства не были исполнены.

Стамбульский план действий [10] предусматривает обязательство установления странами-участницами в национальном законодательстве ответственности юридических лиц за коррупционное поведение. В качестве вида наказания для юридических лиц предусматривается запрет на участие в конкурсах на государственные закупки.

В рамках формирования Европейского права принят комплекс нормативных правовых актов, обязывающих государства-участников закрепить в своем национальном уголовном законодательстве нормы об ответственности юридических лиц.

На основании ст. 2 Конвенции о защите финансовых интересов Европейских Сообществ от 26 июля 1995 г. «государства ЕС обязаны предусмотреть ответственность за подкуп иностранного государственного служащего...» и «...установили эффективное уголовное наказание, сравнимое с применяемым ко взяточничеству собственных служащих» [11].

Согласно «Рамочному решению Совета ЕС о борьбе с коррупцией в частном секторе» от 22 июня 2003 г. «каждое государство-член принимает необходимые меры с

целью обеспечить, чтобы юридические лица могли привлекаться к ответственности за... преступления, когда эти преступления были совершены в их пользу любым физическим лицом, которое, действуя индивидуально или в качестве члена органа юридического лица, осуществляет внутри последнего руководящие полномочия, исходя из следующих оснований: а) способность выступать представителем юридического лица; б) наличие права принимать решения от имени юридического лица; с) наличие права осуществлять внутренний контроль. При этом ответственность организации не исключает уголовного преследования физических лиц – исполнителей, подстрекателей или пособников указанных действий» [11].

Резолюция Комитета министров СЕ (97)24 от 6 ноября 1997 г. «О двадцати руководящих принципах борьбы с коррупцией» [12] также содержит положения об уголовной ответственности организаций и требование национальной имплементации этих положений.

Несмотря на существенный комплекс международных обязательств в аспекте уголовной ответственности юридических лиц, российское законодательство до сих пор не приведено в соответствие с ними. Не были изданы даже специальные имплементационные акты, обеспечивающие реализацию международных соглашений. Это не только нарушает международные обязательства Российской Федерации и вносит дисбаланс в системы международного и национального права, но и существенно снижает эффективность борьбы с преступностью.

Представляется необходимым в качестве сравнения проанализировать состояние уголовного законодательства европейских государств и США в призма рассматриваемой проблемы.

Согласно ст. 5 УК Бельгии юридические лица, как отечественные, так и иностранные, отвечают за корыстные преступления (коррупция, злоупотребление служебным положением, «отмывание денег»), при этом официально задекларирована цель обеспечения привлечения к ответственности членов коллегиальных органов организаций как за преднамеренные дей-

ствия, так и за халатность. В данном случае ответственность юридического лица рассматривается как основание ответственности физических лиц, являющихся его менеджерами. В силу ст. 7 bis УК Бельгии к юридическим лицам могут применяться следующие виды наказания: штраф, конфискация имущества, ликвидация компании (представляет интерес формулировка ст. 35 УК Бельгии: «юридическое лицо может быть ликвидировано, если оно осознанно отказалось от законных целей в пользу правонарушений»), запрет на занятие определенной деятельностью. Ст. 41 УК Бельгии предусматривает правила преобразования тюремного заключения для физических лиц в эквивалентные штрафы для юридических лиц.

В Англии действует комплекс нормативных актов, регламентирующих в той или иной части уголовную ответственность юридических лиц. В силу «Закона о толковании» (*Interpretation Act*) 1978 г. юридическое лицо может быть ответственно за коррупционные деяния, «отмывание денег», финансирование терроризма. К юридическим лицам применяются те же самые наказания, что и к физическим, кроме лишения свободы; при этом размер штрафа, назначаемый корпорациям, не ограничен, он определяется по усмотрению суда. По «Закону об уголовных процедурах» (*Proceeds of Crime Act, 2002*) предусмотрена конфискация криминальных доходов юридического лица. Закон Великобритании о взяточничестве 2010 г. [12] устанавливает, что ответственность взяткодателя юридического лица осуществляется в соответствии с принципом целесообразности, на которую влияют следующие обстоятельства: если компания борется с коррупцией и систематически информирует правоохранительные органы о выявленных фактах коррупции в ее рядах, если компания осуществляет «адекватные процедуры» – внутрикорпоративную профилактику взяточничества. В таких случаях к компании вместо уголовной ответственности могут быть применены «внесудебные решения» (например, наложение дополнительных обременений по профилактике

коррупции); компанию могут обвинить в неспособности предотвратить коррупцию, даже если ее администрация и не была осведомлена о конкретном акте взяточничества, что приравнивается к акту коррупции. К юридическим лицам, виновным в актах коррупции, может быть применен, кроме штрафов и отзывает лицензий, также и запрет на участие в государственных контрактах. Аналогично решается вопрос об ответственности юридических лиц и в Ирландии («Закон о толковании» 1937 г., «Закон об уголовном судопроизводстве», «Закон о компаниях» и т.д.), но там имеется более широкая детализация составов преступлений, за совершение которых они могут быть наказаны (например, за преступления в сфере бухгалтерского учета).

Согласно ст. 2 Закона Венгрии «О мерах, применяемых к юридическим лицам в рамках уголовного права» 2001 г. (вступившего в силу с 2004 г.) уголовная ответственность юридических лиц возможна при любом нарушении УК, а также «когда преступление было направлено на юридическое лицо, получающее от этого финансовую выгоду». К уголовной ответственности могут быть привлечены не все юридические лица; установлены исключения для Венгрии, иностранных государств, органов государственной власти, Управления омбудсмена, международных организаций, муниципальных органов.

Уголовная ответственность юридических лиц предполагает в качестве своего основания следующие действия: а) действия его участника, менеджера, представителя, наделенных правом управлять этой организацией, или представлять его интересы, или исполнять контролирующие функции; б) действия одного из его участников или сотрудников, когда со стороны руководства, наделенного соответствующими полномочиями, наблюдается недостаток контроля; в) действия третьих лиц, при условии, что представители компании, наделившие их полномочиями по управлению организацией, знали об этих фактах. Осуждение физического лица (за исключением случаев его смерти или болезни) является обязательным предварительным условием привлечения к

уголовной ответственности юридического лица (дело рассматривается тем же судом). Статьи 3-6 того же закона предусматривают следующие виды наказаний для юридических лиц: ликвидация (кроме стратегических и оборонных предприятий), ограничение деятельности (например, запрет получения лицензий или участия в государственных закупках, участие в тендерах и т.д.), кратный штраф (3-кратная преступная прибыль, но не менее 2 000 евро).

Статья 25 УК Дании предусматривает ответственность юридических лиц за любое преступление, предусмотренное УК, в виде штрафа, размер которого законодательно не установлен и определяется судом исходя из требований разумности. Основанием таковой является поведение физического лица, связанного с юридическим лицом; при этом процессы привлечения к ответственности физического лица и юридического лица могут осуществляться параллельно.

В рассматриваемом аспекте представляет интерес ст. 121Д УК Мальты: юридическое лицо может нести ответственность за деяния, совершенные ради выгоды ответственным лицом, действующим от его имени (за вымогательство, подкуп, торговлю влиянием, преступления в сфере бухгалтерского учета и денежного оборота, в том числе и тогда, когда недостаток внутрикорпоративного контроля повлек совершение этих преступлений). Обязательное условие ответственности – преступная выгода корпорации. К организациям применяется наказание в виде штрафа от 1 150 до 1 150 000 евро с конфискацией не только криминальных доходов, но и иной собственности, ценность которой равна таким доходам.

Законодатель Нидерландов (ст. 51 УК) предусмотрел не только ответственность юридического лица, но и ответственность за преступление, совершенное в соучастии физическим лицом и юридическим лицом. Наказание назначается за коррупцию, отмывание денег и отсутствие внутрикорпоративного антикриминального контроля в виде штрафа в размере 45 000 евро, но его размер может быть увеличен в целях обеспечения «должного воздействия» (могут также применяться арест имущества и

конфискация преступных доходов). Уголовная ответственность организации не обуславливается вынесением приговора в отношении физического лица, она может иметь место, несмотря на то, что виновное физическое лицо не осуждено или даже не выявлено (автономная ответственность).

Законом Польши от 28 октября 2002 г. «Об ответственности коллективных субъектов» была введена уголовная ответственность не только юридических лиц, но и иных коллективных субъектов, не обладающих статусом юридического лица, за отмывание денег, коррупцию и злоупотребление властью. При этом ответственность юридического лица обуславливается фактом совершения преступления физическим лицом (презюмируется, что преступление все-таки совершает физическое лицо), действующим от имени или в интересах организации; фактическая или материальная выгода корпорации также является обязательным условием ответственности юридического лица; если от совершения преступления корпорация не получила прибыли, то она может быть освобождена от ответственности. Привлечение к ответственности корпорации производно от ответственности физического лица (в том числе осуществляется позже), за исключением случаев смерти или сумасшествия последнего. Уголовный штраф, налагаемый на корпорацию, исчисляется в кратном размере (от 2 до 10 %) от прибыли за текущий год, но не может быть меньше 1 000 евро. Кроме штрафа к юридическому лицу может быть применена ликвидация.

Законом Словении «Об ответственности юридических лиц за преступные деяния» 1999 г. предусматривается уголовная ответственность юридического лица, если преступление совершено физическим лицом от имени организации или в ее интересах (подкуп, торговля влиянием, злоупотребление служебным положением, отмывание денег), в случаях: вынесения органом юридического лица незаконного решения или приказа, поддержки (одобрения) преступного поведения, побуждения или содействия преступнику со стороны органов управления организации, недостатка контроля менеджмента

за законностью действий служащих компании, владения преступно добытым имуществом, использования выгод и преимуществ (даже потенциальных) криминального происхождения. Ответственность юридического лица не зависит от ответственности физического лица, но их преследование иницируется одновременно и осуществляется параллельно (за исключением случаев смерти, болезни или юридического иммунитета физического лица). Рассматриваемый закон не применяется к органам государственной власти и местного самоуправления. К корпорациям может быть применен дифференцированный штраф от 2 100 до 630 000 евро, конфискация собственности, ликвидация, запрещение деятельности, осуществляемой на основании лицензии, разрешения или концессии, запрещение приобретать лицензии или концессии; к ним может быть применена отсрочка исполнения наказания.

Своеобразную процедуру привлечения к ответственности юридического лица закрепляет финский законодатель. В силу главы 9 УК Финляндии юридическое лицо в обязательном порядке (т.е. это не право суда, предполагающее судебское усмотрение, а обязанность) подлежит ответственности за коррупцию и отмывание денег, если физическое лицо, занимающее руководящую должность в компании или другим образом осуществляющее управление предприятием или исполняющее иные руководящие полномочия, являлось соучастником или укрывателем преступления, или не предприняло необходимых усилий для предотвращения преступления. Немаловажно, что ответственность юридического лица допускается только в случае, если нельзя привлечь к ответственности физическое лицо, непосредственно совершившее преступление (субсидиарная ответственность). При этом если истекли сроки давности привлечения к ответственности физического лица, то не может быть привлечена к ответственности и корпорация. В качестве наказания юридическим лицам предусмотрен штраф в размере от 850 до 85 000 евро.

На основании п. 1 ст. 121-2 УК Франции любое юридическое лицо, кроме государства, независимо от форм собственнос-

ти несет ответственность за совершенные от его имени или в его интересах: коррупцию, торговлю влиянием и отмывание денег при условии получения им выгоды от преступления и выявления конкретного физического лица, совершившего преступление (акцессорная ответственность). В качестве наказания к корпорации могут быть применены: штраф, запрет заниматься определенным видом деятельности или участвовать в тендерах, публикация сообщения о причастности к преступлению, помещение под судебное наблюдение, ликвидация. Примечательно, что могут быть привлечены к ответственности и материнские компании, если они поощряли дочерние компании в их преступной деятельности или принимали от них преступную выгоду.

Согласно УК Швеции субъектами преступления могут быть только физические лица, но тем не менее для юридических лиц (гл. 36 УК) предусмотрена система наказаний, если преступление совершено при осуществлении деловой деятельности компании путем грубого игнорирования специальных обязанностей или непринятия мер по профилактике преступлений. Для привлечения к ответственности юридического лица непосредственный преступник – физическое лицо – не должен быть обязательно выявлен (автономная ответственность); наказание корпорации не препятствует наказанию физического лица. Предусмотрена возможность освобождения от наказания, если его наложение «явно неразумно».

На тех же позициях находится и законодательство Эстонии (ст. 14 УК), при этом размер штрафа варьируется от 3 200 до 16 000 000 евро; законодательство Исландии (с. 19b1, 19c1 УК и Закон «Об уголовной ответственности юридических лиц относительно взяточничества» 1998 г., в котором используется термин «поддержка неподходящей коммерческой деятельности или бизнеса»); законодательство Норвегии (ст.ст. 48а и 48в УК). Согласно ст. 48а УК Норвегии юридическое лицо привлекается к уголовной ответственности за действия, совершенные гражданином от его имени, даже если частное лицо не может быть наказано за нарушение закона. Согласно ст. 48в

УК Норвегии при наложении штрафа на юридическое лицо учитывается: тяжесть преступления, профилактический эффект штрафа, наличие мер профилактики преступлений на предприятии и возможность предотвратить этими мерами инкриминируемое преступление, заинтересовано ли предприятие в совершении преступления, получило ли или могло получить предприятие выгоду от преступления, экономическое положение предприятия, привлекалось ли за то же преступление к ответственности частное лицо.

Статьей 45 УК Албании предусмотрено, что юридические лица, за исключением государства, несут ответственность за преступления, совершенные их службами или представителями от их имени; при этом органы местного самоуправления несут ответственность только за действия, совершенные в процессе их деятельности, которые могут производиться публичными службами; такая ответственность не исключает ответственности физических лиц. Кроме Уголовного кодекса в Албании также действует Закон «Об уголовной ответственности юридических лиц» 2005 г.

Эти же позиции разделяет и законодатель Македонии (ст. 28-а УК и Закон «О предотвращении коррупции», согласно которым условием ответственности является получение компанией «существенной выгоды»). В Македонии также принят закон «Об ответственности юридических лиц за уголовные преступления», которым в качестве основания уголовной ответственности за подкуп, торговлю влиянием, отсутствие внутрикорпоративной антикриминальной профилактики и отмывание денег определена возможность получения корпорацией криминальной прибыли; «ответственность организации базируется на вине руководителя» (ст. 5 (1) Закона), но если осуждение физического лица невозможно по нереабилитирующим основаниям, то возможно привлечение к ответственности лишь корпорации. В Черногории уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена статьей 31 УК, в которой закреплён принцип привлечения кор-

пораций к ответственности по правилам, установленным для физических лиц.

В соответствии с федеральным законодательством США (более 30 различных нормативных правовых актов) корпорации несут уголовную ответственность за действия своих агентов, даже если поведение такого агента противоречит фактической инструкции или официальной политике корпорации [13], если отсутствие контроля за индивидом, занимающим руководящее положение в корпорации, облегчает совершение подкупа, торговли влиянием и отмывания денег (по Закону «О торговле между штатами» корпорация может нести уголовную ответственность и за некоторые хозяйственные деликты). Вина компании может выражаться в «преднамеренной слепоте» (*willful blindness*), или **преднамеренном незнании**, если этого достаточно для обвинения. Обязательного для вменения требования выгоды для юридического лица не предъявляется. Предусматривается ответственность и за присоединение корпорации к преступлению, совершаемому физическим лицом (в форме одобрения, попустительства и т.д.).

Американский законодатель исходит из концепции автономной ответственности корпораций; она может быть привлечена к ответственности даже при отсутствии обвинения физическому лицу (гл. 15 Свода законов США, Секция 78dd-1). **Корпорация может признать вину** и тем смягчить свое наказание, наказание корпорации может быть отсрочено (так называемая процедура ДРА) или может назначаться испытательный срок в качестве альтернативы уголовному наказанию. В случае привлечения корпорации к ответственности или освобождения от нее учитывается, что это может причинить ущерб невиновным держателям акций или служащим.

Привлечение к ответственности корпорации не исключает ответственности ее служащих. В разных штатах устанавливается своя система наказаний для корпораций: им может быть запрещено заниматься коммерческой деятельностью, заключать сделки с федеральными властями, получать лицензии, участвовать в импорте или

экспорте, они могут быть подвергнуты штрафам и конфискации (причем возможно даже параллельно и в уголовном, и в гражданском порядке). Штрафы, применяемые к корпорациям, могут быть как кратными преступной прибыли, так и установленными в твердой сумме (в основном 500 000 долларов **FCPA предусматривает штраф в 2 500 000 долларов**) или в диапазоне установленных сумм (от и до).

В уголовном законодательстве России очевиден пробел. Субъектом преступления и, как следствие, субъектом уголовной ответственности понимается исключительно физическое лицо (ст. 19 УК РФ). В итоге «армия» зиц-председателей обеспечивает безбедное существование множеству корпораций, паразитирующих на коррупционных и криминально-хозяйственных отношениях. Представляют серьезную проблему многочисленные случаи совершения преступления посредством принятия решения коллегиальным органом юридического лица (например, об одобрении или заключении мнимой или притворной сделки или иного действия) при тайном и не единогласном голосовании: кого и за что привлекать к уголовной ответственности в рамках господствующей концепции персональной ответственности физических лиц? Организованная преступность давно уже взяла на вооружение такой метод совершения преступлений (например, при рейдерских захватах, преднамеренном банкротстве и т.д.).

В законе о противодействии коррупции, а именно в статье 14 «Ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения», установлены следующие положения:

«1. В случае, если от имени или в интересах юридического лица осуществляются организация, подготовка и совершение коррупционных правонарушений или правонарушений, создающих условия для совершения коррупционных правонарушений, к юридическому лицу могут быть применены меры ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. Применение за коррупционное правонарушение мер ответственности к

юридическому лицу не освобождает от ответственности за данное коррупционное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к уголовной или иной ответственности за коррупционное правонарушение физического лица не освобождает от ответственности за данное коррупционное правонарушение юридическое лицо.

3. Положения настоящей статьи распространяются на иностранные юридические лица в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» [14].

В данном случае имеет место отсылка к законодательству Российской Федерации, которого пока не существует. Эта декларативная норма предполагает и соответствующее изменение законодательства Российской Федерации, в том числе уголовного и административного.

«Национальный план противодействия коррупции» [15] предусматривает перспективную возможность установления административной ответственности юридических лиц за совершение от их имени коррупционных преступлений. Однако административное законодательство Российской Федерации не содержит комплекса норм, предусматривающих ответственность за коррупционные преступления; международное право трактует акты коррупции как уголовно наказуемые деяния. Таким образом, налицо существенные проблемы в реализации данной части «Национального плана противодействия коррупции».

В то же время ч. 2 ст. 2.1 и ст. 2.10 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность юридических лиц за правонарушения, совершенные от их имени или в их интересах. Очевиден определенный дисбаланс в отечественной публично-правовой сфере. Административное законодательство предусматривает возможность ответственности юридических лиц, а уголовное – нет. Хотя эти две отрасли права тесно корреспондируют друг с другом. В качестве примера можно привести соотношение ст. 7.27 КоАП РФ – мелкое хищение и ст. 158 УК РФ – кража, когда уголовная ответственность ограничивает-

ся возможностью привлечения к административной ответственности. Естественно, что при такой тесной взаимосвязи норм административного и уголовного права фундаментальные элементы, определяющие основания ответственности, должны быть сопоставимы.

Игнорирование института уголовной ответственности юридических лиц породило следующую девиацию отечественной правоприменительной практики. В случаях, когда преступление совершается с использованием структуры коммерческого юридического лица или в его интересах, конкретным действующим физическим лицам инкриминируется совершение преступления организованной группой или преступным сообществом (ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ, ст. 210 УК РФ), действующими в корыстных целях. Это не соответствует содержанию уголовного закона и влечет необоснованное усиление репрессии. Признаки устойчивости, организованности и структурированности, стремление получить прибыль имманентно присущи коммерческим организациям и вполне легальны (соответствуют требованиям гражданского законодательства).

Соотношение охранительной и регулирующей отраслей права предполагает следующее правило разрешения коллизии между гражданско-правовым дозволением и уголовно-правовым запретом: уголовное право не может запрещать то, что разрешено правом гражданским (коллизия решается в пользу гражданского (коллизия решается в пользу гражданского-правового дозволения)). О том же говорит и презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ) – все неразрешимые сомнения в виновности лица (к ним относятся коллизия нормативных актов) решаются в пользу обвиняемого. В то же время вполне понятно желание государственного обвинения придать юридическое значение упомянутым обстоятельствам, которые, несомненно, определяют механизм преступного посягательства. Представляется, что установление уголовной ответственности юридических лиц позволит дать юридическую оценку корпоративному фактору совершения преступления без искажения содержания уголовного закона.

По мнению разработчиков данного законопроекта, принятие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием государственной политики в области противодействия преступлениям, совершаемым от имени и в интересах юридических лиц» позволит повысить эффективность противодействия преступлениям, совершаемым в интересах или от имени корпораций, а также оптимизирует общую структуру отечественной уголовной политики.

1. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998.

2. Егорова Н. Об уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Управление персоналом. 2003. № 9.

3. Никифоров А.С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. М., 2003.

4. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005.

5. Додонов В. Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. 2006. № 4.

6. Бирюков П.Н. Уголовная ответственность юридических лиц в сфере экономики (опыт иностранных государств). М., 2008.

7. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб., 2002.

8. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31

окт. 2003 г., ратифицирована Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации конвенции ООН против коррупции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.

9. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. Заключена в Страсбурге от 27 янв. 1999 г., ратифицирована Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // Совет Европы и Россия. 2002. № 2. С. 46-55.

10. Стамбульский план действий по борьбе с коррупцией для Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Российской Федерации, Таджикистана и Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://kpr.org.ua...stambulskijj...borbe-s-korrucliejj.html>.

11. ОЖЕС. 1995. 27. Nov. С. 316.

12. URL: <http://www.corruption.iatp.az/corruption/ru/law/inter/ec.stm>.

13. *United States v. Beusch*. 596 F.2d 871, 877 (9th Cir.1979) [Электронный ресурс]. URL: <http://openjurist.org>596/f2d/871>.

14. О противодействии коррупции: федер. закон от 27 дек. 2008 г. № 73-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

15. Об утверждении «Национального плана противодействия коррупции»: указ Президента РФ от 31 июля 2008 г. № Пр-1568 // Рос. газ. 2008. 5 авг.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В.И. Морозов

(профессор кафедры уголовного права Тюменского юридического института
МВД России, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист
Российской Федерации; 8 (3452) 59-84-37)

С.Л. Цыганков

(федеральный судья суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры,
г. Ханты-Мансийск; 8 (3467) 33-02-80)

Статья посвящена исследованию содержания зарубежного уголовного законодательства, регулирующего уголовную ответственность за преступления в сфере банкротства, в целях изучения опыта других стран при подготовке изменений в Уголовный кодекс РФ.

Ключевые слова: преступления в сфере банкротства, зарубежное уголовное законодательство

Отечественное уголовное законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за преступные деяния в сфере банкротства, претерпевает трансформации, связанные с последовательными изменениями в гражданском законодательстве, регулирующем сферу банкротства, а также с учетом практики его применения. Последние изменения в УК РФ в этой части были внесены в мае 2010 и касались расширения перечня преступных действий по противодействию реализации процедуры банкротства. Специалистами отмечается, что нормы, содержащиеся в ст.ст. 195-197 УК РФ, далеки от совершенства. Учитывая данное обстоятельство, следует обратиться к содержанию зарубежного уголовного законодательства, регулирующего схожие отношения, чтобы учесть опыт других стран в борьбе с криминальным банкротством.

Ответственность за совершение преступлений в сфере банкротства предусмотрена в отделе 3 «Об искусственном создании неплатежеспособности» главы 3 книги третьей УК Франции [1]. Статья 314-7 предусматривает ответственность за организацию или отягощение своей неплатежеспособности. Объективная сторона описана как альтернативные действия. Деяние совершается путем увеличения пассивов или занижения активов, а также путем занижения или сокрытия части или всех доходов, сокрытия имущества. Обстановка совершения преступления характе-

ризуется моментом до вынесения решения или приговора суда, а также после такого решения или приговора. Таким образом, требуется наличие вынесенного судом приговора имущественного характера по уголовным делам или решения по гражданским или административным делам по деликтам, квазиделиктам или алиментам.

Как можно увидеть, французский законодатель в данном случае не различает банкротство частного лица и субъектов предпринимательской деятельности. Данное обстоятельство может быть учтено отечественным законодателем при конструировании норм, предусматривающих ответственность за неправомерные действия при банкротстве физических лиц в частной сфере.

Кроме того, достаточно любопытно изложена объективная сторона состава преступления в части описания действий, приводящих к неплатежеспособности. Фактически состав представляет собой объединение деяний, которые в отечественной законодательной практике описаны в ч. 1 ст. 195 и ст. 196 УК РФ, – неправомерные действия при банкротстве и преднамеренное банкротство. Правда, состав преднамеренного банкротства описан не полностью, а только в части увеличения уже возникшей неплатежеспособности. Очевидно, что структура отечественного уголовного закона в этой части является наиболее оптимальной.

Субъективная сторона анализируемого состава преступления характеризуется целью – уклониться от исполнения приговоров имущественного характера.

Субъектами данного преступления могут быть как физические, так и юридические лица, что является особенностью уголовного законодательства Франции.

Основная санкция, предусмотренная за данное деяние к физическим лицам, – 3 года тюремного заключения или штраф. В соответствии со ст. 314-11 в отношении физических лиц также могут применяться конфискация вещи, служившей или предназначенной для совершения преступного деяния, или вещи, которая была получена в результате совершения преступного деяния, и публикация в средствах массовой информации приговора суда по уголовному делу.

К юридическим лицам применяются следующие виды наказаний:

– штраф, в соответствии с положениями ст. 131-38 пятикратно превышающий размер штрафа для физических лиц;

– конфискация вещи, служившей или предназначенной для совершения преступного деяния, или вещи, которая была получена в результате совершения преступного деяния;

– публикация в средствах массовой информации вынесенного приговора.

Из приведенных видов наказания с точки зрения внесения изменений в отечественное законодательство наибольший интерес представляет конфискация имущества, полученного преступным путем либо бывшего предметом преступления. Представляется несправедливым и противоречащим здравому смыслу оставлять у виновного то имущество, которым он завладел в результате своей преступной деятельности. При этом конфискация имущества, полученного виновным в результате преступных действий, связанных с процедурой банкротства, может выступать средством обеспечения гражданских исков кредиторов. На наш взгляд, это целесообразно закрепить в ст. 104-1 УК РФ.

В системе уголовного законодательства Германии преступное банкротство от-

носится к группе деяний против интересов кредиторов либо к преступлениям против иных имущественных прав или к иным имущественным преступлениям [2, с. 493].

Ответственность за указанные преступления предусмотрена разделом двадцать четвертым «Преступные деяния, связанные с банкротством» УК ФРГ [3]. Наиболее значимым считаем параграф 283, который называется «Банкротство» и представляет собой обширный перечень преступлений.

В немецкой уголовно-правовой литературе указывается, что для всех составов уголовно наказуемого банкротства необходимы три основных элемента:

1. Состояние имущественной несостоятельности или неплатежеспособности.

2. Действия, связанные с банкротством, т.е. то, что в соответствии с отечественной уголовно-правовой терминологией мы относим к объективной стороне преступления: изъятие имущества, фиктивные сделки, бесхозяйственные сделки и т.д.

3. Кризисное состояние, т.е. объективные предпосылки наказуемости; этот признак рассматривают как реальное проявление неплатежеспособности или несостоятельности [2, с. 495].

В соответствии с абзацем первым данного параграфа ответственность предусмотрена для лиц, которые уже находятся в состоянии имущественной несостоятельности, или при грозящей или наступившей неплатежеспособности за следующие виды действий:

1. Исключение доступа к имуществу, подлежащему включению в конкурсную массу, или утаивание его составной части, его разрушение, повреждение или приведение в негодное состояние иным способом. Под исключением доступа понимается не только фактическое удаление имущества от кредиторов, но и юридическое – передача прав на него супругу, иному лицу, его фиктивные продажа, передача в залог и т.д. [2, с. 203].

2. Совершение убыточных или спекулятивных сделок с товарами или ценными бумагами способом, противоречащим требованиям надлежущей хозяйственной

практики, а также создание некредитоспособности вследствие нерентабельных расходов, игры или пари.

3. Приобретение в кредит товаров или ценных бумаг по завышенным ценам.

4. Введение в заблуждение относительно прав других лиц или признание фиктивных прав.

5. Отсутствие ведения торговых книг в случаях, когда подобные действия являются обязанностью, а также искажение содержащейся в них информации.

6. Соккрытие или повреждение торговых книг, иной документации, хранение которой входит в обязанности предпринимателя.

7. Нарушение положений торгового права путем составления баланса таким образом, что это затрудняет получение сведений об имущественном положении должника либо несоставление баланса имущества и непроведение инвентаризации.

8. Иное ухудшение своего имущественного положения либо соккрытие своих хозяйственных отношений.

Субъективная сторона большинства преступлений характеризуется умышленной формой вины. Субъект преступления в анализируемой уголовно-правовой норме не указан.

Размер наказания за данный вид преступления предусмотрен в виде лишения свободы на срок до 5 лет или денежного штрафа.

Часть вторая параграфа 283 предусматривает наказание за умышленное банкротство. В целом норма сформулирована достаточно лаконично: «таким же образом наказывается тот, кто посредством указанных в абзаце 1 действий создает свою несостоятельность или неплатежеспособность». Таким образом, объективная сторона деяния выражается в совершении действий, перечисленных в п.п. 1-8 абзаца первого рассматриваемого параграфа, повлекших за собой несостоятельность или невозможность оплачивать срочные денежные обязательства.

Кроме того, законодатель предусматривает ответственность за совершение отдельных преступлений и с неосторожной

формой вины. Уголовная ответственность предусмотрена и за совершение подобных деяний, как по неосторожности, так и с грубой неосторожностью. Ответственность за данные преступления – лишение свободы на срок до 2 лет или денежный штраф.

В абзаце шестом указаны условия привлечения лица к ответственности: исполнитель прекратил оплату по требованиям кредиторов, или в отношении его имущества открыто конкурсное производство, или ходатайство кредиторов об открытии конкурсного производства было отклонено из-за отсутствия у должника имущества.

В качестве явных недостатков с точки зрения отечественной законодательной техники следует назвать излишнюю, чрезмерную перегруженность параграфа составами преступлений. Для отечественной техники изложения Уголовного закона характерен принцип «одна статья – одно (запрещенное) деяние», который хотя и не реализуется абсолютно во всех случаях, но достаточно явно прослеживается в структуре УК России. В связи с этим соединение в одной части статьи столь разнородных составов представляется результатом определенной недоработки законодателя.

Параграф 283-b предусматривает ответственность за нарушение обязанности ведения бухгалтерского учета. Положения указанного параграфа дополняют положения параграфа 283, так как первый абзац предусматривает ответственность лица за исключение доступа к торговым книгам или иным документам, хранить которые коммерсант обязан в соответствии с положениями торгового права, а также за уничтожение, утаивание и повреждение указанных документов.

Данное положение германского уголовного закона характерно для уголовного законодательства и других стран. Вместе с тем данная проблема актуальна и для отечественной правоприменительной практики. Как следует из результатов проведенных нами опросов сотрудников правоохранительных органов, специализирующихся на расследовании данной категории уголовных дел, одним из препятствий к привлечению к уголовной ответственности за

преступления в сфере банкротства является именно утрата документов бухгалтерского учета. В этой части данный состав имеет целый ряд преимуществ перед нормами отечественного законодательства.

Особенностью уголовно-правовой системы США является, во-первых, ее многоуровневость, объясняемая наличием как федерального законодательства, так и законодательства отдельных штатов, во-вторых, сочетание положений так называемого общего (прецедентного) права и нормативных правовых актов.

На федеральном уровне уголовная ответственность в США в основном регулируется разделом 18 Свода законов США, а также отдельными законами. На уровне штатов – уголовными кодексами штатов, общим правом. В Своде законов США преступления расположены по принципу алфавитного изложения, а не родового или непосредственного объектов преступлений [4].

Уголовная ответственность за преступления, связанные с процедурой банкротства в соответствии с разделом 11 (Кодекса о банкротстве), предусмотрена в главе 9 раздела 18 Свода законов США, в которой содержится 7 параграфов (151-157).

Параграф 154 предусматривает ответственность для лиц, назначенных осуществлять процедуру банкротства. Ответственность предусмотрена за 1) отчуждение вверенного имущества любым способом – прямо или косвенно; 2) отказ предоставить заинтересованным лицам необходимые документы и счета; 3) отказ в представлении возможности Государственному агентству по управлению имуществом изучить счета и документы, относящиеся к делу о банкротстве. Ответственность за данное преступление – штраф или увольнение от должности. Данный состав может иметь интерес и для отечественного законодателя в силу того, что никакой специальной нормы, предусматривающей ответственность для конкурсных и арбитражных управляющих, в УК РФ нет. Вся ответственность данных управляющих целиком регулируется ст. 201 УК РФ. Однако уместно рассмотреть создание специальной нор-

мы, предусматривающей ответственность представителей внешней администрации предприятия – банкрота.

Законодатель подчеркивает предумышленный характер поведения субъекта преступлений, предусмотренных нормами главы 9 раздела 18 Свода законов США. Виновный должен действовать «умышленно и обманным путем (мошеннически)» (knowingly and fraudulently).

Параграф 157 предусматривает ответственность за мошенничество при банкротстве. Уголовно-правовой запрет сформулирован так, как в отечественной законодательной практике формулируют усеченные составы. Ответственность предусмотрена для лиц, которые разработали или намеревались разработать мошеннический прием или схему для возбуждения фиктивного банкротства. Наказание за данное деяние – штраф или лишение свободы на срок до 5 лет.

Для уголовно-правовой практики США можно считать характерным рассмотрение преднамеренного банкротства как разновидности мошенничества. Так, в Руководстве по борьбе с экономическими преступлениями выделяются четыре разновидности действий, связанных с преднамеренным банкротством («одноступенчатая мошенническая операция», «мошенническая операция “то же имя”», «мошеннические операции в рождественский сезон», «махинации по запланированному банкротству в уважаемой компании»), и все они рассматриваются как разновидности мошеннических операций [5, с. 51-55].

Отдельно следует выделить уголовное законодательство прибалтийских республик, предусматривающее ответственность за банкротство. С одной стороны, указанные республики унаследовали положения советского права, а с другой стороны, на их законодательство оказывают влияние страны ЕС. Все прибалтийские республики приняли новое уголовное законодательство: Уголовный кодекс Латвии был принят 17 июня 1998 г. и вступил в силу с 1 апреля 1999 г., Уголовный кодекс Литвы был принят 26 сентября 2000 г., вступил в силу с 1 мая 2003 г., Уголовный (Пенитенциарный)

кодекс Эстонии вступил в силу 1 сентября 2002 г.

По сравнению с отечественным законодательством Уголовный кодекс Латвии предусматривает обширную систему преступлений против установленного порядка банкротства, несколько шире. Ответственность предусмотрена как для должников, так и для кредиторов, а также для управляющих процедурой банкротства. Наказания за данные преступления ограничиваются лишением свободы, принудительными работами, штрафом, лишением права заниматься предпринимательской деятельностью. Рассматриваемые статьи образуют главу XIX «Преступные деяния в народном хозяйстве» кодекса [6].

Статья 214 УК Латвии объединяет два состава. Часть первая предусматривает ответственность за неподачу заявления о банкротстве, когда это предусмотрено законом, а также подачу ложного заявления о неплатежеспособности. Состав ч. 1 формальный, наступления каких-либо последствий не требуется. Максимальный размер наказания – один год лишения свободы.

Необходимо отметить, что ответственность за неподачу заявления о банкротстве – не редкость в уголовном законодательстве республик бывшего СССР. Она также встречается в уголовных кодексах Украины и Белоруссии. Сложно оценивать применимость данного состава к системе преступлений в сфере банкротства в отечественном уголовном праве, однако заметим, что сама по себе процедура банкротства имеет определенные преимущества для должника – хозяйствующего субъекта, в силу чего вряд ли можно говорить о массовом явлении – сокрытии собственной неплатежеспособности. А поскольку право призвано регулировать именно массовые общественные явления, то включение в уголовный кодекс норм, рассчитанных на единичное применение, видится нецелесообразным.

Часть вторая по содержанию заметно ближе по структуре к тексту ст. 197 УК РФ, хотя и тут состав продолжает оставаться формальным: «Подача заявления о неплатежеспособности, в котором представлены заведомо ложные сведения или сведения

сокрыты, если по причине заявления может быть объявлен или был объявлен процесс неплатежеспособности (заведомо ложное заявление о неплатежеспособности)». Максимальный размер наказания – лишение свободы на срок до 2 лет. Как видим, законодатель в рассматриваемом случае ушел от материальной конструкции состава фиктивного банкротства, тем самым упростив процедуру доказывания совершенного преступления.

Статья 215-1 УК Латвии предусматривает ответственность за неправомерные действия в процессе правовой защиты от кредиторов при неполной платежеспособности. Часть первая определяет ответственность за использование процедуры защиты от кредиторов для уклонения от выполнения своих обязательств. Наказание не предусматривает лишения свободы. Часть вторая данной статьи закрепляет ответственность за непредставление или сокрытие затребованной судом или администратором предусмотренной законом информации, незаконное отчуждение имущества, сокрытие имущества, сокрытие, уничтожение или подделку документов, а также за иные подобные действия, препятствующие процессу защиты от кредиторов. Субъективная сторона – умысел. Максимальный размер наказания за подобные действия – лишение свободы на срок до 5 лет.

Уголовный кодекс Литовской Республики содержит в себе сравнительно небольшое количество составов преступлений, посягающих на установленный порядок банкротства. Все они содержатся в разделе XXXI «Преступления и уголовные проступки против экономики и порядка предпринимательства» кодекса [7].

Ответственность предусмотрена ст. 208 «Недобросовестность должника» и ст. 209 «Преступное банкротство». Кроме того, к указанным преступлениям можно отнести ст. 205 «Ложное заявление о деятельности предприятия». Особенностью уголовного права Литвы является то, что за преступления несут ответственность как физические, так и юридические лица.

Уголовный (Пенитенциарный) кодекс (Уложение о наказаниях) Эстонии содер-

жит в себе несколько параграфов, предусматривающих ответственность за преступления в сфере банкротства. Содержатся они в основном в разделе 3 «Преступления в сфере банкротства и исполнительного производства» главы 21 «Экономические преступления» Уложения [8].

Субъектами рассматриваемых преступлений являются граждане – предприниматели (самозанятые), глава или члены совета директоров компании или иного руководящего органа организации-должника. Об иных субъектах преступления будет сказано особо. Указание на субъектов преступления были внесены законом от 15 марта 2007 г.

Параграф 385-1, введенный законом от 15 марта 2007 г., закрепляет ответственность за неподачу заявления о банкротстве. Объективная сторона выражается в неисполнении предусмотренной законом обязанности подавать заявление о банкротстве. Субъект не указан, однако очевидно, что ответственность должны нести лица, на которых лежит обязанность подавать заявление о банкротстве. Санкция – штраф или тюремное заключение сроком до 1 года.

Кроме того, к нормам, определяющим ответственность за преступления в сфере банкротства, можно отнести норму ч. 2 параграфа 381-1, предусматривающего ответственность за нарушение правил ведения бухгалтерской отчетности. Часть 1 предусматривает ответственность за умышленное нарушение определенных законом требований к организации по ведению бухгалтерского учета либо заведомо незаконное уничтожение, повреждение или сокрытие или непредставление учетной информации или представление недостоверной информации, если это создает значительные затруднения для получения общего представления о финансовом положении бухгалтерского учета. Часть 2 определяет ответственность за данные деяния, если суд признает должника банкротом или процедуру банкротства завершена вследствие недостаточности имущества должника для покрытия расходов на производство по делу о банкротстве. Наказание – штраф или 3 года тюремного заключения.

Уголовный кодекс Украины (далее – УКУ) содержит в себе четыре статьи, предусматривающие ответственность за преступления в сфере банкротства. Статья 218 «Фиктивное банкротство», ст. 219 «Доведение до банкротства», ст. 220 «Соккрытие стойкой финансовой неплатежеспособности», ст. 221 «Незаконные действия при банкротстве» содержатся в VII разделе Кодекса «Преступления в сфере хозяйственной деятельности» [9]. Рассматриваемые составы материальные, в качестве последствия (в соответствии с примечанием к ст. 218) указан крупный ущерб кредиторам или государству в размере, превышающем пятьсот размеров необлагаемого дохода гражданина (НДГ). Субъекты данных преступлений специальные: учредители или собственники субъекта хозяйственной деятельности, а также должностные лица субъекта хозяйственной деятельности, граждане – субъекты предпринимательской деятельности.

Наиболее интересным с точки зрения сравнительного анализа видится ст. 220 УКУ. Закон определяет сокрытие устойчивой финансовой несостоятельности как умышленные действия, совершенные путем представления недостоверных сведений, если это причинило крупный материальный ущерб кредиторам. Таким образом, криминализируются деяния по сокрытию своего предбанкротного состояния, когда банкротство неизбежно и этот факт очевиден для виновного, однако он различными способами пытается скрыть указанный факт от своих кредиторов. Такие действия могут быть квалифицированы как незаконные действия при банкротстве по ч. 1 ст. 195 УК РФ, если действия виновного подпадают под способы совершения преступления, перечисленные в законе. Особенно наглядно это проявляется в сравнении с прежней редакцией ст. 195 УК РФ, которая содержала в себе характеристику обстановки совершения преступления – в «предвидении банкротства». Однако украинский законодатель четко разделяет данные противоправные действия по моменту совершения, что, несомненно, можно поставить ему в заслугу. Исходя из вышеуказанных обстоятельств, и текст ст. 221

УКУ сформулирован более конкретно по сравнению со ст. 195 УК РФ – объективная сторона выражается в сокрытии имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, передаче имущества в иное владение или его отчуждении либо уничтожении, а также фальсификации, сокрытии или уничтожении документов, отражающих хозяйственную либо финансовую деятельность. Уголовная ответственность наступает только в случае причинения крупного материального ущерба. Как видим, во-первых, текст статьи изложен более лаконично, не перегружен терминологически, во-вторых, позиция украинского законодателя по разграничению неправомερных действий в преддверии банкротства и после банкротства и изложению их в разных статьях также положительно сказывается на конкретизации неправомερных действий виновного. За данное преступление предусмотрено наказание в виде штрафа или лишения свободы сроком до 2 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Больше отличий от содержания УК РФ в части норм, регулирующих ответственность за преступления в сфере банкротства, можно найти в Уголовном кодексе Белоруссии (далее – УК РБ) [10]. УК РБ содержит в главе 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» 4 статьи, предусматривающие ответственность за данные преступления.

Статья 239 УК РБ «Сокрытие экономической несостоятельности (банкротства)» во многом схожа со ст. 220 УКУ. Она предусматривает ответственность за сокрытие неплатежеспособности хозяйствующего субъекта путем представления сведений, не соответствующих действительности, подделки документов, искажения бухгалтерской отчетности или иным способом повлекшее причинение ущерба кредиторам (кредиторам) в крупном размере.

Данное преступление наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничени-

ем свободы на срок до 3 лет, или лишением свободы на тот же срок.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Преступления в сфере банкротства, предусмотренные в УК РФ, во многом аналогичны уголовно-правовым нормам других стран с развитой экономикой.

2. Российское уголовное законодательство предусматривает ответственность за большинство преступных деяний в сфере банкротства, известных в мировой практике: преступное сокрытие имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, противодействие деятельности внешней администрации, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство.

3. Вместе с тем сравнение с законодательством зарубежных стран позволяет выделить отдельные недостатки текста ст.ст. 195-197 УК РФ:

– излишнюю казуистичность текста ч. 1 ст. 195 УК РФ;

– отсутствие отдельной статьи, предусматривающей ответственность за неисполнение обязанностей хозяйствующих субъектов по ведению документов бухгалтерского и иных видов учета;

– материальную конструкцию состава фиктивного банкротства в отечественном законодательстве.

1. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки. СПб.: Юрид. центр Пресс», 2002. 650 с.

2. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: Велби: Проспект, 2006. 560 с.

3. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германии: текст и научно-практический комментарий. М.: Проспект, 2010. 280 с.

4. Свод законов США, ответственность за преступления в сфере банкротства [Электронный ресурс] URL: http://www.law.cornell.edu/uscode/html/uscode18/usc_sup_01_18_10_I_20_9.html (дата обращения: 15 марта 2011 г.).

5. Цанава В.В. Опыт борьбы с экономическими преступлениями в США (ос-

новные документы, термины, меры борьбы и их комментарии). Макеевка, 1998. 240 с.

6. Уголовный кодекс Латвийской Республики: принят 8 июля 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normid=124324> (дата обращения: 15 марта 2011 г.).

7. Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред. и вступ. ст. В. Павилонис. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 366 с.

8. Уголовный (Пенитенциарный) кодекс Эстонии от 6 июня 2001 г. [Электрон-

ный ресурс]. URL: <http://www.riigiteataja.ee/akt/184411> (дата обращения: 15 марта 2011 г.).

9. Дудоров О.О. Злочини у сфері господарської діяльності: кримінально-правова характеристика: монографія. Київ: Юридична практика, 2003. 924 с.

10. Уголовный кодекс Беларуси от 9 июля 1999 г. № 275-3 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.kulichki.com/vip/uk/> (дата обращения: 15 марта 2011 г.).

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА УЛИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Э.Г. Юзиханова

(доцент кафедры криминологии, психологии и педагогики Тюменского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент; 8 (3452) 59-84-38)

Е.С. Заремба

(преподаватель кафедры криминологии, психологии и педагогики Тюменского юридического института МВД России; 8 (3452) 59-84-38)

В статье представлен анализ статистической информации о местах совершения, времени и жертвах уличной преступности в Тюменской области. На основе выводов, полученных в результате исследования, предлагаются меры виктимологической профилактики.

Ключевые слова: *виктимологическая профилактика, уличная преступность, время и место совершения преступления, жертва уличной преступности.*

Совершению уличных преступлений способствуют, с одной стороны, факторы, не зависящие от потерпевших, с другой – факторы, связанные с действием или бездействием потерпевших. Практика свидетельствует, что в механизме многих уличных преступлений поведение потерпевших играет не последнюю роль. Достаточно часто потерпевший является как пассивным, так и активным участником совершенного против него преступления.

Ситуации, в которых совершаются уличные преступления, различаются по фактическому содержанию, но имеют определенное сходство в отношении начального момента преступления, связанного с поведением жертвы.

Уже не один век ученые-криминологи изучают преступность, стараясь понять ее и найти способы ее предотвращения. На основе многочисленных исследований был сделан очень важный вывод: во многих случаях жертва преступления в немалой степени способствовала его совершению. Уличный преступник и его потенциальная жертва существуют в пространстве изолированно друг от друга, и для того чтобы они встретились, необходимо сочетание двух факторов – времени и места.

В данной статье мы рассмотрим такие виктимологические составляющие уличной преступности, как время совершения уличного преступления, место совершения уличного преступления, предкриминальная ситуация уличного преступления, лич-

ность потерпевшего от уличного преступления, а также основные направления виктимологической профилактики уличных преступлений.

Одной из важных виктимологических характеристик уличных преступлений является время их совершения. Статистика преступлений позволяет делать однозначные выводы о том, что количество уличных преступлений, таких как грабеж, разбойное нападение, изнасилование, нанесение телесных повреждений и хулиганские действия, напрямую зависит от времени суток. Наименьшее число преступлений совершается в утреннее время, чуть больше – в дневное, а пик приходится на вечер и ночь. Это можно объяснить тем, что, во-первых, вечером количество потенциальных жертв, возвращающихся домой, или вышедших на улицу в поисках развлечений, или отправившихся в магазин за покупками, несоизмеримо больше. Во-вторых, вероятнее всего, что содержимое карманов и кошельков жертвы в вечернее время окажется намного богаче, чем в утреннее. Естественно, ведь утром человек отправляется на работу или по делам, а вечером, наоборот, несет домой честно заработанное или приобретенное. Наконец, в-третьих, вечерний сумрак или ночная темнота издавна считаются временем уличных преступников. Кроме того, менее вероятно, что у преступления окажутся ненужные свидетели, да и сама жертва сумеет разглядеть нападавших. К тому же человек подсознательно испытывает страх перед

темнотой, как перед чем-то непонятным и таинственным, в результате этого «моральный дух» существенно падает.

Проведенный криминологический анализ времени совершения уличных преступлений в Тюменской области показал, что наибольшее количество преступлений данного вида совершается в период от 24 до 3 ч. В среднем в этот временной период совершается 1 798,3 преступления в месяц. На втором месте по времени совершения уличных посягательств временной период с 19 до 21 ч – 963,5 преступления. И на третьем месте временной период с 22 до 24 ч – 927,2 преступления. Таким образом, наиболее велика вероятность стать жертвой уличного преступления в Тюменской области с 19 до 3 ч ночи. Следует отметить, что именно в эти часы (с 19 до 3 ч ночи) осуществляется интенсивная продажа и потребление спиртных напитков. Данный отрезок времени можно с уверенностью назвать пиковым, поскольку именно на него приходится основная часть межличностных контактов в сфере уличного пространства. Данное обстоятельство связано с наличием у большинства граждан области свободного от работы времени. Распределение совершения уличных преступлений по времени в Тюменской области представлено в таблице 1.

Таблица 1
Время совершения уличного преступления

Год Время суток	0-3 ч	4-8 ч	9-12 ч	13-15 ч	16-18 ч	19-21 ч	22-24 ч
2000	524	184	191	312	387	458	351
2001	901	232	261	356	383	527	494
2002	1061	287	181	226	342	501	489
2003	1514	236	213	270	364	550	635
2004	1225	368	213	347	438	692	639
2005	2410	714	592	934	1088	1345	1280
2006	3090	1132	924	1145	1366	1719	1688
2007	3121	1187	811	972	1238	1598	1585
2008	2297	1198	707	853	1042	1251	1257
2009	1840	1571	884	787	901	994	854
Всего	17983	7109	4977	6202	7549	9635	9272

Следующий виктимологически значимый признак уличной преступности – это место совершения уличного преступле-

ния. Следует заметить, что на центральных площадях, главных улицах и проспектах преступления совершаются редко. Данный факт можно объяснить тем, что любой преступник окажется в радиусе действия систем видеонаблюдения или на виду у многочисленных очевидцев. Последние могут оказаться не просто сторонними наблюдателями уличного преступления, а помощниками в «обезвреживании уличного преступника» и препровождении его в орган внутренних дел. Фактор анонимности уличных социальных воздействий, в том числе криминологических, влияет и на поведение очевидца совершенного уличного преступления. Как показывают исследования, от поведения очевидцев правонарушения во многом зависит степень перерастания конфликтных ситуаций на улицах в преступление [1].

Уличный преступник предпочитает пустынные, слабоосвещенные места. Данные места характеризуются тем, что зачастую нет «ненужных глаз» и жертва уличного посягательства будет поговорчивее, не рассчитывая на помощь очевидцев или сотрудников правоохранительных органов. Следовательно, злоумышленники поджидают своих жертв в проходных дворах, пустынных парках, темных подъездах и других «зловещих местах». Таким образом, стать потенциальной жертвой уличного преступника может всякий, кто любит сокращать свой путь и ходит не по центральным улицам. Кроме того, следует обратить внимание на «злачные места», где, несмотря на обилие народа, преступления совершаются весьма часто. Речь идет о различных увеселительных и «питейных» заведениях: дискотеках, барах и других местах отдыха молодежи и криминально настроенных субъектов. Посторонний человек, случайно оказавшийся в таком месте или проходящий мимо, рискует стать жертвой уличного преступника.

По данным ГУВД по Тюменской области, более 20 % всех преступлений совершается на улицах. На вопрос о том, в каких общественных местах наиболее велика опасность стать жертвой уличного преступления, командир отдельного батальо-

на патрульно-постовой службы милиции при ГУВД по Тюменской области подполковник милиции О.В. Малинин пояснил: «Во-первых, угрозу несет общественный транспорт (автобусы, троллейбусы, маршрутки), там чаще всего крадут вещи из карманов, разрезают сумки, пакеты. Чтобы не допустить кражу, нужно быть бдительным, следить за сумками, а ценные вещи в карманах не носить. Ведь уличные кражи, грабежи и разбои по-прежнему преобладают среди часто совершаемых преступлений.

Во-вторых, опасность представляют площади у торговых центров, где в основном орудуют барсеточники. Для того чтобы отвлечь внимание жертвы, они прокалывают колесо автомобиля. Пока человек занят своим «железным конем», воришки незаметно вытаскивают из машины все более или менее ценные вещи, нередко люди остаются и без совершенных несколько минут назад покупок. В качестве положительного опыта можно отметить, что многие площади у торговых центров сейчас оснащены системами видеонаблюдения (всего на улицах и площадях нашего города установлено 220 камер видеонаблюдения). Они оказывают существенную помощь при раскрытии данного вида преступлений» [2].

На центральных и иных оживленных улицах областного центра можно увидеть милицейские патрули с собаками. Однако на безлюдных окраинах Тюмени и городов Тюменской области такой патруль встречается редко.

По приезду в областной центр или его районы граждане с криминальным прошлым, незаконные мигранты, как правило, размещаются преимущественно в бараках, общежитиях, пансионатах и частном секторе (в основном это неблагополучные районы). Именно в этих районах обычным явлением становятся групповые пьянки, после которых и совершаются уличные преступления.

Согласно статистике ГУВД, лидером по числу преступлений является самый большой административный округ – Ленинский, за ним идет Центральный, замыкает список Калининский административный округ. Но следует учитывать тот факт,

что далеко не каждый потерпевший обращается в правоохранительные органы.

Среди жителей областного центра «дурной славой» пользуются такие районы, как Лесобаза, Мыс и «Нахаловка» (ММС), «Тайвань» (район ДОК). Преступлений здесь регистрируется меньше, чем в центре, но даже сотрудники органов внутренних дел не рискуют здесь появляться без особой нужды. Первый и Второй заречные микро-районы, а также п. Парфеново в народе называют «поселками цыганской бедноты».

Представляют определенную опасность и места массовых гуляний. Причем находиться в толпе относительно безвредно для здоровья и кошелька, а вот по дороге домой следует быть внимательнее и лучше всего воспользоваться такси. В дни, точнее, ночи футбольно-хоккейных побед под окнами каждого дома не утихают счастливые крики фанатов. Необходимо отметить, что в Тюмени серьезных эксцессов с участием фанатов не наблюдалось. Однако, например, автосалоны, не желая рисковать, «очищают» свои парковки в период проведения матчей.

Чаще всего преступников привлекают сотовые телефоны. В Тюмени даже есть целые банды, которые специализируются на кражах этой аппаратуры. Иногда мобильный телефон вырывают прямо из рук, иногда, чтобы присвоить себе телефон, просят жертву на время предоставить телефон в свое распоряжение, якобы для звонка. Тех, кто помоложе и послабее, запугивают, отбирают мобильные силой.

По словам сотрудников органов внутренних дел, зачастую грабежи сотовых телефонов у подростков происходят неподалеку от учебных заведений. Кроме этого, криминогенными местами являются площади и бульвары, где собираются подростки после занятий в школе и других учебных заведениях.

Помимо времени и места, есть еще один очень важный фактор – психологический настрой человека. Ученые доказали, что страх перед нападением привлекает хищника к жертве. У людей действуют похожие биологические механизмы. Практика показывает: у человека неуверенного в

себе, испуганного и тревожного постоянно случаются какие-то неприятности, словно он их притягивает, так как ведет себя, как классическая жертва. Выдающийся американский специалист в данной области профессор Бетти Грейсон путем серии исследований показала, что преступнику требуется в среднем семь секунд для визуальной оценки потенциального объекта для нападения – его физической подготовки, темперамента и тому подобного. Точно, хотя и бессознательно, преступник отмечает все: неуверенность взгляда, вялую осанку, несмелость движений, психическую подавленность, физические недостатки, утомление и т.п. Чтобы выделить и классифицировать основные личностные особенности потенциальной жертвы, Грейсон засняла на видеопленку пешеходов, принадлежащих к разным возрастным и социальным группам. Запись была продемонстрирована заключенным, отбывающим срок в различных тюрьмах США. Предположения исследователя подтвердились: подавляющее большинство осужденных, которые были опрошены по отдельности, выбрали из массы одних и тех же людей, которые, по их мнению, могли бы стать легкой добычей. Если человек обращает на себя внимание, выделяется из толпы своей неуверенностью и со страхом смотрит по сторонам, то, скорее всего, его ждут неприятности. Аналогичные исследования в данном направлении проводились и российскими учеными [3].

По мнению командира отдельного батальона патрульно-постовой службы милиции при ГУВД по Тюменской области подполковника милиции О.В. Малинина, «...зачастую жертвы преступления сами привлекают внимание к своим дорогостоящим аппаратам: они разговаривают по телефону на улице, слушают музыку, тем самым демонстрируя свои дорогие игрушки». Чаще всего жертвами преступлений становятся граждане, находящиеся в нетрезвом состоянии. У них притуплена реакция, они не могут отреагировать должным образом на ситуацию, зачастую напиваются до такого состояния, что не могут вспомнить даже своего имени, не говоря уже о приметах преступника и месте совершения преступ-

ления. Если преступник видит, что человек пьян и не может оказать сопротивление, то он может спокойно подойти и обыскать его карманы. Не редки случаи, когда подвыпившие граждане просто засыпают на остановках, а это чревато тем, что можно остаться без документов, денег и телефона и даже лишиться собственной жизни [2].

Одной из характерных особенностей уличной преступности является применение физического насилия против личности, а зачастую и применение огнестрельного, холодного, травматического оружия, колюще-режущих предметов и т.п.

Как правило, преступлению предшествует некая совокупность внешних обстоятельств, взаимосвязанных с личными качествами субъекта, совершившего преступление, так называемая предкриминальная ситуация [4].

При исследовании социальных отношений, складывающихся в условиях уличной среды, и их взаимосвязи, а также криминальных факторов, способствующих формированию индивидуального преступного поведения в сфере уличного пространства, важно проанализировать и такой структурный элемент уличной среды, каким являются отношения «преступник – жертва». Потерпевший и преступник фигурируют в социальных процессах возникновения преступности и контроля за ней как субъекты, которые взаимно определяют и интерпретируют себя и свои действия.

29 декабря 2005 г. генеральным прокурором, министром по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, министром экономического развития и торговли, директором Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, министром внутренних дел, министром юстиции и директором Федеральной службы безопасности был подписан приказ «О едином учете преступлений», который введен в действие с 1 января 2006 г. Он включает Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, Инструкцию о

порядке заполнения и представления учетных документов и восемь форм статистических карточек, в том числе: форму № 4 – статистическая карточка о результатах возмещения материального ущерба и изъятии предметов преступной деятельности и форму № 5 – о потерпевшем (которая действует с 1 июля 2006 г.). Данная статистическая карточка (о потерпевшем) введена впервые. В ней отражаются: квалификация преступления, характеристика потерпевшего (погиб, тяжесть причиненного физического вреда здоровью, а также возраст потерпевшего, состояние опьянения, отношение к преступнику и др.), материальный ущерб, социальное положение, должностное положение, гражданство, страна проживания, цель приезда, форма собственности потерпевшего – юридического лица, место совершения преступления и т.д.

По верному замечанию В.В. Лунеева, есть и странное указание: учету подлежат сведения о физических и юридических лицах, признанных в установленном законом порядке потерпевшими; о физических лицах, смерть которых наступила в результате совершенных в отношении их преступлений до момента вынесения постановления о признании их потерпевшими. Учитывается только непосредственный физический и материальный вред. Не учитываются все остальные виды и формы причиняемого вреда. Учету не подлежат сведения о близких родственниках, законно признанных потерпевшими по уголовному делу о преступлениях, последствиями которых явилась смерть лица. Более того, сведения о потерпевших остаются в информационных центрах регионов и в центр (ГИАЦ МВД РФ) в виде отчетов не высылаются. Через три года данные из электронных систем региональных ИЦ удаляются. Никаких накопительных систем нет. Данная система урезана и не дает полной информации обо всех жертвах преступлений по стране, поскольку все данные остаются в регионах. Но даже в регионах их нельзя изучать в динамике более трех лет [5]. Вышесказанное в достаточной мере свидетельствует о наличии серьезных проблем в учете, регистрации, получении и хранении криминологической и виктимоло-

гической информации о потерпевших (жертвах) уличных преступлений.

Одним из наиболее важных элементов ситуации, которые влияют на возникновение и последствия уличного преступления, является наличие или отсутствие соучастников преступного посягательства, а также присутствие или отсутствие очевидцев уличного преступления и характер их поведения. Изучение уголовных дел и анализ статистической отчетности Информационного центра ГУВД по Тюменской области позволили получить следующие данные о потерпевших в результате совершения уличных преступлений в Тюменской области (табл. 2).

Таблица 2

**Категории лиц,
ставших жертвами уличных
преступлений в Тюменской области**

	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Малолетний	42	21	28	33	83
Несовершеннолетний	209	151	226	268	997
Пожилой	120	65	61	53	188
Женщина	1115	809	1329	1650	3969
Бомж	7	12	5	8	15
Пассажир	3	2	1	—	3
Лицо, находящееся в состоянии алкогольного опьянения	75	78	99	64	185
Иностранец	8	15	23	36	52
	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	Всего
Малолетний	139	163	162	111	782
Несовершеннолетний	1112	827	664	471	4925
Пожилой	401	430	428	391	2137
Женщина	5854	5518	4632	3980	28856
Бомж	19	7	6	5	84
Пассажир	5	6	16	4	40
Лицо, находящееся в состоянии алкогольного опьянения	273	322	166	117	1379
Иностранец	132	172	144	118	700

В ходе исследования было установлено что наиболее подвержены стать жертвами уличных преступлений следующие категории: женщины (74 %), несовершеннолетние (13 %), пожилые (5 %), а также лица, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения (4 %).

При всем многообразии специфических свойств жертв уличных преступлений

представляются важными особенностями, касающиеся поведения потерпевших. В зависимости от видов поведения потерпевших в условиях уличного пространства предлагаем следующую типологию жертв уличных преступлений:

– «активная жертва». Ее поведение непосредственно направлено на противодействие правонарушителю. В результате данного противодействия жертве причиняется различный физический и имущественный вред;

– «безразличная жертва». Характеризуется тем, что ее поведение и действия не находятся в причинной связи с совершением уличного преступления, ее поведение не было негативным и никоим образом не вызывало преступные действия. Лицам данной категории, как правило, причиняется минимальный вред в связи с их бездействием. Кроме того, к данной категории необходимо относить пассивное поведение, то есть такое поведение, когда жертва, проявляя полную покорность и неосмотрительность, не пытается физически противостоять или сопротивляться преступнику. Этим лицам чаще всего причиняется моральный и материальный вред;

– «аморальная жертва». Характеризуется поведением, которое провоцирует противоправные действия или создает условия, способствующие их совершению (к данной категории следует относить лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения);

– «агрессивная жертва». Характеризуется решительными действиями по отношению к уличному преступнику. Для потерпевших данной категории характерно намерение создания конфликтных ситуаций, что влечет причинение им наибольшего, чаще всего физического вреда [6].

Пропаганда виктимологических знаний всегда составляет одно из центральных звеньев системы социальной виктимологической профилактики. Эта пропаганда может как охватывать все слои общества (при использовании современных технологий социальной рекламы), так и быть обращенной к отдельному индивиду в ходе индивидуальной профилактической работы.

Именно здесь наиболее эффективной является дифференциация профилактической деятельности с учетом характера и степени виктимизации социальных страт, с учетом вида преступлений, в отношении которых представители данной страты являются наиболее уязвимыми, а также с учетом выбора оптимального канала восприятия, который может различаться для разных страт. Субъектами виктимологической пропаганды являются как общественные объединения, так и государственные структуры, прежде всего правоохранительные органы [7].

По нашему мнению, одним из наиболее приоритетных направлений виктимологической профилактики уличной преступности является использование ресурсов Интернета. Интернет-сообщество уже неоднократно проявляло себя как реальный инструмент решения проблем общества. Так, в 2011 г. в интернет-пространстве появился сайт, разоблачающий подпольные игорные заведения. Цель данного проекта, как сообщают создатели сайта, – выявить казино, которые маскируются под интернет-клубы или магазины электронных товаров, и добиться их закрытия. Интернет-ресурс «Где казино» [8] снабжен картами городов, на которых обозначены подобные заведения, указываются адреса и размещены фотографии. Всякий желающий может пополнить этот список, связавшись с создателями сайта. Данный сайт был создан в Саратове, но в дальнейшем его география значительно расширилась.

Следует сказать о том, что в настоящее время назрела необходимость в разработке конкретных мер и рекомендаций по виктимологической профилактике уличных преступлений.

С.М. Иншаков обобщил некоторые виктимологические рекомендации по оптимальному поведению в экстремальных ситуациях и наиболее распространенные из них предложил в одной из своих работ:

– избегать появления в малолюдных местах и вообще не появляться на улице в позднее время;

– в опасной ситуации женщинам предлагается больше доверять своей интуиции, следует бежать прочь, увидев по-

дозрительного мужчину. Не рекомендуется постепенно ускорять шаг. Психологически необходимо настраивать себя на решительные действия. Внутренняя решительность и уверенность в себе проявляются во внешности, осанке, походке. Нередко этих внешних признаков достаточно, чтобы преступник отказался от нападения;

– так же решительно следует вести себя и в момент нападения.

В большинстве случаев отпор удивляет нападающих, привыкших видеть испуганных жертв. Громкие крики, попытка отбиться, исцарапать и даже укусить нападающего повышают шансы жертвы выйти из создавшейся ситуации с меньшими потерями;

– нежелательно использовать средства самозащиты (газовый баллончик, пистолет), если нет уверенности в их исправности и эффективности газа. Неудачная попытка использовать их значительно повышает агрессивность нападающих;

– перед применением оружия или иных средств самозащиты преступнику можно предложить деньги, передать сумку или кошелек. Это отвлечет его и позволит использовать эффект неожиданности в контратаке;

– одним из приемлемых (но труднодостижимых) способов самозащиты является попытка установления эмоционального контакта с нападающим. Можно попытаться разжалобить его ссылкой на больных родственников, детей, собственную тяжелую болезнь (в том числе венерическую);

– если пресечь нападение не удалось, следует выполнить все требования напавшего и при этом попытаться запомнить его внешность (черты лица, фигуру, одежду, особые приметы);

– при поездках по незнакомому городу не следует одеваться в яркую и привлекательную одежду. Женщинам следует держать ценные вещи не в сумочке, а в карманах платья. Мужчинам следует носить такой галстук, от которого можно легко освободиться, если преступник неожиданно схватится за него;

– ходить пешком по незнакомому городу нужно всегда целеустремленно, целе-

направленно. Не следует блуждать по улицам без определенной цели. Это привлекает внимание преступников [9].

Основной объем виктимологической профилактики уличной преступности, осуществляемой органами внутренних дел, выполняет служба участковых уполномоченных. В числе приоритетных форм и методов общей виктимологической профилактики уличной преступности участковыми уполномоченными должны быть:

1) изготовление и распространение на закрепленной территории специальных памяток-предостережений о способах защиты от уличного преступника;

2) оповещение граждан через средства массовой информации об имеющихся на участке фактах совершения уличных преступлений, типичных действиях преступников, а также об алгоритме действий граждан в различных криминальных ситуациях на улицах и в других общественных местах;

3) разъяснение законодательных норм, регламентирующих правомерное применение оружия в порядке самообороны;

4) привлечение внимания жителей микрорайонов, включая собственников из числа предпринимателей, к необходимости принимать меры по обеспечению личной безопасности, охране жилищ, хранилищ ценностей, транспортных средств и другого имущества;

5) принятие мер по надлежащему освещению улиц в микрорайоне, подъездов домов и других общественных мест;

6) организация несения службы патрульно-постовых нарядов в местах, наиболее удобных для совершения уличных преступлений;

7) проведение целевых бесед в образовательных учреждениях со школьниками, студентами, педагогами, а также по месту жительства с родителями о возможных вариантах поведения подростков при совершении в отношении их уличных преступлений;

8) проведение бесед по месту жительства с престарелыми и инвалидами, а также занятий с кассирами, инкассаторами, работниками частных охранных пред-

приятий и других учреждений, социальное положение и профессиональная деятельность которых вызывает повышенный интерес для уличных преступников.

Проведенный анализ показывает, что большинство уличных преступлений в Тюменской области происходит в городах. Наиболее часто данные преступления совершаются с целью завладения личным имуществом граждан на улицах и площадях, в парках и скверах. Уличные преступления, совершенные группой лиц, чаще всего происходят в неосвещенных дворах, парках скверах.

Учитывая изложенное, сотрудникам органов внутренних дел следует принимать все необходимые меры для наиболее полного восстановления картины происшедшего, прежде всего – установления примет преступника, в ходе виктимологической профилактики настойчиво ориентировать граждан на возможно более быстрое оповещение сотрудников органов внутренних дел о совершенных в отношении их уличных преступлениях.

Изученные в ходе исследования обстоятельства виктимологического характера уличной преступности в Тюменской области являются основанием для виктимологической профилактики данного вида преступности. При этом профилактические меры могут носить:

1. Общесоциальный характер: образовательный, воспитательный (в отношении малолетних и несовершеннолетних, учащихся и студентов, по месту учебы, работы и в микрорайонах по месту жительства). Данные мероприятия могут реализовываться в ходе учебного процесса в виде отдельных занятий или дисциплин по основам безопасности жизнедеятельности. Одной из наиболее важных в данном направлении должна стать работа местных органов власти по борьбе с алкоголизмом и наркоманией, организацией доступных (в ценовом плане, т.е. доступных для каждого жителя области) общественных организаций и учреждений культуры, спорта и досуга. Кроме того, вероятность предотвращения уличного преступления может быть повышена путем контроля за органи-

зацией уличного пространства, например с помощью улучшения освещенности улиц, дворов, парков и т.д., поскольку «освещенность улиц и дворовых территорий – один из резервов профилактики уличных правонарушений» [10]. Данные мероприятия могут быть также направлены на установку (и контроль наличия) номеров и названий улиц на каждом доме населенного пункта.

2. Организационный характер виктимологической профилактики должен быть связан с патрулированием улиц населенного пункта сотрудниками патрульно-постовой службы (с использованием служебных собак в районах с наиболее сложной криминогенной обстановкой), установкой систем видеонаблюдения, кнопок экстренного вызова сотрудников правоохранительных органов в рамках реализации программы «Безопасный город», введением практики применения патрулей на велосипедах в местах, где движение на автомобиле затруднено (данная практика хорошо себя зарекомендовала в Нижегородской области).

С учетом вышеуказанных рекомендаций, которые успешно реализуются в других регионах России, считаем необходимым разработать и внедрить специальные инструкции, направленные на предотвращение уличных преступлений в Тюменской области. Данные инструкции, с учетом имеющихся сведений о жертвах уличных посягательствах, должны распространяться среди представителей наиболее подверженного такому риску контингента (женщинам, несовершеннолетним, пожилым людям, приезжим гражданам). В ходе исследования было установлено, что жертвами уличных преступлений в Тюменской области чаще всего становятся женщины (74 %). В целях предотвращения уличных преступлений в отношении данной категории лиц предприятиям, учреждениям и организациям необходимо организовать служебную развозку своих работников к месту их проживания (в том числе тех, кто возвращается после смены в вечерние и ночные часы).

При разработке инструкций необходимо учесть специфических особенностей региона и состояния уличной преступности в нем. В инструкциях необходимо указать

места нахождения систем видеонаблюдения и тревожных кнопок «гражданин – полиция» и мест расположения пунктов полиции в районах города. Таким образом, знание характера виктимности дает возможность организовать целенаправленные профилактические мероприятия.

1. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1995. 512 с.

2. Как не променять телефон на жизнь: интервью с командиром ОБППСМ при ГУВД О.В. Малиным [Электронный ресурс]. URL: http://www.guvd72.ru/index.php?module_name=news&action=show_full&id=363 (дата обращения: 20 сент. 2009 г.).

3. Мошкин В. Семь секунд – и вы жертва // Основы безопасности жизнедеятельности. 2004. № 5. С. 15-19.

4. Алексеев А.И., Сахаров А.Б. Причины преступлений и их устранение органами внутренних дел. М., 1982. 48 с.

5. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. М.: Юрайт, 2011. Т. 1: Общая часть. 1003 с.

6. Золотухин С.Н., Михайлов К.В. Уличная насильственная преступность: понятие, криминологическая характеристика и виктимологические аспекты предупреждения: учеб. пособие. Челябинск, 2006. 106 с.

7. Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С.Я. Лебедева. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 191 с.

8. Где казино [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gdecasino.ru> (дата обращения: 23 дек. 2010 г.).

9. Иншаков С.М. Криминология. М., 2000. 432 с.

10. Шмаренков М.В. Криминологический аспект уличной преступности в мегаполисах: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 155 с.

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

ТАМОЖЕННАЯ СЛУЖБА НА ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Г.В. Матвиенко

(профессор кафедры финансового права Российской академии правосудия, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва; 8 (495) 332-52-42)

В статье проанализированы некоторые проблемы обеспечения национальной безопасности, обусловленные несовершенством нормативной правовой базы Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Автор обращается к проблеме квалификации контрабандного перемещения товаров, в том числе особо опасных грузов, и предлагает варианты ее решения с учетом образования единого таможенного пространства.

Ключевые слова: национальная безопасность, таможенный союз, таможенный процесс, контроль и надзор, контрабанда.

Национальная безопасность определяется в научной литературе неоднозначно. В политической и правовой науке наметилась тенденция исследования данного понятия не только в связи с количественной оценкой эффективности деятельности соответствующих структур, но и с качественной стороны жизни общества, индивида, обусловленной стабильностью работы правоохранительной системы в целом [1, с. 50-51]. Авторы анализируют национальную безопасность с точки зрения незыблемости государственного устройства, уровня правовой культуры [2, с. 14] и даже с позиции системы ценностей, существующих в социуме и являющихся гарантом его стабильности [3, с. 10].

Социология рассматривает безопасность в трех аспектах:

1) в *структурном аспекте* – как систему жизненно важных интересов и их субъектов (носителей отношений); угроз им, обусловленных различными факторами, процессами и действиями; субъектов (носителей) угроз;

2) как *состояние*, характеризуемое степенью достижения наибольшего соответствия (сбалансированности) между жизненно важными интересами личности, общества и государства, создания условий для оптимального функционирования системы общественных отношений, обеспе-

чивающей удовлетворение потребностей и реализацию интересов;

3) как *процесс*, т.е. в *функциональном плане*. Безопасность тождественна понятию «обеспечение безопасности» и рассматривается как процесс достижения единства жизненно важных интересов; выявления и предупреждения угроз им; противодействия субъектам угроз [4].

Представляется, что самым близким к деятельности таможенных органов является третий вариант определения «национальной безопасности» в функциональном плане. Таможенная служба испокон веков занималась охраной границ и борьбой с контрабандным перемещением товаров. Не случайно до 1893 г. Пограничная стража находилась в ведении Департамента внешней торговли, а затем и Департамента таможенных сборов Министерства финансов [5, с. 30-50; 6, с. 60-76].

И в современный период деятельность таможенных органов, независимо от ее направленности, перманентно нацелена на защиту государственных интересов, и даже задача создания благоприятных условий для развития внешней торговли подразумевает некую государственную волю, контроль за внешней торговлей в целях обеспечения национальной безопасности.

Легальное определение рассматриваемого понятия содержит Стратегия наци-

ональной безопасности, в которой данная категория раскрыта как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [7].

Таможенное законодательство нацелено, несомненно, не только на поддержание экономической стабильности государства, но и на защиту суверенитета в целом.

Правила таможенного оформления, производства таможенного обложения и таможенного контроля, правила таможенных процедур, образующие таможенный процесс, правовой режим осуществления контрольно-надзорной деятельности таможенных органов, реализуемой в рамках общегосударственных функций управления, – создают заслон на пути движения нежелательных для государства грузов.

Национальная безопасность *обеспечивается* производством таможенного процесса в нескольких направлениях: экономическая – посредством установления единых правил таможенно-тарифного регулирования, унифицированных в национальных законах правил взимания налогов и сборов при перемещении через таможенную границу Таможенного союза; защита обороноспособности и территориальной целостности частично обеспечивается посредством производства таможенного оформления и контроля, а также установления общего для всех участников таможенных отношений таможенного режима, предполагающего соблюдение установленных законодательством запретов и ограничений.

Таможенный процесс есть часть контрольно-надзорной деятельности таможенных органов, он «вложен» в систему юридического процесса, обслуживающего перемещение товаров и транспортных средств в целом. Юридический процесс в таможенной сфере представлен такими административными производствами и процедурами, как: подзаконное нормотворчество, производство по организации

деятельности таможенных органов, дисциплинарное производство, лицензионно-разрешительная деятельность, производство по рассмотрению обращений и жалоб на действия таможенных органов, производство по применению мер административного принуждения и по делам об административных правонарушениях.

Являясь органами дознания, таможенные органы участвуют в производстве по уголовным делам о контрабанде и иных преступлениях в таможенной сфере.

Осуществляя финансовую деятельность, таможенная администрация как участник бюджетного процесса пополняет казну государства.

Таможенная служба активно сотрудничает с правоохранительными органами зарубежных стран, что свидетельствует о ее «включении» в глобальную систему международного контроля, нацеленного на борьбу с контрабандой, иными преступлениями и правонарушениями в таможенной сфере.

Итак, вся деятельность таможенных органов, имеющая процедурно-процессуальный характер, изначально нацелена на обеспечение национальной безопасности. В связи с этим таможенной администрацией применяются разнообразные способы ее защиты, самым важным из которых является система контроля и надзора.

Анализ положения о Федеральной таможенной службе (далее – ФТС России) [6], а также полномочий таможенных органов, закрепленных в Законе о таможенном регулировании [9, гл. 2], позволяет утверждать, что государственная функция по контролю и надзору проявляется не только в случае реализации таможенной администрацией полномочий, прямо корреспондирующих ей, но и при исполнении иных государственных функций управления: функции агента валютного контроля, в борьбе с правонарушениями и преступлениями в таможенной сфере.

Контрольно-надзорные полномочия таможенных органов как субъектов юридической деятельности проявляются в применении различных видов и способов государственного контроля, в установленной законом процедурной или процессуальной

форме, в целях реализации публичных функций управления. Последние направлены в основном на защиту национальных интересов: пополнение бюджета, защиту интересов национального производителя посредством проверки соблюдения нетарифных мер (экономическая составляющая безопасности), обеспечение законности и безопасности перемещения товаров.

Образование единого таможенного пространства привело к изменениям в отношении государств – участников Союза к национальной безопасности. Следует заметить, что этот вопрос был самым острым при обсуждении проблем, связанных с реализацией ряда соглашений, формирующих правовую базу единой таможенной территории.

Предпринята попытка образовать *межгосударственную модель единого контроля на внешних границах Таможенного союза*, которая базируется на системе управления рисками, оперативном обмене информацией, совместном проведении проверок и т.д. Однако сложившийся межгосударственный механизм контроля и надзора, как показывает опыт, не всегда «работает» эффективно.

Причин здесь, на наш взгляд, две. Первая – *общечеловеческий фактор*, который следует учитывать и на геополитическом уровне. Скептики утверждают: вряд ли можно рассчитывать на реальную заинтересованность стран – участниц Союза в обеспечении национальных интересов соседнего государства. Заинтересованность возможна в территориальной целостности и решении вопросов общей безопасности (борьба с терроризмом, контрабандой «живым товаром»). Таможенный союз образован в целях решения общеэкономических задач, однако проблема решения национальных задач по-прежнему лежит на плечах правительств государств-участниц.

Вторая причина – *несовершенство нормативной правовой базы*. В связи с этим особое внимание следует уделить некоторым аспектам *реализации отдельных международных актов*, принятых в рамках Союза и вызывающих серьезные опасения в области национальной безопасности.

В Таможенном союзе нормативно установлены единые правила таможенно-тарифного регулирования, порядка определения таможенной стоимости, действует Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, Таможенный тариф, введены общие правила распределения сумм таможенных пошлин, налогов и иных платежей, имеющих эквивалентное значение между странами – участницами Союза, а также приняты другие акты.

Унификация таможенного регулирования предполагает не только установление общих правил таможенной очистки товара (таможенного оформления) в целях упрощения таможенных формальностей, но и создание системы «двойного заслона» на пути контрабандной продукции. В связи с этим применяются общие правила осуществления таможенного и иных видов государственного контроля на внешних границах Союза.

Между тем единство таможенной территории не исключает решения национальных проблем, связанных с поддержанием отечественного производства, интересов отдельных отраслей экономики. Об этом свидетельствует, например, право установления вывозных таможенных пошлин по усмотрению стороны, право введения тарифных квот, исходя из национальных интересов и по согласованию с другими сторонами по мотивированным основаниям, а также другие нормы Союза.

На национальном уровне регулируются вопросы налогообложения ввозимых товаров, вопросы утверждения видов, ставок и порядка взимания таможенных сборов. Разница в таких платежах, в случае уплаты идентичных сумм при выпуске товара в свободное обращение на территории соседнего союзного государства, подлежит перечислению в бюджет той страны, где он реально находится [10; 11].

Но для того чтобы произвести доначисление сумм, таможня должна обладать возможностью проверить документы о таможенной «очистке» на территории соседнего государства.

В рамках Таможенного союза предпринята попытка на международном уровне

не решить вопросы «позитивного» регулирования и применения, приняты нормы, «обслуживающие» законное перемещение товаров и транспортных средств международной перевозки через общую таможенную границу. В задачи Союза не входит решение глобальных проблем безопасности, в связи с этим большая часть юрисдикционной деятельности таможенных органов регламентирована на национальном уровне. Это относится к осуществлению дознания, неотложных следственных действий, к порядку производства по делам о нарушениях таможенных правил. Национальными законами установлены также виды составов преступлений и правонарушений в таможенной сфере.

В настоящее время Государственная Дума рассматривает проекты изменений в КоАП РФ и УК РФ в части совершенствования норм об уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства. Очевидно, что процесс этот несколько затянулся.

Итак, вернемся к обозначенной выше проблеме реализации контрольно-надзорных полномочий.

Представим довольно типичную ситуацию: груз из Казахстана задержан на Государственной границе, например в пункте пропуска в поселке Озинки Саратовской области. Следует отметить, что Республика Казахстан на основании специального Протокола [12] пользуется изъятиями в отношении 409 товарных позиций из Единого таможенного тарифа в части обложения ввозными таможенными пошлинами. В связи с этим таможенный контроль за такими товарами сохраняется на границе между Россией и Казахстаном. Названные товары подлежат декларированию в случае, если ставки таможенных пошлин отличаются от установленных в Едином таможенном тарифе (ст. 3 Протокола), либо на территории страны ввоза установлены более высокие ставки антидемпинговых, компенсационных или специальных защитных пошлин, чем в стране выпуска (ст. 2 Протокола).

Вправе ли таможня на государственной границе между Россией и Казахстаном проверить такой груз?

По данному вопросу есть отдельное разъяснение Комиссии Таможенного союза, решения которой являются общеобязательными и приравнены к законодательству Таможенного союза [13, ст. 3].

В решении Комиссии Таможенного союза указано: «В целях исполнения таможенного законодательства Таможенного союза, Протокола об отдельных временных изъятиях из режима функционирования единой таможенной территории Таможенного союза от 5 июля 2010 года... решений Межгоссовета ЕврАзЭС (высшего органа Таможенного союза) при перемещении товаров через внутренние границы государств – членов Таможенного союза:

– ввозимые товары, указанные в статье Протокола об изъятиях, подлежат *таможенному декларированию и таможенному контролю* в случаях, указанных в данной статье Протокола об изъятиях;

– установление товаров, подлежащих таможенному декларированию в соответствии со ст. 2 Протокола об изъятиях, осуществлять на *основании заявления лица*, перемещающего товары, и (или) на основе выборочного (визуального) контроля» (курсив наш. – Г.М.) [14, п. 2].

Следовательно, в случае разницы в ставках ввозных таможенных пошлин товар декларируется обязательно, а в ситуации применения иного размера ставок антидемпинговых, специальных защитных и компенсационных пошлин перечень товаров, подлежащих декларированию, определяется по заявлению декларанта. Что означает выборочный визуальный контроль? Осмотр товара. И как здесь обеспечивать соблюдение антидемпингового законодательства?

Однако через государственную границу на территорию России могут перемещаться и иные товары, выпущенные в свободное обращение в другом государстве Союза.

Вправе ли таможня на внутренней границе, например в п. Озинки, осуществлять контрольные мероприятия в отношении таких грузов?

Пункт 1 названного решения Комиссии однозначно указывает: «...по вопро-

сам таможенного декларирования и таможенного контроля на внутренних границах государств – членов Таможенного союза с учетом: признания статуса товаров Таможенного союза, происходящих с территории государств – членов Таможенного союза, а также *товаров, происходящих из третьих стран и выпущенных в свободное обращение на территориях государств – членов Таможенного союза, исключительно на основании наличия стандартных коммерческих и товарно-транспортных документов*» (выделено нами. – Г.М.).

Итак, в рассматриваемой ситуации таможня вправе запросить только коммерческую документацию, например договор купли-продажи, но не таможенные документы, в том числе декларацию на товар с отметкой о выпуске в Казахстане.

А теперь возникает вопрос: если таможня Казахстана не останавливает контрабандный груз, а российские таможенники в поселке Озинки «нечаянно» его обнаруживают, можно ли привлечь к уголовной ответственности за контрабанду перевозчика? Если да, то нормы какой страны будут применяться?

Отдельным договором между странами Союза установлено: «...уголовное дело возбуждается и расследуется по месту совершения преступления, а в случае невозможности определения места совершения преступления – по месту обнаружения преступления» [15, ст. 5].

По действующему российскому законодательству и с учетом образования единого таможенного пространства состав контрабанды отсутствует, поскольку по УК РФ [16, ст. 188] деяние характеризуется незаконным перемещением через таможенную границу Российской Федерации.

Итак, вменить контрабанду в рассматриваемом случае невозможно, а между тем судебная практика почти год сталкивается с такой проблемой: перемещение через границу из Казахстана крупных партий наркотических средств и психотропных веществ влечет наказание только за хранение и сбыт указанных веществ. Иначе квалифицировать деяние не позволяет уголовный закон. Нет таможенной границы – нет состава контра-

банды. И даже выделение в отдельную статью и усиление уголовной ответственности за контрабанду наркотических средств не позволит реально перекрыть мощные наркотрафики. Выход здесь видится один: установить более суровые меры уголовной ответственности за хранение и сбыт наркотиков на территории России по аналогии с санкциями за контрабандное перемещение либо дополнить УК РФ еще одним составом, предусматривающим уголовную ответственность за перемещение не только через таможенную, но и *государственную границу РФ* особых предметов, перечисленных в ч. 2 ст. 188 УК РФ «Контрабанда» действующей редакции (наркотиков, оружия и т.д.). Подобной позиции придерживаются авторы одного из законопроектов. Депутаты предлагают переформулировать норму ч. 2 ст. 188 УК РФ так: «...перемещение через таможенную границу Таможенного союза и (или) Государственную границу Российской Федерации» [17]. Однако согласно Проекту «простая» контрабанда предполагает «незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза» (ч. 1 ст. 188 УК РФ), а значит, решение вышеприведенной задачи с принятием новой редакции УК РФ не изменится.

Очевидно, что в сложившихся условиях интеграции необходима унификация, сближение норм законодательства об ответственности во всех странах Союза. Л.С. Мамут верно отмечает: глобализация и интеграция приводят к образованию мегасистемы, основанной на сочетании и взаимопроникновении нормативных систем разных стран мира. Оформилось «интернационализирующееся “законническое” пространство». Для того чтобы добиться согласованного взаимодействия законодательных систем разного уровня, по мнению ученого, «надо стараться... избегать двух крайностей. С одной стороны, – опоздания, задержки со своевременной, умелой адаптацией к неотвратимо идущим глобализационным процессам, с другой – форсирования адаптации к ним национальной системы законодательства, бездумного опережения, обгона объективного хода этих процессов» [18, с. 6-7]. Представляется, что националь-

ное уголовное законодательство «не дотягивает» в сложившихся условиях до решения главной задачи правоохраны общественных отношений от посягательств извне, не успевает за объективными преобразованиями. В то же время нельзя сбрасывать со счетов роль наднациональных органов Союза, которые вправе «принимать решения без прямого согласия на то заинтересованного государства», в силу особенности своего статуса, «надгосударственного» [19, с. 9] характера осуществляемой деятельности.

Очевидно, что отмена тотального контроля со стороны таможенной администрации является преимуществом номер один для развития бизнеса. Однако пока в полную силу не заработал механизм обеспечения безопасности грузов на внешних таможенных границах Союза, не унифицировано законодательство об административной и уголовной ответственности за нарушения таможенных правил, надеяться на добросовестность участников ВЭД рано. Думается, что решение об отмене на внутренних границах контроля за таможенной документацией, свидетельствующей о факте выпуска иностранного товара в свободное обращение на территории соседнего союзного государства, таможенными органами других государств Союза является поспешным. Не секрет, что такой ввоз может в целом подорвать интересы национального производства, да и переместить опасные предметы в таких грузах не составит труда.

На наш взгляд, повышение эффективности союзного механизма контрольно-надзорной деятельности таможенной администрации, осуществляемой в целях обеспечения национальной безопасности, возможно только на основе совместных усилий, принимаемых на международном и национальном уровне.

1. Мусаелян М.Ф. Транснациональная организованная преступность как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Адвокат. 2010. № 9. С. 50-58.

2. Доровских Е.М. Культура как фактор национальной безопасности: правовые аспекты // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 14-21.

3. Афанасьев А.Н. Системно-ценностный подход к формированию стратегий национальной безопасности США и России (сравнительно-правовой анализ) // Юридический мир. 2010. № 2. С. 10-11.

4. Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Энциклопедия%20социологии/Безопасность%20национальная> (дата обращения: 20 апр. 2011 г.).

5. Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 156 с.

6. Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского. М.: Автор, 1995. 288 с.

7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.

8. О Федеральной таможенной службе: пост. Правительства РФ от 26 июля 2006 г. № 459: ред. от 8 дек. 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 32. Ст. 3569; 2010. № 52 (ч. 1). Ст. 7080.

9. О таможенном регулировании в Российской Федерации: федер. закон от 27 нояб. 2010 г. № 311-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 48. Ст. 6252.

10. Об установлении и применении в Таможенном союзе порядка зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие): соглашение между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией от 20 мая 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 40. Ст. 4990.

11. О ратификации Соглашения об установлении и применении в Таможенном союзе порядка зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие: федер. закон от 27 мая 2010 г. № 230-ФЗ // Рос. газ. 2010. 2 авг.

12. Об отдельных временных изъятиях из режима функционирования единой таможенной территории Таможенного союза:

протокол от 5 июля 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Таможенный кодекс Таможенного союза от 27 нояб. 2009 г.: ред. от 16 апр. 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 50. Ст. 6615.

14. О проблемных вопросах, связанных с функционированием единой таможенной территории, и практике реализации механизмов Таможенного союза: решение Комиссии Таможенного союза от 17 авг. 2010 г. № 335. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза: договор между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией от 5 июля 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ:

ред. от 7 марта 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2011. № 11. Ст. 1495.

17. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части их приведения в соответствие с законодательством Таможенного союза: проект федер. закона № 453152-5 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 14 янв. 2011 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Мамут Л.С. Плюрализм законодательных систем в глобализирующемся мире // Право и глобализация: вопросы теории и истории: труды междунар. науч.-теорет. конф. (Санкт-Петербург, 28 апр. 2008 г.) / сост. С.В. Волкова, Н.И. Малышева; под общ. ред. Д.И. Луковской. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 5-15.

19. Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 360 с.

СОДЕРЖАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРАЖ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ

И.И. Алгазин

(доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД Тюменского юридического института МВД России, кандидат юридических наук; 8 (3452) 59-85-40)

В статье анализируются особенности преступной деятельности лиц, совершающих кражи сельскохозяйственных животных. Выделяются такие элементы криминалистической характеристики краж сельскохозяйственных животных, как обстановка, способ совершения преступления; сведения о личности преступника и преступной группе; предмет преступного посягательства. Обосновывается необходимость рассмотрения каждого из них.

Ключевые слова: кража, способ совершения преступления, способ сокрытия преступления, криминалистическая характеристика преступления, сельскохозяйственное животное.

Анализ состояния преступности свидетельствует о значительном осложнении за последние годы криминальной обстановки в сельской местности. Несмотря на снижение количества преступлений против собственности, они продолжают наносить ощутимый вред не только предприятиям и организациям различных форм собственности, но и гражданам.

Значительную долю таких преступлений составляют кражи сельскохозяйственных животных, данные деяния по-прежнему остаются достаточно распространенным видом преступлений. Так, в 2010 г. на территории Тюменской области было зарегистрировано 142 таких факта. Для сравнения: за аналогичный период краж цветных металлов было совершено в три раза меньше, зарегистрировано лишь 46 фактов*.

Известно, что скотокрадство (конокрадство) относится к числу самых древних преступных промыслов.

А.И. Гуров по этому поводу пишет: «Конокрады... одна из наиболее значимых категорий воров с вековыми уголовными традициями, специальным жаргоном, межгубернскими преступными связями, хорошо отработанными приемами конспирации. Кражи лошадей раскрывались редко, чему способствовали способы сокрытия следов преступления» [1, с. 26].

Раскрываемость краж сельскохозяйственных животных и на сегодняшний день в ряде регионов России не превышает

25%**.

Это обусловлено тем, что раскрытие краж сельскохозяйственных животных представляет определенную сложность, в первую очередь вследствие того, что по большинству дел данной категории трудно установить лиц, как совершивших преступление, так и располагающих сведениями о них, а также владельцев сельскохозяйственных животных. Одной из причин сложившегося положения является недостаточная разработанность, с учетом динамично меняющихся способов совершения краж сельскохозяйственных животных, методики раскрытия и расследования преступлений названного вида, их криминалистической характеристики. Это обуславливает недостаточное их знание следователями, оперативными сотрудниками, слабое применение в ходе раскрытия и расследования конкретных преступлений.

В связи с этим рассмотрим основные точки зрения ученых, касающиеся содержания криминалистической характеристики преступлений и, основываясь на результатах анализа, выделим элементы криминалистической характеристики краж сельскохозяйственных животных.

На различных этапах становления методики расследования отдельных видов преступлений элементный состав криминалистической характеристики преступлений определялся по-разному [2; 3, с. 125-130; 4, с. 18-23]. В связи с этим были предприняты попытки обобщения имеющихся в крими-

* Информация предоставлена ИЦ ГУВД по Тюменской области.

** Информация предоставлена ИЦ ГУВД по Тюменской области.

налистической литературе точек зрения по данному вопросу [5, с. 19-24].

Одной из причин подобного диапазона мнений, на наш взгляд, является нечеткое разграничение содержания понятий общей, видовой и групповой криминалистических характеристик и оснований их формирования.

Различное число элементов видовых (групповых) криминалистических характеристик можно объяснить стремлением авторов к детализации общепризнанных элементов, составляющих их содержание.

Например, по мнению Е.П. Фирсова, сведения об одном из основных элементов видовой криминалистической характеристики – типичных способах совершения преступлений данного вида – целесообразно рассматривать во взаимосвязи со способами подготовки и сокрытия, следами преступления, механизмом следообразования и орудиями совершения преступления, а характеристику личности вероятного субъекта преступления – с его поведением до и после совершения преступления, мотивами и целями совершения преступления, так как названные составляющие органически взаимосвязаны между собой. Отдельные элементы, например условия совершения преступления, поглощаются обстановкой его совершения, другие – состояние борьбы с определенным видом преступлений, распространенность преступных деяний – не имеют значения для практики раскрытия и расследования, поэтому они должны быть исключены из содержания криминалистической характеристики [6, с. 32].

Значительная часть ученых указывает на необходимость включения в ее состав сведений о способе и обстановке совершения преступления, личности преступника [7, с. 133-140; 8, с. 27].

Кроме перечисленных, в различных комбинациях предлагается включать в криминалистическую характеристику следующие сведения: о механизме совершения преступления; объекте и предмете преступного посягательства; условиях совершения преступления и охраны предмета посягательства; типичных материальных следах преступления и местах их распо-

ложения; способе сокрытия преступления; мотивах, целях и установке преступления; его распространенности и общественной опасности; орудиях и средствах преступной деятельности; источниках получения технических средств, используемых для подготовки и совершения преступления; преступных связях; приемах и методах, используемых при создании преступных групп; личности потерпевшего; типичной исходной информации о преступлении; особенностях обнаружения и выявления данных преступлений; криминалистической классификации преступлений; типичных следственных ситуациях; состоянии определенного вида преступлений; связях с другими видами преступлений; связях между структурными элементами; причинах и условиях, способствующих совершению рассматриваемых преступлений, и др. [9, с. 120-121; 10, с. 101].

Однако, как правильно было отмечено И.Ф. Пантелеевым, исчерпывающего перечня элементов криминалистической характеристики «...заранее дать нельзя (он может быть составлен лишь в обобщенном, типизированном виде)» [11, с. 88-89]. Не вдаваясь в дискуссию о содержании рассматриваемых элементов и их соотношении, выразим общую методологическую позицию по данному вопросу, которой будем руководствоваться при определении элементов, входящих в состав криминалистической характеристики преступлений, являющихся предметом нашего исследования, т.е. краж сельскохозяйственных животных.

Мы поддерживаем мнение А.Н. Дубровиной о том, что при формировании элементного состава криминалистической характеристики преступлений следует исходить из того, что элемент такой характеристики должен:

– «работать» на осуществление основной функции криминалистической характеристики – способствовать созданию методики раскрытия и расследования конкретного вида преступлений;

– содержать сведения, криминалистически значимые для расследования большинства указанных преступлений, отвечать требованию типичности;

– включать данные о признаках преступлений, а не иных явлений [10, с. 103].

Однако чтобы более точно установить элементы, которые должны входить в рассматриваемую нами характеристику, следует обозначить место, занимаемое криминалистической характеристикой краж сельскохозяйственных животных в системе других криминалистических характеристик, находящихся в определенной зависимости от исследуемой.

Переходя от понятия с большим объемом к понятию с меньшим объемом, от рода преступления к виду и подвиду, попытаемся выделить элементы криминалистической характеристики краж сельскохозяйственных животных.

Представляется, что типовая криминалистическая характеристика краж включает в себя криминалистические характеристики краж, совершенных в сельской местности, а также криминалистическую характеристику краж сельскохозяйственных животных, тем самым являясь основой для их построения, что позволяет рассматривать ее элементы в качестве обязательных для характеристик более низкого уровня.

Таким образом, для криминалистической характеристики краж сельскохозяйственных животных характерны те же элементы, что и для общей видовой криминалистической характеристики краж. Но особенность данного вида преступлений составляет предмет преступного посягательства – сельскохозяйственные животные, который и определяет отличие элементов криминалистической характеристики краж сельскохозяйственных животных от других криминалистических характеристик аналогичных преступных посягательств.

Еще одной особенностью, отграничивающей данный подвид преступлений от других, является то, что кражи сельскохозяйственных животных совершаются в основном в сельской местности. Вследствие этого элементы видовой криминалистической характеристики краж, совершенных в сельской местности, будут определяющими для криминалистической характеристики краж сельскохозяйственных животных.

По поводу элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в сельской местности, интерес представляет суждение Р.А. Журавлева [12]. Одним из основных элементов криминалистической характеристики, по его мнению, является способ совершения преступления. Он выделяет особенности способа совершения «сельских» преступлений (в сравнении с аналогичными преступлениями в городах), которые проявляются:

– в видах использованных технических средств, оружия, транспорта и формах их применения;

– объеме похищенного, способах и местах его сбыта;

– способах сокрытия преступления; и др.

Помимо этого, к основным элементам он относит обстановку преступления, которая включает в себя не только сведения о месте и времени совершения, но также и большой круг других взаимосвязанных обстоятельств, явлений, процессов, сопровождающих преступные деяния, в том числе поведение участников события.

Особенности этой части криминалистической характеристики преступлений на селе, по его мнению, наиболее четко прослеживаются при исследовании признаков, характеризующих место совершения по географическим признакам (населенный пункт, лесной массив, открытая местность и др.), а также в плане определенной организационной, административной или хозяйственной структуры [13, с. 35-36].

Р.Р. Рахматуллин аналогично особо выделяет обстановку преступления, поскольку она обладает максимальным количеством корреляционных связей [14, с. 11].

Для разработки типовых методик расследования отдельных видов преступлений, совершенных в сельской местности, важное значение, как считает Р.А. Журавлев, имеет такой компонент криминалистической характеристики, как личность преступника и его типичной жертвы (несмотря на то, что сведения о них в основном исследуются криминологами, виктимологами, психологами).

Особенности характеристики личности сельского преступника образуют данные:

– о профессиональных знаниях (опыт работы в сельском хозяйстве, навыки вождения трактора, других специальных машин и т.д.);

– преступном поведении, почерке противоправных действий (склонность к отдельным видам или группе преступлений, наиболее распространенным на селе; способ сокрытия следов, использование однотипных технических средств; поведение после преступления и т.д.);

– индивидуальных особенностях личности и мотивах преступления (знание местности в районе совершения преступления, местного языка, диалекта, обычаев; родственные и иные связи с жертвой, психологические склонности, личные интересы, особенности характера и т.п.);

– наличии огнестрельного оружия, транспортных средств и других орудий и вспомогательных средств преступления.

Р.А. Журавлев полагает, что могут быть выделены и другие элементы [13, с. 36-37].

Безусловно, Р.А. Журавлев прав, когда указывает на необходимость выделения в качестве элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных в сельской местности, сведений о личности преступника и его типичной жертвы. Однако, как представляется, не по каждому виду преступлений, совершаемых на селе, целесообразно выделять в качестве элемента сведения о личности потерпевшего. В частности, подобное характерно для краж сельскохозяйственных животных. Нельзя не отметить, что по некоторым категориям преступлений (причинение вреда здоровью, разбой, убийство, изнасилование и т.д.) потерпевший служит не только носителем материальных и идеальных следов, но и субъектом, способствующим установлению данных о выборе преступником способа совершения преступления. Естественно, что по таким видам преступлений изучение личности потерпевшего носит обязательный характер и влияет на ход всего расследования по делу, поскольку здесь

налицо прямая зависимость действий преступников от поведения потерпевшего.

При совершении кражи сельскохозяйственных животных такой элемент криминалистической характеристики преступлений, как сведения о личности потерпевшего, уже не имеет столь существенного значения в процессе раскрытия преступления. В качестве примера можно привести такие преступления, когда кража совершается на открытой местности, и преступник вообще не знает и не предполагает, кому может принадлежать скот. Роль потерпевшего обычно сводится к даче показаний по существу известных ему обстоятельств, которые, в свою очередь, ограничиваются зачастую лишь сведениями о сельскохозяйственных животных и условиях их содержания. Таким образом, мы полагаем, что такой элемент, как сведения о личности потерпевшего, не следует включать в содержание криминалистической характеристики краж сельскохозяйственных животных.

Поскольку большинство краж сельскохозяйственных животных совершается группами, то, по нашему мнению, разрабатывать их криминалистическую характеристику следует с учетом криминалистической характеристики групповых преступлений, что в полной мере отвечает правилам формирования элементного состава, которые были изложены выше.

Один из недостатков существующих криминалистических характеристик отдельных видов преступлений состоит в том, что авторы, занимающиеся созданием методик расследования групповых преступлений различных видов, зачастую уделяют мало внимания такому элементу, как сведения о личности преступника, делая основной упор на характеристику преступных групп и их структур [15, с. 24-27]. Однако нельзя не отметить, что встречаются характеристики, в которых, наоборот, в полном объеме содержатся сведения о личности преступника, в то время как характеристика преступных групп носит общий характер, без учета особенностей конкретных видов преступлений. Поскольку преступные группы представляют собой единое целое, полагаем, что рассмотрение

отдельно личности преступника и преступной группы даже на высоком уровне абстракции – это методологическая ошибка. В связи с этим в качестве элемента криминалистической характеристики рассматриваемого нами вида преступлений мы обозначили сведения о личности преступника и преступной группе.

Проблемы, связанные с кражами сельскохозяйственных животных, исследовались различными авторами [16; 17; 18; 19; 20; 21]. Несмотря на это, вопросы элементного состава криминалистической характеристики краж скота до настоящего времени не нашли достаточно полного освещения в специальной литературе.

Например, А.П. Фокин уделил внимание лишь таким ее элементам, как способ совершения краж скота и обстановка. При этом среди элементов, влияющих на выбор способа, он назвал место, время, условия охраны [21, с. 2-6]. К.П. Бузин и Я.М. Мазунин, рассматривая лишь оперативно-розыскную характеристику краж сельскохозяйственных животных, включили в ее содержание следующие элементы: характеристика личности преступника, способ совершения преступления, обстановка, которая включает в себя данные о месте и времени совершения преступления [16, с. 7-11].

Д.Н. Назарбаев, употребив термин «характеристика краж скота», раскрывает лишь способ совершения преступлений и характеристику личности преступника [18, с. 5-8]. В исследовании, проведенном коллективом авторов (М.С. Голощатов, А.В. Тямкин, Ю.М. Худяков), нашли отражение данные о предмете преступного посягательства, личности преступника, обстановке и способе совершения преступления, рассмотренные ими, как и Д.Н. Назарбаевым, лишь в аспектах раскрытия и предупреждения этого вида преступлений [17, с. 9-12].

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что взгляды ученых на элементный состав криминалистической характеристики неоднозначны даже в рамках одного вида преступлений, каковым являются кражи

сельскохозяйственных животных. В то же время анализ и обобщение оперативно-розыскной и следственной практики, а также суждений различных авторов по данному вопросу дают возможность выделить и конкретизировать наиболее типичные элементы криминалистической характеристики краж сельскохозяйственных животных.

Во-первых, это данные о предмете преступного посягательства, который определяет специфику указанного вида краж, напрямую связан с обстановкой совершения преступления и имеет ряд особенностей: наличие неповторимых индивидуальных внешних признаков, способность сопротивляться, издавать звуки и различные шумы, оставлять специфические следы. Из свойств предмета преступного посягательства следует еще одно отличие данного вида краж – их совершение преимущественно в условиях сельской местности. Следует помнить, что кражи сельскохозяйственных животных зачастую совершаются на открытой местности, что также специфично для этого вида преступлений.

Представляя собой живой организм, сельскохозяйственные животные тем самым определяют такую особенность, присущую хищникам данного вида, как необходимость предварительной подготовки предметов, призванных облегчить процесс их поимки и перемещения (веревки, мешки, уздечки, транспортные средства).

Во-вторых, в содержание криминалистической характеристики краж сельскохозяйственных животных входит такой элемент, как сведения об обстановке совершения преступления. Обстановка совершения краж сельскохозяйственных животных складывается из основных условий, в которых протекают процессы по подготовке, совершению и сокрытию хищения. Условия во многом определяются спецификой предмета преступного посягательства (особенности содержания, охраны, режим работы сельскохозяйственных предприятий, рельеф местности, наличие растительности и т.п.). Нам представляется, что знание особенностей предмета преступного посягательства и изучение обстановки, в которой совершена кража сельскохозяйствен-

ных животных, могут служить основой для предположения о возможном способе совершения преступления и выдвижения версий о личности преступника.

В-третьих, свойства предмета преступного посягательства и обстановка, по нашему мнению, напрямую влияют на выбор похитителем того или иного способа совершения преступления, который также является одним из наиболее важных элементов криминалистической характеристики этого вида преступлений и осуществляется исходя из психических особенностей личности преступника. Изучение сведений о способах совершения краж сельскохозяйственных животных позволяет составить представление о характерных особенностях, присущих именно этому виду преступлений и позволяющих выделить их относительно иных видов хищений, имеющих другой предмет преступного посягательства. Выбор преступника обусловлен внутренней психологической установкой, которая затем воплощается в той или иной последовательности совершаемых действий. В связи с этим исследование способов совершения преступления помогает глубже понять психологию преступной деятельности.

В-четвертых, действия преступников проявляются в способе совершения преступления, отражающегося в окружающей действительности. Лицо, производящее расследование, воспринимает последствия такого отражения путем изучения материальных и идеальных следов. При этом механизм следообразования напрямую связан с предметом преступного посягательства. В результате преступных действий, направленных на завладение сельскохозяйственными животными, остаются следы, характерные только для преступлений рассматриваемого вида. Изучение материальных последствий позволяет судить о количестве преступников, уровне их профессиональной подготовленности, навыках, умениях, осведомленности. Следовательно, криминалистическая характеристика краж сельскохозяйственных животных будет неполной без такого элемента, как механизм следообразования, формирующий «следовую картину».

В-пятых, с криминалистической точки зрения наиболее важной является информация о свойствах личности преступника и его социальном статусе, которые характерны для категории лиц, совершающих определенный вид преступлений. Отсюда сведения о лицах, совершивших преступление, традиционно относятся к элементам криминалистической характеристики краж, а в случае с кражами сельскохозяйственных животных, которые совершаются как преступными группами, так и отдельными лицами, эти сведения обладают определенными особенностями. Например, необходимые условия совершения кражи сельскохозяйственных животных – наличие навыков обращения с животными, знание их повадок, возможность реализации или использования для личных нужд, а также наличие информации об условиях содержания и охраны скота.

1. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. 301 с.

2. Басалаев А.Н., Гуняев В.А. Криминалистическая характеристика преступления (общее понятие и практическое значение) // Методика расследования преступлений (общие положения): материалы науч.-практ. конф. М., 1976. С. 100-110.

3. Харлов А.С. Использование статистических сведений информационных центров МВД России при разработке криминалистической характеристики отдельных видов и групп преступлений // Вестник криминалистики. 2010. № 1. С. 125-130.

4. Лановой А.Ф. К вопросу о понятии криминалистической характеристики преступлений // Вестник криминалистики. 2007. № 1. С. 18-23.

5. Шаталов А. Сущность и содержание криминалистической характеристики преступления // Следователь. 1999. № 1. С. 19-24.

6. Фирсов Е.П. Типовая структура методик расследования отдельных видов преступлений // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2003. Вып. 1 (5). С. 30-36.

7. Бекбулатова А.Т. Понятие и содержание криминалистической характеристики грабежей и разбойных нападений, совершаемых несовершеннолетними // Вестник криминалистики. 2009. № 4. С. 133-140.
8. Лузгин И.М. Некоторые аспекты криминалистической характеристики и место в ней данных о сокрытии преступления // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М., 1984. С. 25-30.
9. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика: монография. М., 2002. 305 с.
10. Дубровина А.Н. Криминалистическая характеристика преступлений и следственная ситуация: понятие, виды, значение для раскрытия и расследования преступлений // Лекции по криминалистике / под ред. В.П. Лаврова. М., 1992.
11. Пантелеев И.Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1980. 96 с.
12. Журавлев Р.А. Теоретические и прикладные проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в сельской местности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 431 с.
13. Журавлев Р.А. Расследование преступлений в сельской местности. М., 1993. 64 с.
14. Рахматуллин Р.Р. Методика расследования краж имущества граждан в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 221 с.
15. Брылев В.И. Некоторые проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в сфере наркобизнеса. Екатеринбург, 1994. 193 с.
16. Бузин К.П., Мазунин Я.М. Раскрытие и расследование краж сельскохозяйственных животных: учеб. пособие. Омск, 2001. 92 с.
17. Голощанов М.С., Тямкин А.В., Худяков Ю.М. Предупреждение и раскрытие краж скота: учеб. пособие. М., 1993. 63 с.
18. Назарбаев Д.Н. Предотвращение и раскрытие краж скота: учеб. пособие. Ташкент, 1981. 55 с.
19. Потудинский В.П. Методика расследования хищений скота, совершенных путем краж, грабежей и разбойных нападений (по материалам Северо-Кавказского региона): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 25 с.
20. Филин Д.М. Особенности раскрытия и расследования краж скота (по материалам органов внутренних дел Южного федерального округа Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 20 с.
21. Фокин А.П. Расследование краж скота. М., 1973. 44 с.

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СРОК ЗАЯВЛЕНИЯ ХОДАТАЙСТВА
О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Е.Л. Федосеева

(старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России, г. Екатеринбург; fel@sky.ru)

В статье рассматриваются процессуальные сроки подачи подозреваемым, обвиняемым ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В результате анализа норм главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и сложившейся правоприменительной практики делается вывод о том, что любое лицо, в отношении которого началось уголовное преследование, может заявить о желании сотрудничать, а после приобретения статуса подозреваемого или обвиняемого – подать соответствующее ходатайство.

Ключевые слова: ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, уголовное преследование, особый порядок судебного разбирательства.

29 июня 2009 года вступила в действие новая глава УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом [1], направлены на противодействие организованным формам преступности путем привлечения правоохранительными органами к сотрудничеству лиц, состоящих в преступных сообществах, на условиях сокращения им уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты.

Одним из оснований заключения с подозреваемым, обвиняемым соглашения о сотрудничестве является заявленное им ходатайство. Закон устанавливает, что ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть заявлено подозреваемым, обвиняемым с момента начала уголовного преследования (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ).

Попробуем разобраться с тем, когда начинается уголовное преследование. Этот вопрос до сих пор является предметом спора ученых-процессуалистов и не имеет четкой регламентации. Кроме того, Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит понятий «момента начала уголовного преследования» и «момента объявления об окончании предварительного следствия», при этом закрепляет в п. 15 ст. 5 УПК РФ,

например, такое понятие, как «момент фактического задержания».

В 1951 году М.С. Строгович писал, что «уголовное преследование начинается и ведется только в отношении определенного лица, обвиняемого в совершении преступления...», следовательно, «...актом возбуждения уголовного преследования является акт привлечения определенного лица к делу в качестве обвиняемого» [2, с. 60-65].

Позже А.Б. Соловьев и Н.А. Якубович указывали, что моментом начала уголовного преследования является проведение первого процессуального действия, связанного с применением процессуального принуждения, ограничивающего конституционные права граждан. При этом они считали, что «...функция уголовного преследования реализуется также при возбуждении уголовного дела против конкретного лица» [3, с. 79].

Можно заключить, что ученые объединяют момент начала уголовного преследования с появлением в уголовном деле подозреваемого, в отношении которого и возбуждено уголовное дело.

Конституционный Суд РФ придерживается позиции о том, что «...с актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием и создаются правовые основания для последующих про-

цессуальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда» [4].

Г. Королев начальным моментом уголовного преследования считает обнаружение прокурором и иными должностными лицами, указанными в законе, признаков преступления, утверждая, что этот момент совпадает с возникновением уголовно-процессуальных отношений [5].

Обратимся к определению уголовного преследования, которое предлагает нам законодатель. Уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Из определения следует, что эта деятельность направлена на изобличение преступника, а он в рассматриваемый период может быть еще не установлен. Ведь для того чтобы лицо приобрело статус подозреваемого, необходимо не только изобличить его, но и соблюсти соответствующую процессуальную процедуру, иначе законом было бы предусмотрено, например, сначала задержание лица в качестве подозреваемого, а только потом возбуждение уголовного дела.

Досудебное производство начинается с момента получения сообщения о преступлении. Моментом получения сообщения о преступлении могут быть зарегистрированные в дежурной части уполномоченного на то правоохранительного органа заявления о преступлении, явка с повинной, рапорт об обнаружении преступления, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, являющиеся, собственно говоря, поводами для возбуждения уголовного дела.

Полагаем, что целесообразно считать началом процессуальной деятельности по изобличению подозреваемого момент, когда правоохранительным органам стало известно о совершенном преступлении.

Согласимся с приведенными мнениями авторов, считающих, что началом уголовно-процессуального преследования

является не само решение о возбуждении дела, а более ранний факт – поступление в уполномоченный на то орган сведений о совершенном или готовящемся преступлении. Предварительное следствие начинается со дня возбуждения уголовного дела, но, как представляется, уголовное преследование начинается раньше.

Уголовное преследование подразумевает процессуальную деятельность, под которой понимается следственное, судебное или иное действие, предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом РФ, осуществляемое стороной обвинения, к которой относятся прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель и т.д.

На этапе возбуждения уголовного дела не всегда известно лицо, совершившее преступление, к тому же у такого лица может и не быть статуса подозреваемого, наделяющего его соответствующими правами, а значит, оно лишается возможности заявлять ходатайство о сотрудничестве. Кроме того, к стороне обвинения не относятся органы дознания, которые также уполномочены уголовно-процессуальным законом осуществлять процессуальные полномочия (п. 24 ст. 5 УПК РФ).

Лицо, в отношении которого началось уголовное преследование, также может заявить о желании сотрудничать. В связи с этим под лицом, желающим сотрудничать, предлагаем понимать не только подозреваемого и обвиняемого, но и любое лицо, в отношении которого началось уголовное преследование и которое заявило о желании заключить досудебное соглашение о сотрудничестве.

На основании изложенного полагаем, что ст. 5 УПК РФ необходимо дополнить п. 62 следующего содержания: «момент начала уголовного преследования – момент получения сообщения о готовящемся либо совершенном преступлении, с которого начинается процессуальная деятельность, осуществляемая уполномоченными на то настоящим Кодексом государственными органами и должностными лицами в целях изобличения лица, совершившего преступление».

Итак, в широком смысле заключение досудебного соглашения о сотрудничестве является процессуальным действием правоохранительных органов с лицом, в отношении которого началось уголовное преследование, желающим заключить такое соглашение. При этом целью соглашения со стороны обвинения является уголовное преследование, отвечающее назначению уголовного судопроизводства.

Если ходатайство о досудебном соглашении подается с момента начала уголовного преследования, то право на его заявление должно возникать с момента фактического лишения свободы передвижения лица, заподозренного в совершении преступления, то есть с момента его фактического задержания.

Следуя нашей точке зрения о начале уголовного преследования, можно говорить об отсутствии у лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, права на заявление ходатайства. В связи с этим представляется необходимым предоставить такому лицу реальную возможность заявить о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, которое может быть выражено как в отдельном заявлении, так и в заявлении о явке с повинной.

Аналогичное мнение по этому вопросу высказывает А.А. Давлетов, предлагая указать в УПК РФ, помимо подозреваемого, обвиняемого, и лицо, явившееся с повинной, а его обращение с просьбой о сотрудничестве назвать не ходатайством, а заявлением [6, с. 77-86].

При подобном подходе сторона обвинения не вправе будет отказать в приобщении к материалам проверки данного заявления. С нашей позицией согласились 86 % опрошенных респондентов из числа сотрудников правоохранительных органов, которые на вопрос: «На каком этапе лицо, желающее заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, вправе заявить об этом?» – ответили: «До возбуждения уголовного дела (например, с момента явки с повинной)».

Интересно высказывание Г.П. Тарасова о том, что если речь идет о явке с

повинной, то целесообразно уже на стадии возбуждения уголовного дела не только предоставить право заподозренному лицу заявить данное ходатайство, но и предусмотреть возможность обсуждения условий досудебного соглашения о сотрудничестве. Данное допущение позволит мотивировать лиц к более осознанному отношению к даче явок с повинной [7, с. 168-170].

Учитывая интересы сторон, зададимся вопросом о том, будет ли выгодно лицу, в отношении которого началось уголовное преследование, но еще не возбуждено уголовное дело, сотрудничать с правоохранительными органами? На наш взгляд, нет, так как это соглашение не ограничено, в отличие от явки с повинной, рамками своевременности, когда лицо, совершившее преступление, вынуждено признать предъявленные доказательства, вся совокупность которых ставит его в «безвыходное положение». Иными словами, досудебное соглашение фактически выгодно лицу, у которого появился статус подозреваемого, в связи с этим в отношении его могут быть применены меры процессуального принуждения, когда он знает, что ему грозит уголовная ответственность. А если уголовное дело еще не возбуждено, то преследуемое лицо, скорее всего, добровольно сообщит только о совершенном им преступлении, чтобы в последующем иметь возможность хоть как-то смягчить срок наказания, в случае если решится на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве.

Личный практический опыт автора, полученный в органах предварительного следствия, позволяет прийти к выводу, что у большинства лиц активное постпреступное поведение было обусловлено стимулированием таковых действий сотрудниками оперативных служб. Можно предположить, что активность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве среди этих лиц возросла бы в разы, если бы стимулом к этому являлось не только смягчение наказания, но и отказ от уголовного преследования со стороны обвинения.

Учитывая задачи российского уголовного судопроизводства, из которых вытекает принцип назначения виновному спра-

ведливого наказания, можно заключить, что заявление о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве лица, не имеющего статуса подозреваемого, допустимо и соответствует интересам органов, осуществляющих уголовное преследование.

В связи с этим соглашение подразумевает «выгоду» для обеих сторон «сделки»; лицо, в отношении которого началось уголовное преследование, предполагая, что уголовное дело может быть не возбуждено или в дальнейшем прекращено, не будет спешить с процессуальным закреплением желания сотрудничать, опасаясь разоблачения, надеясь избежать уголовной ответственности и по ряду других причин. В связи с этим в некоторых случаях, когда инициатива к побуждению сотрудничества исходит от правоохранительных органов, заявления о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве будут поступать от лиц, еще не имеющих статуса подозреваемого, в отношении которых началось уголовное преследование, если они усмотрят в этом личную выгоду.

Такое заявление может быть как письменным, так и устным. Если заявление устное, оно должно быть отражено в протоколе того процессуального действия, в ходе которого было заявлено. Заявление должно быть составлено на имя должностного лица, руководящего органом, которым проводятся следственная проверка и процессуальные действия в отношении заявителя. В заявлении должно быть отражено желание лица заключить досудебное соглашение о сотрудничестве без указания на конкретные постпреступные действия с его стороны и отметка о том, что это желание является добровольным и выражено без чьего-либо принуждения. Заявление подписывают заявитель и лицо, его принявшее, с расшифровкой должности, специального звания, фамилии и инициалов. Заявление о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве целесообразно приобщать к материалам следственной проверки и, безусловно, учитывать при производстве предварительного расследования.

Указанное заявление не должно подменять собой процедуру дальнейшей пода-

чи ходатайства о заключении досудебного соглашения, которая начинается с момента появления у этого лица статуса подозреваемого, так как правом на заключение данного ходатайства и ходатайств в принципе наделены лица, имеющие статус подозреваемого либо обвиняемого.

С учетом изложенного считаем, что нормы, регламентирующие процессуальный порядок и сроки подачи ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, несомненно, нуждаются в доработке, в том числе с помощью апробации на практике. Представляется, что дальнейшему совершенствованию подлежит и институт уголовного преследования, так как момент начала уголовного преследования является спорным и до сих пор четко не определен законом.

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Рос. газ. 2009. 3 июля.

2. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Академия наук СССР, 1951. 97 с.

3. Соловьев А.Б., Якубович Н.А. К вопросу о концепции правового обеспечения функции уголовного преследования // Современные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики: М.; Кемерово, 1996.

4. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ: постановление Конституционного Суда РФ от 14 янв. 2000 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 5.

5. Королев Г. Начальный момент уголовного преследования [Электронный ресурс] // Юридический портал. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/1362> (дата обращения: 5 дек. 2010 г.).

6. Давлетов А.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве глазами адвоката //

Бюллетень Адвокатской палаты Свердловской области. Екатеринбург, 2010. Вып. 2 (26). С. 77-86.

7. Тарасов Г.П. Некоторые аспекты обеспечения прав и законных интересов по-

дозреваемого, обвиняемого при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2011. № 1 (23). С. 168-170.

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Е.Н. Балувев

(адъюнкт кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского
университета МВД России; evgenii_baluev@mai.ru)

В статье рассматриваются подходы к осмыслению дефиниции «правоохранительная функция государства» в российской теоретико-правовой науке, а также механизм реализации правоохранительной функции современного государства.

Ключевые слова: законность, правопорядок, охрана, защита, правоохранительная функция, механизм государства, правоохранительные органы, механизм реализации правоохранительной функции государства.

Реальный показатель силы государственной власти, ее эффективности состоит в высоком уровне правовой охраны. Достижение данного уровня требует согласованных совместных усилий всего общества. Правоохранительная функция государства и механизм ее реализации находят выражение в своем концентрированном виде в деятельности по обеспечению, охране, защите прав и свобод граждан.

В теории государства и права единого подхода к определению, наименованию, содержанию функции государства по охране норм права не сложилось. Одни ученые в сфере государственной деятельности выделяют самостоятельную правоохранительную функцию государства, другие относят правоохранительную функцию не к направлениям деятельности государства в целом, а к функциям государственной власти и аппарата государственной власти.

Так, Е.В. Болотина считает, что функции государства, функции государственной власти и функции государственных органов различаются. Функции государственной власти и функции государственных органов являются производными от государственных функций. Государственные функции, по ее мнению, являются основными и отражают важнейшие направления государственной деятельности по осуществлению стоящих перед государством стратегических целей и задач, возникающих в определенный исторический пе-

риод. Производные функции представляют собой более узкие и конкретные направления государственной деятельности, в рамках которых решаются конкретные задачи тактического характера. Правоохранительную функцию Е.В. Болотина относит не к основным функциям государства, а к функциям государственной власти [1, с. 14-15].

Отсутствие самостоятельного характера у правоохранительной функции подчеркивает А.Ф. Черданцев. Он считает, что охранительный аспект присутствует и в экономических, и в идеологических функциях государства. Более того, он может быть значительным. В связи с этим, характеризуя экономическую функцию буржуазного государства на раннем этапе его развития, ученый отмечает, что государство главным образом осуществляло «служебную функцию сторожа, охранителя сложившегося способа производства, свободной конкуренции, свободы личности, свободы договоров, свободы международной торговли...» [2, с. 116].

Среди функций государства не упоминает правоохранительную функцию Р.А. Ромашов, который говорит о правоохранительной деятельности как об одной из юридических форм осуществления государственных функций [3, с. 47]. А Л.И. Каск утверждает, что «...некоторым наиболее важным или распространенным методам и средствам осуществления деятельности государства придается значение самостоя-

тельных функций... Так происходит, в частности, когда значение самостоятельной функции государства придается деятельности по охране собственности. Однако охрана, например, капиталистической собственности является частной задачей охраны правопорядка вообще. Правопорядок же есть, с одной стороны, результат законодательной формы деятельности государства, а с другой – важнейшее средство осуществления всех (хотя и в разной степени) функций государства. В связи с этим охрану правопорядка ни в целом, ни тем более частично нельзя рассматривать в качестве самостоятельной функции государства» [4, с. 45].

В.С. Афанасьев выделяет экономическую, политическую, социальную и идеологическую функции государства, предусматривая в трех первых охранительные задачи, такие как охрана существующих форм собственности, обеспечение государственной и общественной безопасности, охрана прав и свобод всего населения или его части. При этом он оговаривает, что функции государства не являются чем-то раз и навсегда данным, застывшим и неизменным. В зависимости от конкретно-исторических условий элементы этих общих функций могут приобретать самостоятельное значение, становясь в силу особой значимости самостоятельными функциями. Это могут быть функции организации общественных работ (например, строительство ирригационных сооружений в азиатских государствах), обеспечения прав и свобод граждан (например, в современных развитых странах, в которых осуществляется переход к правовому государству), охраны природы (например, в странах, где серьезно нарушено экологическое равновесие) и пр. [5, с. 43]. Подобная оговорка уже сама по себе может рассматриваться как признание возможности выделения любой функции – и правоохранительная функция не является исключением – в качестве самостоятельной функции государства.

Самостоятельную правоохранительную функцию государства выделяет В.Н. Жуков. Он подчеркивает, что правоохранительная функция – одна из важнейших

функций государства. Она включает охрану права и правового порядка. Право (законодательство) – средство проведения государственной политики. Нарушение законов и правопорядка ведет к подрыву государственной власти. Защита собственности и прав граждан представляет собой важное направление правоохранительной деятельности государства, стремящегося тем самым достичь более важных целей – общественного спокойствия и стабильности [6, с. 166-167].

Не правоохранительную, а правозащитную функцию государства, которая представляет собой деятельность государства по защите прав и свобод гражданина, утверждению законности и правопорядка во всех сферах общественной и политической жизни, выделил В.С. Нерсисянц [7, с. 68-69]. Он подчеркивал, что одна из главных обязанностей государства – осуществление правозащитной функции, ссылаясь при этом на положение ст. 2 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой признание, соблюдение и защита прав и свобод человека – обязанность государства. Действительно, в Конституции Российской Федерации речь идет о защите, а не об охране прав человека. Однако значения слов «защита» и «охрана» в русском языке близки. Значение слова «защита» включает в себя охрану [8, с. 595], а значение слова «охрана» включает в себя защиту [9, с. 641]. По-иному обстоит дело со словом «охранять», под которым подразумевается наблюдение за сохранностью чего-либо, безопасность, неприкосновенность кого- (чего-)либо. Кроме того, слово «охранять» указывает не только на пребывание вблизи, около охраняемого объекта, но и на какие-либо действия, мероприятия, связанные с охраной кого- (чего-) либо от нападения, посягательств, враждебных действий и т.д. Значит, под словом «правоохранительная» можно понимать деятельность по наблюдению за исполнением, использованием, соблюдением и применением норм права и созданием необходимых условий для их реализации. Именно поэтому название «правоохранительная функция» в большей мере отражает ее сущность [10, с. 33].

В.А. Демин, рассуждая об этимологической характеристике понятия «правоохранительная функция государства», утверждает, что название этой функции должно вытекать из результатов правотворческой деятельности государства, так как любое общеобязательное веление государства является таковым постольку, поскольку обеспечивает его реальное исполнение и соблюдение. Именно поэтому он определяет данную функцию как правоохранительную.

В.В. Лазарев и С.В. Липень среди направлений деятельности государства выделяют функцию охраны правопорядка, прав и свобод граждан. Правда, раскрывая содержание этой функции, они ее же называют правоохранительной [11, с. 74], очевидно, считая функцию охраны правопорядка, прав и свобод граждан и правоохранительную функцию совпадающими по содержанию.

В случае если признается существование самостоятельной правоохранительной функции, ее содержание учеными определяется по-разному, но непременно к содержанию правоохранительной функции относят обеспечение правопорядка, соблюдение законности, борьбу с преступностью, обеспечение прав и свобод граждан и т.д.

Характеризуя правоохранительную функцию государства, в качестве ее объекта следует назвать широкий круг общественных отношений в правовой сфере, затрагивающих все стороны общественной жизни; в качестве цели правоохранительной функции – создание необходимых условий для обеспечения достойного и безопасного существования личности и общества, их взаимодействия; в качестве задач правоохранительной функции государства – обеспечение правопорядка и законности, непосредственную охрану прав и интересов человека и гражданина.

Реализация функций государства, в том числе и правоохранительной, находит свое отражение в механизме осуществления функций государства. Термин «механизм реализации правоохранительной функции государства» широкого применения в научной литературе не нашел.

В государственоведении категория «механизм» используется в различных смыслах, например, «государственный механизм (механизм государства)», «механизм осуществления государственной власти», «механизм государственного управления». Механизм – это «система, устройство, определяющее порядок какого-нибудь вида деятельности» [12, с. 283]. Считаем целесообразным рассматривать понятие «механизм» не с позиции соединения неких элементов (например, государственных и негосударственных органов), а с точки зрения взаимосвязи системных элементов, которые образуют порядок какого-либо действия. Механизм – «это всегда некая функциональная характеристика объекта. Поэтому термин “механизм” следует использовать не только для структурного описания системы государственных органов, но и для уяснения функциональной специфики различных частей (подсистем) и элементов государственного аппарата» [13, с. 567].

Механизм реализации правоохранительной функции государства приводится в действие при помощи механизма государственной власти. Некоторые исследователи (в частности, М.Н. Марченко) понимают под механизмом осуществления функций государства лишь определенные методы и средства реализации [14, с. 67]. Р.А. Ромашов отмечает, что наряду с инструментальной составляющей любой механизм включает в себя также субъектный состав; взаимосвязи и взаимодействия, обеспечивающие действенность механизма; отношения, возникающие в процессе практического воплощения правовых предписаний [15, с. 227-228].

Механизм реализации правоохранительной функции государства – взятые в единстве субъекты осуществления функций, их деятельность, осуществляемая на основе определенных принципов, форм, методов и средств.

Данный механизм выступает как система, включающая следующие структурные элементы.

1. *Инструментальная составляющая механизма реализации правоохранительной функции.* Инструментом являются

методы осуществления функций государства. Под методами реализации правоохранительной функции следует понимать совокупность приемов и способов, при помощи которых осуществляются соответствующие виды деятельности [16, с. 214].

В научной литературе выделяют такие методы реализации правоохранительной функции государства, как:

- метод нормативного правового регулирования;
- метод принуждения, используемый при нарушении общеобязательных государственных предписаний;
- метод рекомендаций – ориентация на конкретный вариант поведения или действий, желательных с точки зрения государства, и метод поощрения, побуждающий следовать этому варианту, стимулирующий общественно полезную деятельность;
- метод договорного регулирования, приобретающий в условиях демократически устроенного государства универсальное значение, поскольку распространяется на сферу не только частных, но и публичных интересов;
- метод надзора и контроля;
- метод информационного влияния [17, с. 113-114].

Можно выделить и иные, кроме названных, методы реализации правоохранительной функции государства, но перечисленные являются основными, определяющими в воздействии на функционирование правоохранительной функции.

При реализации правоохранительной функции государства большую роль играет метод принуждения. Однако только в сочетании с методом убеждения возможно действительное обеспечение охраны прав и интересов общества и государства. Об этом говорилось в научных кругах еще в середине прошлого столетия, когда отмечалось, что «...попытка истолковать эту функцию лишь как репрессивную была бы односторонней, а потому ложной» [18, с. 97].

Все вышеперечисленные методы реализации правоохранительной функции государства можно разделить на императивные и диспозитивные. Методы императивного характера предполагают издание

и обеспечение при помощи средств принуждения государственно-властных предписаний, устанавливающих максимально конкретные правила поведения. Выполнение этих правил должно осуществляться в четком соответствии с содержащимися в них установками. Субъекты, на которых оказывается воздействие при помощи императивных методов, участвуют в реализации правоохранительной функции государства, руководствуясь принципом «разрешено делать то, что разрешено законом», и осуществляют свои полномочия в четком соответствии с законом. Методы диспозитивного характера связаны с определением общих границ, «очерчивающих» область дозволенного поведения и определяющих сферу, в рамках которой субъекты самостоятельно (используя договорную форму) вырабатывают правила взаимного общения в процессе реализации правоохранительной функции государства. Основной принцип диспозитивных методов управления – «разрешено делать все, что не запрещено законом» [19, с. 68]. Данный метод в основном применим для реализации правоохранительной функции негосударственными учреждениями и организациями.

2. *Субъектная составляющая механизма реализации правоохранительной функции государства*, представляющая собой сочетание государственных и негосударственных элементов, наделенных специальной компетенцией. Многообразие субъектов требует проведения их классификации по различным критериям:

1) в зависимости от реализуемых функций:

– субъекты, непосредственно реализующие правоохранительную функцию (правоохранительные органы): милиция (полиция), органы государственной безопасности, внутренние войска, прокуратура, таможенные органы, налоговые органы;

– субъекты, осуществляющие правозащитную функцию в рамках правоохранительной функции (правозащитные организации): адвокатура, нотариат, правозащитные организации граждан;

– субъекты, участвующие в реализации правоохранительной функции, но пра-

во не охраняющие и не защищающие (органы правосудия и исполнения наказаний): суды, мировые судьи, третейская юстиция, органы исполнения наказания;

2) по доминирующим приоритетам в рамках реализации правоохранительной функции государства:

– субъекты, функционирование которых связано прежде всего с охраной публичных интересов: органы государственной безопасности, внутренние войска, прокуратура, таможенные органы, налоговые органы, милиция (полиция);

– субъекты, функционирование которых связано прежде всего с охраной частных интересов: адвокатура, нотариат, мировые судьи, третейская юстиция, правозащитные организации граждан;

– субъекты, функционирование которых не связано с приоритетным выделением либо публичных, либо частных интересов: суды, органы исполнения наказания, комиссии по разрешению трудовых споров;

3) в зависимости от значимости правоохранительной деятельности в процессе реализации правоохранительной функции:

– субъекты, для которых правоохранительная деятельность является основной: милиция (полиция), органы государственной безопасности, внутренние войска, прокуратура, адвокатура, нотариат, суды, органы исполнения наказания, правозащитные организации граждан;

– субъекты, для которых правоохранительная деятельность является факультативной: таможенные органы, налоговые органы [20, с. 31-33].

3. *Функциональная составляющая механизма реализации правоохранительной функции государства*, которая находит свое выражение в формах осуществления государственных функций.

В условиях правовой государственности предпочтение отдается таким формам государственных функций (в частности, правоохранительной), которые в полной мере могут обеспечить реальный приоритет прав и свобод человека и гражданина, способствовать формированию гражданского общества и сохранению незыблемости всех принципов правового государства.

Под формами реализации правоохранительной функции государства понимается: во-первых, деятельность основных звеньев механизма государства, специфика видов государственной деятельности, в отличие от деятельности негосударственных организаций; во-вторых, однородная по своим внешним признакам деятельность всех, многих или нескольких органов государства, посредством которой осуществляется правоохранительная функция.

От характера тех или иных форм и их конкретного сочетания зависит в целом реализация правоохранительной функции государства. Основными формами реализации правоохранительной функции являются две – правовая и организационная. Ключевыми правовыми формами реализации функции выступают правотворческая, правоприменительная и правоохранительная деятельность. Организационные формы реализации правоохранительной функции государства связаны с организационной деятельностью, основанной на вербальных (устных) решениях, указаниях, приказах, распоряжениях [21, с. 170-171]. Как правовые, так и организационные формы реализации правоохранительной функции государства развиваются и изменяются вместе с государственной жизнью, экономическими, социальными, политическими, идеологическими, иными отношениями в обществе.

А.В. Малько отмечает, что формы осуществления функций государства – это деятельность органов государства, посредством которой реализуются его функции. К правовой форме осуществления функций государства А.В. Малько относит правотворческую, правоприменительную и правоохранительную деятельность, к организационной форме – организационно-регламентирующую, организационно-хозяйственную и организационно-идеологическую деятельность [22, с. 50-51].

А.И. Числов формой реализации правоохранительной функции считает правоохранительную деятельность, отмечая при этом взаимосвязь понятий «реализация правоохранительной функции государства» и «правоохранительная деятельность», а также понятий «правоохрани-

тельная система» и «правоохранительные органы» [23, с. 11].

Определив общие теоретические положения правовых и организационных форм осуществления функций государства, необходимо рассмотреть их особенности в рамках правоохранительной деятельности государства.

В современной юридической литературе правоохранительная деятельность рассматривается как деятельность компетентных государственных органов, общественных организаций, должностных лиц по охране правопорядка, включающая в себя принятие мер по предупреждению правонарушений, разрешению спорных ситуаций, затрагивающих права и законные интересы физических и юридических лиц, реализации мер юридической ответственности [24, с. 61].

М.И. Клеандров и Г.Н. Чеботарев акцентируют внимание на том, что правоохранительная деятельность в целях охраны и защиты прав человека и гражданина, как и в иных целях, установленных законодательством, осуществляется «не любым способом, а по определенной законом процедуре, в установленном законом порядке, с помощью закрепленных в законе мер, способов и средств юридического воздействия» [25, с. 9-10].

В.А. Серовым правоохранительная деятельность понимается как «практическая реализация в установленной законом форме уполномоченными на то органами и лицами функции государства по охране прав и свобод личности, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства» [26, с. 14]. Упомянутая В.А. Серовым в определении функция государства – это и есть правоохранительная функция, которая реализуется посредством правоохранительной деятельности.

Цель правоохранительной деятельности – охрана права, охрана и защита прав человека и гражданина. Достижение цели и решение задач правоохранительной деятельности в значительной мере и есть реализация правоохранительной функции

государства. Таким образом, правоохранительная функция является самостоятельной функцией государства. Она направлена на осуществление стратегических целей и задач государства.

Правоохранительная функция – одна из важнейших функций государства, которая возникает вместе с государством и осуществляется на всем протяжении его существования. Значение правоохранительной функции неизмеримо возрастает в условиях становления правового государства в России: эффективная правоохрана – это непременное условие достижения верховенства права, основной и определяющий признак и принцип правового государства. Правоохранительная функция занимает центральное место в системе функций государства.

Процесс реализации правоохранительной функции государства находит свое отражение в механизме ее осуществления, который представляет собой взятые в единстве субъекты осуществления функций, их деятельность, осуществляемую на основе определенных принципов, а также форм, методов и средств. Элементами механизма осуществления правоохранительной функции государства являются инструментальная (методы осуществления правоохранительной функции государства), субъектная (государственные и негосударственные субъекты, принимающие участие в правоохранительной деятельности) и функциональная составляющие (взаимосвязи и взаимодействие, обеспечивающие действенность механизма, а также отношения, возникающие в процессе практического воплощения правовых предписаний, выраженные в определенных формах).

1. Болотина Е.В. Правоохранительная функция государственной власти (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 165 с.

2. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2000. 422 с.

3. Ромашов Р.А. Государство (предпосылки возникновения, механизм функционирования, критерии классификации).

- СПб.: Ин-т правоведения и предпринимательства, 1998. 153 с.
4. Каск Л.И. Функции и структура государства / отв. ред. Д.А. Керимов. Л.: Ленингр. ун-т, 1969. 65 с.
5. Афанасьев В.С. Государство: новые подходы к сущности, функциям, типологии // Теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. М.: НОРМА, 1996. 465 с.
6. Жуков В.Н. Функции государства // Теория государства и права / под общ. ред. О.В. Мартышина. М.: Норма, 2007.
7. Нерсисянц В.С. Теория права и государства. М.: Инфра-М, 2005. 272 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: АСТ, 2004. Т. 2. 1056 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: АСТ, 2005. Т. 3. 1141 с.
10. Григонис Э.П., Харченко О.В. Правоохранительная функция государства. СПб.: Книжный дом, 2007. 208 с.
11. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М.: Спарк, 2004. 528 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Локид, 2008. 800 с.
13. Четвернин В.А. Государство: сущность, понятие, структура, функции // Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.А. Нерсисянца. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999.
14. Марченко М.Н. Охрана социалистической собственности в процессе управления общественным производством. М.: Юрист, 1982. 187 с.
15. Ромашов Р.А. Теория государства и права. СПб.: Питер, 2008. 256 с.
16. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 445 с.
17. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2002. 414 с.
18. Поппер Е., Шюсселер Р., Шюсселер Г. О теории функций социалистического государства // Советское государство и право. 1968. № 4. С. 88-97.
19. Ахмедов Ч.Н. Правоохранительная система государства: теоретико-методологические основания исследования. СПб.: Астерион, 2008. 138 с.
20. Нижник Н.С., Ахмедов Ч.Н. Правоохранительная система Российской империи: структурно-функциональный анализ. СПб.: Астерион, 2008. 514 с.
21. Загидуллин Р.И. Правоохранительная функция современного российского государства (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. 184 с.
22. Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 1999. 339 с.
23. Числов А.И. Профессиональная правоохранительная деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 18 с.
24. Ромашов Р.А. Теория государства и права: Краткий курс. СПб.: Питер, 2009. 256 с.
25. Клеандров М.И., Чеботарев Г.Н. Правоохранительные органы в России (Особенная часть): учеб. пособие. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 1994. 146 с.
26. Серов В.А. Правоохранительные органы: учебник. Оренбург: ОГУ, 1997. 127 с.

РОССИЙСКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ КАК ОБЪЕКТ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.В. Горяинова

(аспирант кафедры административного права и административной деятельности
ОВД Тюменского юридического института МВД России; mgrnv1@mail.ru)

В статье рассматриваются вопросы государственной политики Российской Федерации в сфере добровольного переселения в Россию соотечественников с учетом процессов глобализации в демографической и миграционной сферах и национальных особенностей нашей страны.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционная привлекательность, российские соотечественники, соотечественники, проживающие за рубежом, миграция, государственная программа переселения.

Разрешение противоречия между очевидной заинтересованностью России в привлечении квалифицированных трудовых ресурсов из-за рубежа, в преодолении демографического кризиса и опасениями роста социальной напряженности между гражданами России и мигрантами видится в выработке сбалансированной миграционной политики, учитывающей потребности общества в миграционном притоке, а также в рациональном регулировании миграционных процессов и в решении социальных проблем мигрантов. В настоящее время особый акцент в миграционной политике Российской Федерации делается на добровольное переселение соотечественников в Российскую Федерацию.

Основные направления государственной политики в отношении соотечественников за рубежом были определены в Концепции поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом от 30 августа 2001 г. [1]. Прежде всего, это их адаптация и интеграция в жизнь российского общества, оказание органами государственной власти содействия в приеме и обустройстве граждан, переселившихся на добровольной основе.

Представляется, что проблема переселения и обустройства соотечественников связана с вопросами межгосударственных отношений, миграционной и демографической политики, а также развития экономического потенциала, повышения внешнеполитического влияния и авторитета России, что является основой национальной безопасности России. В условиях сов-

ременной демографической ситуации приток мигрантов из-за рубежа – важнейший фактор сохранения численности населения России. В последние годы миграционный прирост, хотя и в небольшой мере, но пока еще компенсировал часть естественной убыли населения, а в более ранние годы он вносил огромный вклад в демографическую динамику.

Страны нового зарубежья (республики бывшего СССР) – это наши миграционные партнеры. Показатель миграционного прироста из стран СНГ увеличивался до 1994 г., достигнув максимальной величины – 1 146 тыс. человек за счет прибытия в Россию большого числа мигрантов из этих стран, затем началось резкое сокращение миграционного прироста населения [2]. Такое снижение объясняется тем, что, с одной стороны, постепенно улучшалась социально-экономическая и этнополитическая ситуация в странах СНГ, а с другой стороны, в России был ужесточен порядок приема мигрантов из стран СНГ и режим получения российского гражданства. Согласно положениям закона о гражданстве и пребывании иностранцев, мигранты из СНГ (кроме родившихся на территории России) были лишены каких-либо преимуществ в отношении оформления вида на жительство и российского гражданства. Люди, получившие гражданство через российские посольства за рубежом, были вынуждены подтвердить его в России. Тем самым страна сама оттолкнула от себя многих мигрантов.

По мнению В.В. Вышеславова, для эффективного решения вопросов регулиро-

вания миграции необходима научно обоснованная, учитывающая геополитические, экономические и демографические интересы страны концепция миграционной политики России [3]. Она должна быть составной частью стратегии демографического развития Российского государства и включать следующие направления:

– привлечение иммигрантов, в первую очередь соотечественников, на постоянное место жительства из государств нового зарубежья;

– привлечение трудовых мигрантов из государств нового и старого зарубежья в отрасли и регионы в соответствии с экономическими и геополитическими интересами России;

– сокращение масштабной эмиграции из страны на постоянное место жительства за рубеж россиян, особенно высококвалифицированных кадров;

– расселение внутрироссийских иммигрантов из числа соотечественников.

Кроме того, считаем, что система мер миграционной политики должна находиться в «правовом поле» международных актов, регламентирующих перемещение населения между государствами, защищающих права мигрантов, обеспечивающих гарантии в различных сферах жизнедеятельности, и при этом должна отвечать национальным интересам России.

Меры в области миграции должны способствовать приросту российского населения, учитывая, однако, при выборе стран и районов расселения мигрантов геополитические интересы страны, контролируя при этом возможные этнические сдвиги.

В последние годы в научной литературе все чаще поднимается проблема «Русского мира» – особого социокультурного и геополитического пространства, охватывающего русскоязычное население планеты. Его появление связано прежде всего с распадом Советского Союза на ряд независимых государств, который в свое время был общей родиной для многих соотечественников. Сегодня русскоязычное население расселено по всей планете, но в большей степени оно концентрируется в странах Балтии и СНГ, связано между собой род-

ственными узами, культурными традициями и общим менталитетом.

Впервые на официальном уровне термин «Русский мир» был озвучен в выступлении В.В. Путина на Конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом, который проходил в Москве в 2001 г. [4]. В этом выступлении «Русский мир» понимался как транснациональная этнокультурная сеть, в основе создания которой лежит добровольное желание людей, проживающих за рубежом, но ощущающих себя частью русской культуры, испытывающих интерес к нашей традиции, истории, к самоорганизации и налаживанию тесных культурных связей с Россией, объединяться.

Ключевой момент понимания сущности «Русского мира» состоит в том, что в России и за ее пределами проживает одинаковое число русских людей, которые говорят и думают на русском языке. Такое положение позволяет говорить о наличии потенциально объединенного социума под названием «соотечественники».

Следует согласиться с мнением П. Щедровицкого, согласно которому парадокс сегодняшней ситуации состоит в том, что любая страна, претендующая на статус мировой державы, стремится не только к удовлетворению интересов своих граждан, но и к работе в интересах соотечественников, проживающих в других государствах, коими для России являются те, кто добровольно относит себя к «Русскому миру» [5].

Говоря о понятии «Русский мир», можно выделить два этапа в его генезисе: 1) период концептуального оформления, который совпадает со второй половиной 90-х годов прошлого столетия; 2) период придания «Русскому миру» статуса государственной политики. Важной вехой на пути придания идее «Русского мира» государственного статуса явилось выступление В.В. Путина на Конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом, в 2001 г. Данный послыл в докладе был достаточно неожиданным для многих участников форума [6]. Сам факт озвучивания идеи «Русского мира» на столь высоком уровне можно расценивать как коренное изменение концептуального подхода Российского

государства к своим соотечественникам за рубежом.

Думается, что сегодня мы переживаем третий этап – попытку перейти к практическим действиям по структурированию «Русского мира». Но проблема заключается в том, что государственный аппарат не располагает четкой, утвержденной концепцией «Русского мира».

Таким образом, кризис национальной идеи – это беда не только России, но и ее политики в отношении своих соотечественников за рубежом. В связи с этим нужно привести еще одну важную идею, принадлежащую П. Щедровицкому, согласно которой если за идеей «Русского мира» не будет ничего, кроме слов, если не будет никаких действий, не будет волевой компоненты, то и «Русского мира» не будет [5].

Современное международное право крайне неясно трактует права, как государства-метрополии по защите своих граждан, по тем или иным причинам оказавшихся в очагах зарубежных конфликтов, так и самих указанных граждан на элементарную самозащиту.

К сожалению, действующая Конституция России и другие законодательные акты практически не регламентируют вопрос о мерах и способах политического давления в случае грубого ограничения свобод и прямой угрозы жизни россиян, находящихся и проживающих вне пределов национальной территории. Отдельные российские политики, в том числе и специально занимавшиеся проблемами СНГ (например, бывший министр по делам Содружества этнический казах А.Г. Тулеев) предлагают «жесткие адекватные меры», вплоть до введения «экономических санкций» к странам, «в которых ущемляются права наших соотечественников».

«Особенно это касается наших ближайших соседей, которые перед Россией в долгах, как в шелках. У нас есть для этого рычаги – от требования немедленного погашения задолженности за потребление наших энергоресурсов до отключения их у нарушителей», – пишет А.Г. Тулеев. «Пусть, – продолжает он, – не поймут меня превратно: это не будет шантажом

со стороны России. Это будут адекватные цивилизованные меры страны в ответ на ущемление законных, общепринятых человеческих прав своих соотечественников. Не более и не менее» [7].

Известный российский правовед, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права РАН, член Комиссии международного права ООН И. Лукашук пишет: «Важно иметь в виду, что на протяжении всей своей истории Россия с точки зрения международного права оставалась одним и тем же государством. Понятие государства включает не только политическую систему, но и население и территорию. Встречающееся в выступлениях государственных деятелей и даже в дипломатических актах выражение «новое российское государство» означает лишь, что произошли изменения в социально-политической системе России» [8].

Еще одним важным моментом, касающимся нашего вопроса, несомненно, является определение того объема помощи и поддержки, которые государство может обеспечить своим соотечественникам. Важное значение для этого имеет: во-первых, законодательное определение объема гарантированных соотечественникам прав, свобод и поддержки; во-вторых, определение того объема прав, свобод и возможностей, которые государство может реально предоставить своим соотечественникам.

В соответствии с Федеральным законом «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [9] Российское государство оказывает соотечественникам помощь и поддержку в области основных прав и свобод человека и гражданина, в экономической и социальной областях, в области культуры, языка и образования, информации. Соотечественники получают поддержку Российского государства:

1. В обеспечении своих основных свобод и гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и иных прав, предусмотренных международными пактами о правах человека.

2. В своих действиях, направленных против случаев дискриминации по призна-

кам расы, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к соотечественникам, имущественному положению или любому другому обстоятельству.

3. В обеспечении равенства перед законом Российская Федерация:

- стимулирует сотрудничество российских организаций с хозяйствующими субъектами соотечественников;

- содействует созданию совместных организаций, товариществ и обществ, участию соотечественников в инвестициях в российскую экономику;

- поощряет связи российских организаций независимо от форм собственности с иностранными предприятиями, на которых работают преимущественно соотечественники, развитие взаимовыгодной кооперации между ними;

- оказывает поддержку социально незащищенным категориям соотечественников;

- предоставляет гуманитарную помощь соотечественникам, оказавшимся в чрезвычайной ситуации;

- поддерживает в деле сохранения и развития культурного наследия соотечественников и русского языка, в получении соотечественниками равного доступа к образованию на всех уровнях и на русском языке;

- предоставляет возможность использовать российские центры науки и культуры в иностранных государствах для удовлетворения культурных, научных и информационных потребностей;

- содействует всем видам культурного обмена между соотечественниками;

- способствует сохранению соотечественниками знания русского языка, созданию условий для его изучения и употребления для обучения и получения на нем информации;

- предоставляет соотечественникам возможность получения среднего и высшего профессионального образования, повышения квалификации, в том числе в аспирантуре и докторантуре, в учебных заведениях и научно-исследовательских уч-

реждениях России наравне с российскими гражданами.

Во время пребывания на территории России соотечественники пользуются правами наравне с российскими гражданами.

Несомненно, законодательно закрепленный круг прав, свобод и возможностей, гарантированных нашим соотечественникам, проживающим за рубежом, достаточно широк. Вместе с тем необходимо отметить, что на практике ситуация довольно сложная. Многие из вышеизложенного носят декларационный характер, а указанные меры государственной поддержки и помощи носят общий и размытый характер.

Среди мер, которые государство должно проводить в данной области, первоочередное значение имеет обеспечение соотечественникам беспрепятственного доступа к среднему и высшему образованию на русском языке, а также к российским средствам массовой информации.

Русский язык и русская культура – главные факторы общности российских соотечественников. Особое внимание к ним со стороны государства необходимо как во внешней, так и во внутренней политике.

Сегодня мы сталкиваемся с целенаправленной политикой правительств многих постсоветских государств по вытеснению русского языка из системы государственного образования. Например, по официальным данным Минстата Украины, за последние пять лет количество русских школ на Украине сократилось с 20,7 до 13,9 %, число учащихся в них уменьшилось с 51,4 до 42,7 %. Сократилось и число русских дошкольных учреждений – с 48,8 до 34,4 %. Уменьшается количество студентов, обучающихся на русском языке: в 2002 г. число таковых было 63,2, а в 2008 г. – 52,9 %. По данным Союза театральных деятелей Украины, число русских театров за последние 6 лет сократилось с 40 до 9 % [10]. Такая ситуация связана прежде всего с нашими ограниченными правовыми возможностями навязать суверенным государствам сохранение государственной системы образования на русском языке.

В связи с этим стоит задача «скорейшего подписания и ратификации Конвен-

ции СНГ по обеспечению прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, языковым и религиозным меньшинствам» [11], где следует конкретизировать правовую основу защиты меньшинств, разработать действенный механизм удовлетворения потребностей проживающих в странах – участницах меньшинств в обеспечении их законных интересов.

Таким образом, государственная политика Российской Федерации должна быть направлена на финансовое и организационное содействие процессу создания частных русских школ, лицеев и университетов в постсоветских государствах, а в вопросе о поддержке русскоязычных СМИ, считаем, что Российская Федерация должна содействовать обеспечению прав всех национальных групп на получение информации и учреждение частных СМИ на родном языке.

Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденная Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 [12], стала важным шагом в направлении создания новой нравственной атмосферы в российском обществе, способствовала консолидации русского зарубежья.

Принятие данной программы обусловлено необходимостью формирования надежной системы государственного регулирования миграционных процессов, что позволяет снизить остроту демографических и миграционных проблем за счет привлечения квалифицированной рабочей силы с учетом геополитических, экономических интересов России, а также окажет позитивное влияние на перспективы дальнейшего экономического развития регионов.

Особенностью государственной программы является то, что впервые в отечественной практике государственного управления создан регулятивный механизм добровольного переселения соотечественников, который служит обоюдным интересам и переселенцев, и самой страны и позволяет стимулировать соотечественников к переезду в Россию в целях обеспечения

экономики страны и ее регионов необходимыми трудовыми ресурсами.

Реализация программы происходит на фоне совершенствования миграционного законодательства и изменений в социально-экономической сфере страны. В связи с этим особенно важно обеспечить миграционную привлекательность Российской Федерации, ее субъектов.

Опыт показывает, что программа побуждает достаточно большой контингент наших соотечественников к возвращению на историческую Родину – в Россию. Тем самым государственная программа призвана задействовать огромный человеческий потенциал и способствовать преодолению демографического спада, который переживает Россия.

Итак, изложенное позволяет сделать вывод, что переселение соотечественников в Российскую Федерацию оказывает влияние не только на демографическую и миграционную ситуацию в стране, но и на происходящие этнокультурные и этносоциальные процессы. В связи с этим реализация данной государственной программы тесно связана с реализацией государственной политики в сфере межнациональных отношений.

1. Концепция поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на современном этапе [Электронный ресурс]: утв. Президентом России 30 авг. 2001 г. URL: <http://sngcom.ru/key-issues/compatriots/conception> (дата обращения: 12 дек. 2010 г.).

2. Пронин А.А. Российские соотечественники в странах старого и нового зарубежья. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 20 с.

3. Вышеславов В.В. Соотечественники, проживающие за рубежом, как фактор национальной безопасности современной России: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009. 178 с.

4. Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом (г. Москва, 11-12 октября 2001 года): итоговые материалы. М., 2001. 5 с.

5. Щедровицкий П. Русский архипелаг [Электронный ресурс]. М., 2003. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-doctrina (дата обращения: 12 дек. 2010 г.).
6. Омарова З.М. К вопросу об определении понятия «соотечественники за рубежом»: опыт России // Власть. 2008. № 3. С. 34-41.
7. Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М.: Спарк, 1997. 322 с.
8. Тулеев А.Г. Россия должна защищать своих соотечественников – где бы они не находились // Комсомольская правда. 2000. 15 марта.
9. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: федер. закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ : ред. от 23 июля 2010 г. // Собр.законодательства Рос. Федерации. 1999. № 22. Ст. 2670; 2010. № 30. Ст.4010.
10. Еремина И.С. Соотечественники. Механизм реализации и защиты прав: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2010. 36 с.
11. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. // Рос. газ. 1995. 23 июня.
12. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 26. Ст. 2820.

ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЯ «СТИХИЙНОЙ» ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ (ТОЛПЫ) В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

А.Р. Салимгареева

(старший преподаватель кафедры общепрофессиональных и специальных дисциплин по юриспруденции филиала Южно-Уральского государственного университета в г. Нижневартовске; alabina@mail.ru)

В статье рассматриваются проблемы квалификации групповых преступлений, существующие в отечественном уголовном праве. Анализируемое проявление группы «стихийного» характера, представляющее самостоятельное уголовно-правовое значение, находит лишь косвенное отражение в уголовном законе. Краткий историко-ретроспективный анализ отечественного законодательства указывает на то, что совершение преступления толпой всегда рассматривалось в качестве более опасного, чем совершение преступления одним лицом или даже в соучастии. Для устранения данного пробела в современном уголовном законе предлагается закрепить данную форму групповой преступной деятельности в нормах Общей части Уголовного кодекса РФ в качестве самостоятельной нормы.

Ключевые слова: квалификация преступлений, групповое преступление, толпа, ответственность, регламентация.

Всякую толпу достаточно легко побудить на что угодно либо увлечь чем угодно, будь то благие поступки или же противоправные деяния, потому что с любой толпой происходит то же самое, что и с морем. Безобидное для моряков и спокойное, море всякий раз, как задуют сильные ветра, само получает свойство ветров, на нем свирепствующих. Так и толпа – всегда проявляет те самые свойства, какими отличаются ее вожаки (организаторы, руководители, предводители) и советчики (подстрекатели).

В том случае, когда групповые образования получают в уголовном законе не прямое, а косвенное отражение, они являются элементом объективной стороны конкретного состава преступления, совершаемого лицом, действующим с позиций уголовно-правовой оценки индивидуально. Закономерность выделения таких объединений обосновал Р.Р. Галиакбаров, считавший их признаком объективной стороны преступного посягательства, характеризующим обстановку его совершения либо сам способ этого посягательства [1, с. 86]. Поддерживая эту мысль, профессор А.В. Шеслер отмечает, что «...указанные групповые образования в силу их различных свойств в одних случаях действительно характеризуют обстановку совершения преступления, в

других случаях – его результат, а в третьих – средства совершения преступления или иных противоправных действий» [2, с. 99].

Выражением такого рода группового образования, характеризующего внешнее проявление преступления в реальной действительности, является, например, наличие толпы при массовых беспорядках (ст. 212 УК РФ), которая на неопределенное время в конкретном месте берет ситуацию под свой контроль за счет того, что в силу своей стихийности нейтрализует деятельность органов государственной власти.

Феномен толпы известен с древних времен, хотя впервые был зафиксирован и исследован только около столетия назад. В 1898 г. в России вышла книга французского социального психолога Г. Лебона «Психология народов и масс». Затем появились работы Г. Тарда, З. Фрейда. В отечественной уголовно-правовой науке как в советский, так и в современный периоды преступления, совершаемые толпой (скопом), изучались крайне мало. Однако мысль о том, что толпа переменчива и агрессивна, никем никогда не отвергалась. Даже в марксистской традиции с ее культом сознательности признавалось безумие мелкобуржуазной стихии [3, с. 68]. Долгие десятилетия проводимые исследования по психологии толпы

воспринимались как маргинальные. Социологи, психологи, праведы предпочитали изучать «нормальные» общественные связи, стойкие социальные либо антисоциальные групповые образования. Предполагалось, что психология людских скоплений – скорее фантом, временное наваждение, нежели закономерный социальный продукт.

Историко-ретроспективный анализ показывает, что на протяжении истории развития отечественного законодательства отдельные статьи того или иного нормативного правового акта содержали нормы, регламентирующие ответственность за групповую преступную деятельность, которые не охватывались рамками института соучастия в преступлении.

Так, например, ст. 271 Уложения 1845 г. предусматривала ответственность за восстание скопом или заговором [4, с. 235]. Понятие «скоп» отсутствовало в Уложении, однако было ясно, что под ним имелось в виду совершение преступления большой по численности группой лиц, обозначаемой толпой. Норма ст. 271 Уложения 1845 г. схожа со ст.ст. 19, 20 главы II Соборного Уложения 1649 г. и ст.ст. 19, 37 Артикула Воинского [5, с. 91; 6, с. 234].

В дальнейшем положения о данной форме групповой преступной деятельности были отражены законодателем в Общей части Уложения 1845 г. после института соучастия в преступлении. Это говорит о том, что законодатель того периода, в отличие от настоящего, не отождествлял толпу с институтом соучастия, а относил ее к иным формам групповой преступной деятельности. В Особенной части Уложения 1903 г. и в «Руководящих началах по уголовному праву» 1919 г. также предусматривалась ответственность за участие в публичном скопище, т.е. в толпе.

Таким образом, анализ законодательных источников XVII–XX вв. позволяет сделать вывод о том, что совершение преступления толпой всегда рассматривалось в качестве более опасного, чем совершение преступления одним лицом или даже в соучастии. Смысл данного положения заключается в том, что толпа, создавая определенный негативный антураж, парализует

на время социальный контроль со стороны власти, что дает отдельным индивидам, склонным к преступному поведению, возможность приобрести в толпе сознание своей численности, особой силы и чувства безнаказанности.

В теории уголовного права точное определение понятия толпы отсутствует. Рассматривая понятие толпы, даваемое другими науками, можно отметить, что для социологов толпа – это случайное скопление людей, сплоченное на основании сравнительно посторонних и временных связей; для психологов – это группа, кооперация внутри которой имеет случайный и временный характер. Историки обычно смешивают понятия «толпа» и «народные массы», поэтому во избежание путаницы в терминологии данное определение лучше не рассматривать в историческом аспекте. Учитывая историческое понимание толпы, на наш взгляд, более точным является определение немецкого ученого Д. Хердера, который определяет толпу как «группу людей с общими традициями, намеренно действующими совместно вне существующих рамок для того, чтобы достичь одну или несколько специально определенных целей» [7, с. 4].

Современный французский психолог-публицист С. Московичи отмечает, что «поддаться инстинктам опасно для изолированного индивида, но когда он находится в неответственной толпе, где ему обеспечена безнаказанность, он может свободно следовать своим побуждениям. И уже можно говорить о таком специфичном понятии, как “преступность толпы”. Уверенность в безнаказанности тем сильнее, чем многочисленнее толпа. Сознание значительного, хотя и временного могущества дает возможность скопищам людей проявлять такие чувства и совершать такие невероятные действия, которые невозможны для индивида» [3, с. 157].

Исходя из вышесказанного, по нашему мнению, в уголовно-правовом значении толпа может пониматься как стихийное, случайное, временное, относительно неорганизованное, бесструктурное скопление множества лиц, которые могут обладать признаками субъекта преступления, а

могут и не обладать ими, находящиеся во взаимодействии друг с другом, лишенных ясно осознаваемой общности цели, но связанных между собой сходством эмоционального состояния.

На основании этого определения можно выделить характерные признаки данной формы группового образования:

- 1) внезапное (стихийное) пространственное и временное соприкосновение большого количества лиц, реже нескольких лиц, которые могут обладать признаками субъекта преступления, а могут и не обладать ими;
- 2) случайный состав, возникший в данном пространстве тем же временным, переходящим интересом. Лица, вошедшие в состав данного образования под влиянием внешнего негативного впечатления, приобретают некоторые свойства, которых ранее не имели либо которые проявлялись не столь резко в каждом из них, отдельно взятом;
- 3) относительная неорганизованность, которая предполагает, что люди, вошедшие в состав толпы, как правило, лишены внутренней организации, хотя полностью отвергать отсутствие организации не следует, так как разнородные случайные элементы, не знакомые друг другу, будучи сплочены сходством эмоционального состояния, могут внезапно создать некоторую организацию;
- 4) отсутствие осознаваемой общности цели, поскольку данное групповое образование является признаком совместной преступной деятельности, характеризующим обстановку совершения преступного посягательства либо сам способ этого посягательства;
- 5) возникновение в процессе данного группового образования межличностных отношений, образующихся на основе единства действий и приобретающих со временем относительно самостоятельный характер.

Приведем пример толпы, описываемой в лекции древнегреческого оратора, общественного и политического деятеля Андокида (ок. 440–390 до н. э.): «...увидев людей числом около трехсот, стоящих группами по пять или десять, а иногда – по двадцать человек. Можно ли это сборище считать толпой? Нет, поскольку люди стоят группами и не совершают единых действий» [8, с. 138].

При такой форме объединения лиц, как толпа, каждый из участников осознает, что совершает общественно опасное деяние не индивидуально, а совместно с другими, либо присоединяет свою деятельность к уже начавшимся действиям другого лица либо группы лиц. Следовательно, умысел на совершение определенных действий может возникнуть одновременно у нескольких лиц сразу без предварительного соглашения, каким-либо образом проявленного вовне, а именно словом, жестом, мимикой. Возможны также ситуации, когда отдельное лицо или несколько лиц без предварительного соглашения сознательно присоединяются к совершению уже начавшегося преступления с молчаливого согласия (одобрения) других участников.

Необходимо отметить, каким образом происходит процесс вовлечения в совместную преступную деятельность «стихийных» форм объединения лиц. Можно привести следующий пример хулиганства, в котором участвует много лиц (процесс вовлечения в групповую преступную деятельность «стихийных» групповых образований будет аналогичным). Так, за девушкой Т. пытался ухаживать парень Г., однако Т. избегала с ним встреч. Подкараулив ее как-то вечером у подъезда, Г. со своим другом пытался поговорить с девушкой. За Т. заступился ее сосед А., однако Г. со своим другом начали избивать А. Испугавшись, девушка побежала в соседний двор с криками: «Убивают А., на помощь!». Находившиеся на баскетбольной площадке ребята бросились на помощь А. и в результате жестоко избили Г. и его друга. В драке участвовало человек 20.

Наука социология относит такие группы к разряду «промежуточных». Они характеризуются рядом особенностей, а именно:

- а) расплывчатым определением роли, которую играют члены группы;
- б) ограниченной сплоченностью;
- в) непостоянством;
- г) минимальной согласованностью норм поведения;
- д) текучестью членов группы;
- е) беспорядочным руководством;
- ж) ограниченностью ожиданий в отношении членского состава [9, с. 365].

Особенности вхождения индивида в такие «стихийные» групповые образования невозможно понять, не рассмотрев механизм взаимовлияния друг на друга в процессе взаимодействия возникших межличностных отношений.

Известно, что взаимодействие – это любое поведение человека или группы, имеющее значение для других людей в данный момент и в будущем. Оно включает передачу информации, получение, реакцию на нее, ее переработку и возврат, а также реакцию на новую информацию первого лица [10]. Влияние друг на друга участников такого «стихийного» группового образования, как толпа, в процессе их взаимодействия может происходить как путем убеждения, внушения, так и путем подражания.

Подражание может быть произвольным и непроизвольным. Процесс произвольного подражания происходит с сознательным усилием и намерением. Непроизвольное подражание, как правило, осуществляется без предварительного намерения и без сознательного усилия. Образцы того или иного поведения усваиваются путем следования определенному примеру. Подражание распространено в так называемых «стихийно» созданных группах. К ним можно также отнести и преступные группы несовершеннолетних. В таких стихийно созданных групповых образованиях наряду с подражанием и внушением действует также механизм «заражения» [11, с. 27].

В процессе взаимодействия индивидов социально-психологическое заражение выступает как один из способов влияния и групповой интеграции. В свою очередь, «заражение характеризует во многом бессознательную, невольную подверженность индивида определенным психическим состояниям. Оно осуществляется не посредством пассивного созерцания и более или менее осознанного понимания внешне очевидных образцов поведения (как при подражании), а через передачу психического настроения, обладающего большим эмоциональным зарядом, через накал страстей» [12, с. 258]. Результат социально-психологического заражения обнаруживается при

непосредственном контактном общении, а его усиление зависит от яркости эмоциональных переживаний и возрастает прямо пропорционально числу людей, участвующих в психологическом взаимодействии. Яркий пример эмоционального заражения – толпа разъяренных футбольных болельщиков на стадионах.

Так, социально-психологическое заражение осуществляется при контактном взаимодействии, а его механизм действует мгновенно, на его интенсивность влияет яркость эмоциональных переживаний окружающих и вся обстановка в целом. Поскольку общее эмоциональное состояние всегда порождает атмосферу бесконтрольности, отсюда и проявление жестокости отдельных участников (хулиганов) толпы.

Тем самым едва ли можно отвергать существование группы там, где отсутствует предварительное соглашение при такой форме совместной преступной деятельности, как толпа, даже если данное групповое образование не всегда образует соучастие. Преступления без предварительного сговора могут быть не менее, а зачастую и более опасными, чем преступления, совершенные по предварительному сговору.

Предварительный сговор предполагает точное, оптимальное число участников для совершения преступного деяния. В то же время численность групп без предварительного сговора может быть разной и достигать нескольких десятков, сотен и даже тысяч человек, так как они образуются под влиянием не только сознательно используемых, но и в значительной степени случайных обстоятельств [13, с. 39].

Следует отметить также возрастающее в последнее время внимание к так называемой «ведомой толпе» – толпе, организованной лидерами, как правило, имеющей и подстрекателей. Весьма интересным видом ведомой толпы и неоднозначным в оценке совершаемых действий со стороны правоохранительных органов являются флешмобы. В переводе англ. flash mob – толпа людей, внезапно собирающаяся в одном месте и так же внезапно исчезающая. Обычно флешмобы организуются через Интернет.

Таким образом, можно утверждать, что флешмоб – это заранее спланированная массовая акция, в которой большая по численности группа лиц (мобберы) внезапно появляется в общественном месте, в течение нескольких минут ее участники выполняют заранее оговоренные действия абсурдного содержания (сценарий) и затем одновременно быстро расходятся в разные стороны как ни в чем не бывало.

Данное групповое образование, которое также является элементом совместной деятельности, характеризующим обстановку совершения действия либо сам способ этого действия, придерживается принципа «флешмоб вне религии, вне политики, вне экономики». Однако гарантии того, что этот принцип соблюдается всеми участниками данного группового образования и не используется его участниками либо иными лицами в других скрытых целях, нет.

Анализ флешмобов показал, что некоторые из них совсем не являются безобидными толпами в том понимании, о котором говорят сами мобберы. Начиная с 2006 г. некоторые акции проводились оппозиционно настроенными группами, которые использовали признаки массовости, внезапности, синхронности флешмобов для организации политических акций.

Так, например, после выборов в Белоруссии в 2006 г. прошел ряд таких акций в Минске: несколько человек, внезапно собравшись в центре города, раскрыв газету «Советская Белоруссия», начинали рвать ее на мелкие кусочки. В другой подобной акции около 30 участников демонстративно завязали глаза и отвернулись от установленного на площади экрана, по которому транслировалось выступление прокурора Белоруссии. Количество участников таких политических акций достигало 100–120 человек [14]. Такого рода акции прошли, например, в марте 2010 г. в Калининграде (вместо запрещенного властями митинга) и в июне 2010 г. в Томске [14].

В настоящее время флешмобы подвергаются небезосновательной критике как со стороны политиков, социологов, психологов, так и со стороны правоохранительных органов. Безусловно, флешмоб, дей-

ствуя в качестве группового образования, характеризующий обстановку совершения действия либо сам способ этого действия, порождает чувство вседозволенности, которое может провоцировать его участников на групповое хулиганство. Как справедливо отметил С.В. Познышев, «...наблюдая, что другие стремятся к тому же, отдельный человек уже не стыдится того, чего стыдился бы, будь то один; пример других ободряет его, дает в его глазах известную санкцию намеченному поступку. Падает или даже исчезает чувство ответственности, устраняется опасение, что другие осудят, ведь и они стремятся к тому же» [15, с. 159]. В результате, повинуясь совместным умонастроениям, отдельное лицо может совершить и тяжкое преступление, на которое оно было не способно в обычной ситуации. Это важно учитывать, поскольку принцип организации данных мероприятий позволяет использовать их заинтересованными людьми в корыстных либо любых других низменных целях.

Несомненно и то, что обстановка массовых скоплений порождает рост латентных преступлений, совершаемых совместными действиями лиц, склонных к преступному поведению в районе образования людских масс. Причина латентности видится во временной (более или менее продолжительной) нейтрализации мер социального контроля, в том числе и со стороны правоохранительных органов, что препятствует регистрации, раскрытию и расследованию преступлений.

Толпа при массовых беспорядках либо при совершении групповых хулиганств увеличивает виктимность отдельных лиц, то есть склонность лица к поведению, повышающему шансы на совершение преступления в отношении его. Толпа, характеризующая обстановку совершения массовых беспорядков, групповых хулиганств либо флешмобов, объективно обуславливает рост числа совершаемых преступлений не только участниками толпы, но и иными лицами, которые используют либо могут воспользоваться сложившейся ситуацией в своих преступных целях. Значительная часть населения при отсутствии социаль-

ного контроля оказывается беззащитной перед преступлениями толпы.

Таким образом, можно утверждать, что толпа является самостоятельным групповым образованием, отличающимся от всех других групп, действующих в рамках института соучастия. В случаях, прямо или косвенно указанных в статьях Особенной части УК РФ, толпа является неотъемлемым (обязательным) признаком соответствующего состава преступления, характеризующего обстановку совершения преступного посягательства.

Между тем данный вид групповой преступной деятельности никоим образом не регламентируется действующим уголовным законодательством. Для устранения этого пробела уголовного закона предлагаем закрепить данную форму групповой преступной деятельности в нормах Общей части УК РФ в качестве самостоятельной нормы следующего содержания: «Преступление признается совершенным в составе толпы (или “стихийной” преступной группы), если вследствие случайного, временного, относительно неорганизованного, бесструктурного скопления множества лиц в нем примут участие лица, как обладавшие признаками субъекта преступления, так и не обладавшие ими, находящиеся в относительном взаимодействии друг с другом, лишённые ясно осознаваемой общности цели, что может привести к созданию угрозы либо фактическому наступлению единого для них преступного последствия, предусмотренного конкретной нормой Особенной части настоящего Кодекса».

1. Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия: учеб. пособие. Хабаровск: Хабаровская высш. шк. МВД СССР, 1987. 96 с.

2. Шеслер А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой пре-

ступности: учеб. пособие. Тюмень, 2005. 118 с.

3. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.

4. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Юрид. лит., 1988. Т. 6: Законодательство первой половины XIX в. 432 с.

5. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 3: Акты Земских соборов. 638 с.

6. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. А.Г. Манькова. 512 с.

7. Herder D. Crowd Action in Revolutionary Massachusetts, 1765–1780. N.Y., 1977. 410 p.

8. Корш М. Краткий словарь мифологии и древностей. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1894. 204 с.

9. Яблонский Л. Шайка делинквентов как промежуточная группа // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. ст. М.: Прогресс, 1966. С. 355–366.

10. Новейший философский словарь. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 18 июля 2010 г.).

11. Джекебаев У.С., Вайсберг Л.М., Судакова Р.Н. Соучастие в преступлении (криминологические и уголовно-правовые проблемы). Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. 148 с.

12. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. 352 с.

13. Прокументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2010. 164 с.

14. URL: <http://moikompass.ru/compass/fmob> (дата обращения: 2 июля 2010 г.).

15. Познышев С.В. Учебник уголовного права. М., 1923. 678 с.

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С.Э. ЛИБАНОВОЙ «КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА»¹

Е.В. Смахтин

(доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Института права, экономики и управления Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, доцент; smaxt@yandex.ru)

Новизна рецензируемой работы заключается в рассмотрении адвокатуры как института гражданского общества, способного обеспечить гарантированную властью реализацию конституционных прав и свобод человека посредством профессионально-правового общественного надзора. Особую значимость монографии придает то, что ее автор является практикующим адвокатом с двадцатилетним стажем.

Ключевые слова: институт адвокатуры, обеспечение прав и свобод человека, гражданское общество.

¹Либанова С.Э. Конституционно-правовые основы деятельности российской адвокатуры в механизме обеспечения прав и свобод человека: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. 300 с.

Монография С.Э. Либановой посвящена исследованию и осмыслению конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека. Предложенная автором концепция этого конституционно-правового механизма определяет в качестве одного из путей развития гражданского общества его профессионально-правовую институционализацию, позволяет эффективно реализовать надзорные полномочия через институт адвокатуры. Выполняя функцию непрерывного профессионально-правового общественного надзора, члены адвокатского сообщества берут на себя особые обязательства не только перед обществом и государством, но и перед конкретным человеком, что в период бурного развития экономики страны и глобального реформирования законодательной базы представляется весьма актуальным.

Являясь практикующим адвокатом с двадцатилетним стажем, Светлана Эдуардовна исследует проблемы теории и практики реализации конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека, призванного создать условия и обеспечить хотя бы относительную безопасность личности, общества и государ-

ства. Полагаю, что именно с этой целью автор определяет конституционно-правовые основы деятельности адвокатуры, ее роль, место и значение в предлагаемом и исследуемом механизме. Для решения поставленных задач и преодоления выявленных проблем автором монографии определен ряд новых полномочий и функций адвокатуры, которые обусловлены признанием ее институтом гражданского общества в законодательном порядке.

Последовательность и системность изложения позволили автору в период финансово-экономического кризиса, военнополитических конфликтов, экологических и техногенных катастроф, значительной поляризации населения по уровню доходов, правового нигилизма, недоверия к судебной власти, игнорирования выборов органов представительной власти и многих других негативных процессов, несущих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, разработать и предложить концепцию конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека (гражданина, индивида, личности), позволяющую эффективно реализовать не только существующие меры правового

регулирования и обеспечения законности посредством системы государственных органов и правозащитных институтов гражданского общества, но и выработать новые.

Провозглашение прав и свобод человека не имеет практической значимости без наличия целостного и эффективного механизма, обеспечивающего гарантированную Конституцией РФ возможность их реализации. Право, базирующееся на семи основополагающих принципах: стратегии, власти, силе, знании, красоте, разуме и мудрости, призвано служить совершенствованию жизни людей, не угождая сиюминутным политическим интересам. Конституционно права и свободы человека провозглашены как высшая ценность общества. Защита профессиональным сообществом адвокатов прав и свобод граждан, оказание квалифицированной юридической помощи является не только обеспечением и выполнением адвокатурой положений Конституции РФ, но и гарантией благополучия и процветания России, торжества добра и справедливости в гражданском обществе.

С содержательной стороны в предложенной автором монографии концепции адвокатура рассматривается как институт гражданского общества, способный обеспечить гарантированную властью реализацию конституционных прав и свобод человека путем профессионально-правового общественного надзора. По мнению рецензента, подобная позиция обладает определенными элементами новизны и вызвана современной ситуацией в России, связанной с нарушением конституционных прав и свобод человека. Подобных работ до настоящего времени не издавалось.

С.Э. Либанова предлагает от парадигмы «нарушенные конституционные права и свободы должны незамедлительно восстанавливаться» перейти к парадигме «нарушить конституционные права и свободы невозможно», обеспечиваемой путем тесного взаимодействия и взаимоконтроля всех субъектов конституционного механизма на основе власти права.

Структурно книга состоит из введения, пяти глав, заключения, а также двух приложений, одно из которых содержит

предложения по внесению изменений в действующее законодательство, в том числе Конституцию РФ, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в Гражданский кодекс РФ, в процессуальные кодексы: гражданско-, арбитражно-, уголовно-процессуальный, в Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации», а второе посвящено принципам взаимодействия суда и адвокатуры.

Заслуживают внимания, хотя и не бесспорны, выводы и предложения автора:

- о разграничении адвокатской и правозащитной деятельности;
- статусе адвоката с позиций его функционального элементного состава и введении нижнего возрастного предела кандидата на должность адвоката, как дополнительной гарантии получения квалифицированной юридической помощи;
- нравственной ответственности адвоката перед клиентом;
- возможности оценки степени независимости адвоката;
- разграничении права на суд и права на судебную защиту;
- доступности помощи адвоката;
- правозащитной функции суда;
- внесении изменений в концепцию национальной безопасности России и некоторые другие.

Первая глава посвящена анализу функционирования конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод, конституционного и общественного контроля за их обеспечением, а также места и роли российской адвокатуры в рассматриваемом автором механизме.

Во второй главе отражен новый научный подход к освещению и рассмотрению «конституционно-правового триединого статуса российской адвокатуры», сделаны предложения и выводы, направленные на решение проблем по защите прав и свобод человека и гражданина с использованием в полной мере возможностей адвокатуры и адвокатской деятельности.

Третья глава содержит анализ конституционно-правового статуса адвоката как субъекта адвокатской деятельности

по обеспечению прав и свобод человека. Автором предлагается совершенствование структуры адвокатских образований и действующего законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности, целью которого является обеспечение качества и доступности квалифицированной юридической помощи для каждого человека при наличии профессиональной ответственности перед ним как каждого адвоката, так и всего адвокатского сообщества.

В четвертой главе адвокатура рассматривается как конституционный элемент единого механизма обеспечения доступа к правосудию, способствующий соблюдению принципа состязательности в судебных процессах и международного принципа доступа граждан к правосудию. Автор рассматривает адвокатуру как институт гражданского общества, способный обеспечить эффективность интегрирования систем общества и государства на базе основополагающих принципов Конституции РФ.

В пятой главе исследуются некоторые вопросы взаимодействия и взаимосвязи адвокатуры с другими субъектами, обеспечивающими реализацию конституционных прав и свобод. В числе этих субъектов автор рассмотрел суд, правоохранительные органы, Общественную палату, институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и некоторые другие.

Ориентация развития общества и государства на защиту общечеловеческих ценностей, обеспечение приоритета личности, ее прав и свобод обуславливает своевременность и необходимость исследования реализации конституционных принципов в адвокатской деятельности, повышение активности участия адвоката в предупреждении и исправлении судебных ошибок, обеспечении реальной защиты прав граждан и юридических лиц в процессе реализации конституционного принципа народовластия через функцию профессионально-правового надзора за отправлением правосудия, обеспечиваемую адвокатурой как институтом гражданского общества.

С.Э. Либанова справедливо утверждает, что признание государством адвокатуры институтом гражданского общества

предопределяет не только определенный объем прав, но и обязанности, и ответственность за демократическое развитие общества и государства.

К достоинствам монографии следует отнести и то, что, раскрывая содержание темы, автор не только анализирует эволюцию российской адвокатуры, но и рассматривает модели конституционного обеспечения прав человека в зарубежных странах, имеющийся международно-правовой опыт.

Работа представляет собой комплексное самостоятельное и творческое исследование действительно важных проблем в сфере обеспечения конституционных прав и свобод человека и предложение путей их преодоления через новое освещение фундаментальных положений конституционно-правовых основ деятельности институциональной адвокатуры.

Работа написана доступным языком, стиль изложения монографии отвечает предъявляемым требованиям.

Вместе с тем проведенное автором научное исследование не лишено отдельных дискуссионных и спорных моментов.

1. Так, в приложении 1 (с. 273-281) автор вносит предложения по совершенствованию действующего законодательства. В частности, им, как уже отмечалось, предлагается внести изменения не только в Конституцию РФ, но и в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Предлагаемые изменения по своему содержанию весьма объемны. Полагаем, что и в тексте монографии, и в самом приложении необходимо было дополнительно аргументировать необходимость внесения столь масштабных изменений в Конституцию РФ, федеральные законы, в том числе кодексы.

2. В этом же приложении (с. 281) автор пишет: «...представляется целесообразным и логичным ввести суд присяжных по делам о трудовых спорах, разделе имущества, сделкам с недвижимостью и т.п. и в России».

Полагаю, что этот тезис тоже требует своего обоснования. Ведь, по сути, предлагаются довольно кардинальные для нашего законодателя новеллы. Из содержания работы необходимость подобных изменений не прослеживается, требуется дополнительная аргументация.

3. Ряд идей и предложений автора звучны позиции С.Д. Игнатова, посвятившего концептуальным основам организации адвокатуры в Российской Федерации монографию, опубликованную в 2006 г. в Ижевском государственном университете.

По мнению рецензента, следовало учесть позицию С.Д. Игнатова в рукописи монографии, сформулировать авторскую позицию по поводу идей этого ученого.

4. Заслуживают более детального рассмотрения вопросы взаимодействия и взаи-

мосвязи адвокатуры с другими субъектами, обеспечивающими реализацию конституционных прав и свобод в общей системе этих субъектов, правозащитной функции суда, а также внесения изменений в концепцию национальной безопасности России.

Выявленные недостатки не снижают общего положительного впечатления о работе, которая отвечает всем требованиям, предъявляемым к работам такого рода.

Монография будет полезна действующим адвокатам, всем практикующим юристам, преподавателям юридических вузов, аспирантам, студентам и всем лицам, заинтересованным в обеспечении реализации конституционных прав и свобод человека и развитии гражданского общества в России.

Summary

1. Methodology, theory and history of state and law regulation

Apreleva V.A. Actuality and meaning of the political and legal doctrine of Platon

Platon's achievements in construction of the concept of «Laws» are analyzed in the article. Such concepts as virtue, law, supreme authority of the law, its compulsion for all, justice, art of the legislation are considered.

Keywords: Platon, virtue, law, supreme authority of the law, compulsion for all, justice, art of the legislation.

Kirichek E.V. Formation and development of personal and civil rights and freedoms: philosophic and legal aspects

The article is devoted to the problems of formation and development of personal and civil rights and freedoms. The article deals with the analysis of views, ideas, theories, conceptions, outlooks and conclusions of specialists in the field of philosophy, general theory of law and constitutional law. The author points out that the idea of personal rights had to appear on the theoretical level before it became the part of the public consciousness and the subject of the legal regulation. And it is clear that the appropriate social, economic and political preconditions are necessary for this.

Keywords: personal rights, citizen, person, state, freedom, ensuring, realization, development.

Barbin V.V. Realization of the generally recognized principles and norms of the international law in the Russian legal system

The analyses aimed at establishing the sources of generally recognized principles and norms of the international law which, in accordance with the Constitution are the part of the Russian legal system is carried out in the article. Taking into consideration the results of the study, it is possible to make a conclusion, that there is no need to change the Russian Constitution by setting new universal principles and norms of the international law, and that the Constitution contains a mechanism, which allows to include new principles and norms of the international law into the domestic legal system as they emerge and develop.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, the UN Charter, the Universal Declaration of Human Rights, International Covenant on Civil and Political Rights, human rights, the Declaration on Principles of International Law, Human Rights Standards, generally recognized principles and norms of the international law, international treaty.

2. The problems of state and municipal construction

Yurev V.V. The necessity of consolidation jurisdiction of the Russian Federation and its subjects in the field of the external migration

The article concerns the problem of elimination the gaps in the modern legislation, connected with differentiation and consolidation of the authorities of the public power in the Russian Federation and its subjects in the field of the external migration.

Keywords: bodies of state power, subjects of the Russian Federation, authorities, jurisdiction, migration policy, migration processes.

3. Private law, regulation of contracts

Vavilin E.V. The procedure of establishing the insurance sum according to the insurance contract

The article is devoted to the research of the insurance sum and insurance cost as important elements of insurance legal relationships. The ways of establishing the insurance sum in various kinds of insurance and the lacks of legal regulation which lead to infringements of the rights of the insured persons are analyzed.

Keywords: insurance cost, insurance sum, the insured person, insurer, personal insurance, property insurance, obligatory insurance.

Eremenko A.S. Methodological issues of the structure of the civil law rule

The investigation of the problem of the civil law rule structure and the consideration of notions of the hypothesis, solution and sanction are given in the article. The interconnection between the hypothesis of the civil law rule and the judicial grounds of realizing the civil law consequences, on the one hand, and the solution of the civil law rule and the civil law consequence arising due to the legal grounds specified in the hypothesis of the civil law rule, on the other hand, is underlined in the article.

Keywords: theory of law, civil law, application of law, legal rule, hypothesis, solution, sanction, judicial ground, judicial consequence.

4. Criminal legislation and Criminology

Aryamov A.A. To the question of the criminal liability of judicial entities

In the article the author has made an attempt to solve an actual problem of bringing judicial entities to the criminal liability. The experience of foreign criminal legislation, criminal legal doctrine and domestic legal traditions have been used in the research.

Keywords: criminal liability, judicial entity, punishment, crime, subject of the crime, subject of punishment, efficiency of criminal prohibition.

Morozov V.I., Tsygankov S.L. Peculiarities of criminal liability for crimes in bankruptcy sphere in foreign countries

The article is devoted to the research of the contents of the foreign criminal legislation regulating criminal liability for crimes in the sphere of bankruptcy. The aim of the article is to study the foreign experience while working at the changes in the Criminal code of the Russian Federation.

Keywords: crimes in bankruptcy sphere, foreign criminal legislation.

Yuzikhanova E.G., Zarembo E.S. Victimological prevention of street crime (in the Tyumen region)

The article presents an analysis of the statistical data about the places of commission, the time, and the victims of street crime in the Tyumen region. Basing on the results of the research, the measures of victimological prevention are suggested.

Keywords: victimological prevention, street crime, time and place of crime commission, victim of street crime.

5. The improvement of the law enforcement agencies' activity in crime detection and crime investigation

Matvienko G.V. Customs Service protecting the interests of national security: problems of implementation of supervisory authorities

This article analyzes some problems of ensuring national security determined by the imperfections in the legislation of the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and the Russian Federation. The author points out the problem of qualification of goods smuggling including high-risk goods and offers the ways of its solution taking into account the formation of the united customs area.

Keywords: national security, customs union, customs process, supervision, smuggling.

Algazin I.I. The contents of criminalistic nature of agricultural animals theft

The article concerns the peculiarities of the criminal activity of the persons committing thefts of agricultural animals. The author singles out such elements of the criminalistic nature of thefts as circumstances, *modus operandi*, data about the criminal and the criminal *modus operandi*, data about the criminal and the criminal group, the subject of the criminal infringement. The necessity of considering every element is examined.

Keywords: theft, *modus operandi*, method of crime concealment, the criminalistic nature of the crime, agricultural animal.

6. Procedural law, jurisdiction, procedures

Fedoseeva E.L. The procedural term of submitting a petition about concluding a pre-trial agreement on cooperation

This article deals with the procedural terms of submitting by a suspect or an accused a petition about concluding a pre-trial agreement on cooperation. Analyzing the rules of chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and existing law enforcement practice, the author makes a conclusion that any prosecuted person can declare his wish to cooperate and after becoming a suspect or an accused he can submit a proper petition.

Keywords: petition about concluding a pre-trial agreement on cooperation, criminal prosecution, special procedure of trial.

7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

Baluev E.N. The mechanism of realizing the law enforcement function in a modern state

This article examines approaches to comprehending the definition of «law-enforcement function of the state» in the Russian theoretical legal science and the mechanism of realizing the law enforcement function in a modern state.

Keywords: legality, law and order, protection, law-enforcement function, mechanism of state, law enforcement agencies, mechanism of realizing law enforcement state function.

Goryainova M.V. The Russian compatriots as the object of the Russian Federation migration policy

The article deals with the questions of the Russian Federation state policy in the sphere of voluntary migration of compatriots to Russia as the object of the Russian Federation migration policy. The author considers global processes in demographic and migration spheres and national peculiarities of our country as well.

Keywords: migration policy, migration attraction, Russian compatriots, compatriots living abroad, migration, state migration program.

Salimgareeva A.R. The problem of legal regulation of a «spontaneous» criminal group (crowd) in the Russian criminal law

The article considers the problems of qualification of group crimes existing in the Russian criminal law. The activity of a «spontaneous» criminal group having an independent criminal law character is only indirectly reflected in the Criminal Law. A brief historical retrospective analysis of the Russian legislation indicates that the group crime was always regarded as more dangerous phenomenon than a crime committed by one person or even by accomplices. To fill in this gap in the modern criminal law the author proposes to consolidate this form of group criminal activity as an independent rule in the rules of the General Part of the Russian Criminal Code.

Keywords: qualification of crimes, group crime, crowd, responsibility, regulation.

8. Surveys, reviews, criticism

Smachtin Y.V. The review of the monography of S.E. Libanova «Constitutional-law foundations of the activity of the Russian Bar in the mechanism of ensuring personal rights and freedoms»

The novelty of the reviewed work is in the consideration of the Bar as the institute of the civil society, capable to provide the realization of the constitutional laws and freedoms of the person, guaranteed by state authorities by means of professional-legal public supervision. This monograph is of special importance because its author is the practicing lawyer with twenty years' experience.

Keywords: the Bar institute, maintenance of the personal rights and freedoms, civil society.

Уважаемые авторы!

Решением Президиума ВАК Минобрнауки от 7 марта 2008 г. № 9/11 «О мерах по повышению эффективности использования Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий» с 1 сентября 2008 г. начата полномасштабная эксплуатация системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Включение нашего издания в систему РИНЦ потребует от авторов представления в редакцию дополнительной информации.

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить в редакцию надлежащим образом оформленные **материалы и заявку**.

Для опубликования научных статей дополнительно требуется **внешняя рецензия**.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде (бланк заявки находится на сайте издания: <http://www.naukatui.ru>).

После принятия решения об опубликовании материалов редакция направляет автору (авторам) **лицензионный договор**.

Плата за опубликование материалов в журнале не взимается.

Требования, предъявляемые к оформлению материалов:

1. Материалы представляются в распечатанном (с обозначением наименования файла и подписью автора(ов)) и электронном виде.

Объем материалов: научная статья – до 1 авт. листа, научное сообщение, рецензия, обзор – до 0,5 авт. листа (авторский лист – 40 тыс. печатных знаков, включая пробелы).

2. Материалы набираются в редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер – 14 pt, межстрочный интервал – 1,0 (одинарный), верхнее поле – 20 мм, нижнее – 20 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм).

3. Заглавие (тема) материала набирается прописными буквами.

4. Указываются сведения об авторе(ах) (инициалы, фамилия, место работы, должность, ученая степень, ученое звание).

5. Обязательно наличие списка литературы (в рецензиях список литературы допускается не приводить).

Отсылки к источникам приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46], [3, с. 48; 7, с. 25]).

Литературные источники перечисляются в списке в порядке их упоминания в тексте (комплексное описание источников не допускается). Список литературы оформляется в соответствии с прилагаемыми примерами.

В публикуемой рецензии, кроме того, необходимо привести библиографическое описание рецензируемого издания (см. примеры оформления списка литературы).

6. Авторские примечания оформляются как подстрочные (знак сноски – *).

7. В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

Требования, предъявляемые к оформлению заявки:

Обязательными элементами заявки на опубликование являются:

1. Индекс УДК.

2. Заглавие материала (на русском и английском языках).

3. Сведения об авторе(ах):

– фамилия, имя, отчество полностью (на русском и английском языках);

– ученая степень (полностью), ученое звание;

– должность;

- место работы: полное наименование организации, населенного пункта, почтовый адрес и (или) e-mail (на русском и английском языках);
 - контактная информация (телефон и (или) e-mail автора(ов)).
4. Аннотация (на русском и английском языках).
 5. Ключевые слова – выбираются из текста материала (на русском и английском языках).

Требования, предъявляемые к оформлению рецензии:

Внешняя рецензия содержит традиционные элементы описания рецензируемого труда. В рецензии необходимо указать место работы, должность, ученую степень, ученое звание, фамилию и инициалы рецензента. Подпись рецензента заверяется надлежащей печатью. Рецензия может быть направлена как в распечатанном, так и в электронном виде.

Образец оформления заявки

БЛАНК

(все поля подлежат
обязательному заполнению)

ЗАЯВКА на опубликование материала в журнале «Юридическая наука и правоохранительная практика»		Индекс УДК 343.14 (47)
Заглавие материала (на рус. языке)		
Состязательность – условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве		
Заглавие материала (на англ. языке)		
Adversary as equality term for parties involved in criminal procedure		
Фамилия, имя, отчество автора (на рус. языке)		
Корнакова Светлана Викторовна		
Фамилия, имя, отчество автора (на англ. языке)		
Kornakova Svetlana Viktorovna		
Ученая степень (полностью)	Ученое звание	Контактная информация (тел., эл. почта автора)
Кандидат юридических наук	–	8(3952) 24-00-14 Svetlana-kornakova@yandex.ru
Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на рус. языке)		
Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11		
Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на англ. языке)		
Baikal National University of economics and law, 664003, Irkutsk, Lenina, 11		
Должность (полностью)		
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, заместитель декана судебно-следственного факультета БГУЭП		
Аннотация материала (на рус. языке)		
В статье автором рассматривается принцип состязательности, основанный на различии интересов сторон в уголовном процессе, указываются необходимые условия выполнения этого принципа: равенство сторон и независимость суда, делается вывод о том, что состязательность способствует достоверному установлению обстоятельств преступления		
Аннотация материала (на англ. языке)		
In the article the author considers that the principle of adversary is based on the difference of the interests for parties in criminal procedure. Some terms for using of this principle are determined as equality of the parties and court independence. Also the author draws a conclusion that adversary promotes valid ascertainment of the circumstances of the crime		
Ключевые слова материала (на рус. языке)		
Состязательность, равенство сторон, справедливость, истина		
Ключевые слова материала (на англ. языке)		
Adversary, equality term, justice, truth		

Примеры оформления списка литературы

1. Отдельные издания.

Книга 1 автора: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология: монография. М.: Наука, 1982. 287 с.

Книга 2 авторов: Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве: метод. пособие. М.: Инфра-М, 1997. 153 с.

Книга 3 авторов: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2007. 251 с.

Книга 4 и более авторов: Теория государства и права: учеб. нагляд. пособие / А.И. Числов [и др.]. 2-е изд., доп. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2007. 233 с.

Книга с указанием сведений об ответственности:

Неновски Н. Право и ценности: монография / вступ. ст. и пер. с болг. В.М. Сафронова; под. ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. 248 с.

Многотомное издание: Алексеев С.С. Общая теория права: курс лекций: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 359 с.

Продолжающееся издание: Проблемы философии права и государства: сб. науч. ст. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2003. Вып. 2. 103 с.

Серийное издание: Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Право. Волгоград, 1996. Вып. 1. 223 с.

Диссертация: Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 473 с.

Автореферат диссертации: Маштакова Е.А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 28 с.

Архивные и неопубликованные материалы: Российский государственный архив древних актов. Ф. 4. Оп. 5. Д. 8. Л. 2 (об.).

2. Составные части издания.

Статья из сборника: Марцев А.И. Понятие и содержание уголовной ответственности // Проблемы борьбы с преступностью: сб. тр. Омской высшей школы милиции МВД СССР. Омск: Омская высш. шк. милиции МВД СССР, 1976. С. 90-112.

Статья из сборника по материалам конференции: Сумачев А.В. Компромисс в уголовно-правовой борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Тюменской области: материалы междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 23-24 мая 2001 г. / Тюменский юрид. ин-т МВД России. Тюмень, 2002. С. 34-35.

Статья из журнала: Клеандров М.И. Роль органов МВД России в проверке кандидатов в судьи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 31-42.

Статья из газеты: Лубенченко К.Д. Безработные законы // Известия. 1990. 25 апр.

3. Электронные ресурсы.

3.1. Локального доступа.

Составной части электронного ресурса:

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] от 5 апр. 1994 г.: ред. от 16 окт. 2006 г. // КонсультантПлюс: Высшая школа: учеб. пособие. 2007. Вып. 8. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

Отдельного издания: КонсультантПлюс: Высшая школа [Электронный ресурс]: программа информационной поддержки российской науки и образования. 2005. Вып. 3: К весеннему семестру 2005 года. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

3.2. Удаленного доступа.

О Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конст. закон от 17 дек. 1997 г. № 2-ФКЗ: ред. от 2 марта 2007 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=66567;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=BE95276C46F8994647D4BBD5703C1EAC> (дата обращения: 19 дек. 2008 г.).

3.3. Из локальных сетей, а также из полнотекстовых баз данных, доступ к которым осуществляется на договорной основе или по подписке.

О введении надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [Электронный ресурс]: указание М-ва соц. защиты РФ от 14 июля 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Нормативные правовые акты.

О милиции: закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1: ред. от 23 июля 2008 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 18 апр.; Рос. газ. 2008. 25 июля.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: ред. от 30 июня 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16; Рос. газ. 2008. 3 июля.

О некоторых вопросах, связанных с квалификацией и установлением требований по обязательным платежам, а также санкциям за публичные правонарушения в деле о банкротстве: пост. Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 25 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9.

Все элементы библиографического описания источников являются обязательными.